

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025
FOUNDED IN 2025

НОМЕР 1 2025 МАРТ
NUMBER 1 2025 MARCH

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025

FOUNDED IN 2025

NO. 1

2025

MOLODOI ISTORIK YOUNG HISTORIAN

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The main content of the YOUNG HISTORIAN consists of scientific articles, scientific abstracts, scientific reviews, the subject of which corresponds to the group of scientific specialties 5.6 “Historical Sciences” according to the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, approved by Order № 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021:

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.3. Archaeology
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.6. History of science and technology
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy
- 5.6.8. Records management, document science, archival science

The purpose and scope: THE “YOUNG HISTORIAN” is an academic, peer-reviewed journal aimed at promoting the scientific research of young scholars in the field of history. The journal is a platform for the exchange of opinions and discussions between young historians and the publication of scientific and historical researches and materials of theoretical and (or) practical significance.

Journal objectives:

- Selection and publication of original and high-quality scientific materials by young historians;
- Involvement of young scholars, students, postgraduates, applicants for academic degrees in publishing and activities of the journal;
- Ensuring objective and independent review of published articles by domestic and foreign historians;
- Promotion of international cooperation in the field of historical science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

E-mail: molodoi.istorik@rggu.ru

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

Научный журнал

Выходит 4 номера электронной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Основное содержание МОЛОДОЙ ИСТОРИК состоит из научных статей, научных обзоров, научных рецензий, тематика которых соответствует группе научных специальностей 5.6 «Исторические науки» согласно номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118:

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.6. История науки и техники

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область: МОЛОДОЙ ИСТОРИК – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на продвижение научных исследований молодых учёных в области истории. Журнал является платформой для обмена мнениями и дискуссий между молодыми историками и публикации научно-исторических исследований и материалов, имеющих теоретическую и (или) практическую значимость.

Задачи журнала:

- отбор и публикация оригинальных и качественных научных материалов молодых историков;
- привлечение молодых научных сотрудников, студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней к публикационной активности и деятельности журнала;
- обеспечение объективного и независимого рецензирования публикуемых статей отечественными и зарубежными историками;
- содействие развитию международного сотрудничества в области исторической науки. Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Адрес редакции: 125047, Москва, Мнусская пл., 6

Электронный адрес: molodoi.istorik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive secretary

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor of English text*)

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

Executive editor:

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), RSUH

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), SPSU

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

Главный редактор

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор английского текста*)

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

Ответственные за выпуск:

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, РГГУ

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическая история России раннего Нового времени

Михаил А. Овчинников

«Служилые по прибору» и посад:
двинские стрельцы в хозяйственно-
экономической сфере Архангельска
во второй половине XVII в.

10

История Российской империи: политика и коммеморация

Давид А. Сарибекян

Организация межевания земель Закавказья
в деятельности главноначальствующего
гражданской частью на Кавказе
А.М. Дондукова-Корсакова (1882–1890 гг.)

23

Егор И. Штанько

Н.И. Бобриков и финские
интеллектуальные элиты 1920-х гг.

36

Анна С. Лизогуб, Егор В. Шестопалов

200-летие сражения при Гангуте:
история последнего военного юбилея
Российской империи

46

История Советского союза: культурные, социальные, идеологические аспекты

Анастасия В. Зотова

Система просвещения в Советском Союзе
в победном 1945 году

63

Иван В. Прохоренко

Исторические и культурные мотивы в
конструировании образа врага на страницах
журнала «Крокодил» в 1941–1945 гг.:
взгляд сатирика и обывателя

75

Иван М. Шихалеев

Музыка под пристальным взглядом прессы:
джаз в советской периодической печати
(1956–1964 гг.)

91

CONTENTS

Socio-economic history of Russia in the early Modern Period

Mikhail A. Ovchinnikov

“Sluzhilie po pribory” and Posad:
Dvinsk Streltsy in the economic sphere
of Arkhangelsk in the second half of
the 17th century

The History of the Russian Empire: Politics and Commentary

David A. Saribekyan

The organization of land surveying in
Transcaucasia in the activities of the
chief of the civil unit in the Caucasus
A.M. Dondukov-Korsakov (1882–1890)

Egor I. Shtanko

N.I. Bobrikov and the Finnish
intellectual elites

Anna S. Lizogub, Egor V. Shestopalov

The 200th Anniversary of the Battle of
Gangut: The History of the Last
Military Jubilee of the Russian Empire

The history of the Soviet Union: cultural, social, and ideological aspects

Anastasia V. Zotova

The education system in the Soviet Union
in the victorious year of 1945

Ivan V. Prokhorenko

Historical and cultural motives in
constructing the image of the enemy
on the pages of the «Crocodile»
magazine in 1941–1945:
the view of a satirist and a layman

Иван М. Шихалеев

Music under the press scrutiny:
jazz in Soviet periodicals (1956–1964)

Марина В. Новикова

Духовно-нравственные проблемы
советского общества в интеллектуальном
наследии А.Ф. Керенского 1920–1940 гг.

101

Тимофей В. Картавых

Первая мировая война в
воспоминаниях генерал-лейтенанта
Михаила Никаноровича Герасимова

116

Даниил А. Бакланов

Конец и вновь начало? Российская история
и политика в позднем научном творчестве
Ричарда Пайпса

129

Научная жизнь

Даниил А. Бакланов

«Будущее нашего прошлого – 10:
интеллектуальная история (идеи, люди,
контекст)»: взгляд молодых ученых

143

Marina V. Novikova

Spiritual and moral problems of the
Soviet society in the intellectual heritage
of A.F. Kerensky 1920–1940

Timofey V. Kartavykh

The representation of the First World War
in the memoirs of Lieutenant General
Mikhail Nikanorovich Gerasimov

Daniil A. Baklanov

The end and the beginning again?
Russian history and politics
in Richard Pipes' late scholarly activities

Scientific life

Daniil A. Baklanov

“The Future of Our Past – 10: An Intellectual
History (ideas, people, context)”: The view
of young scholars

СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).047

«Служилые по прибору» и посад: двинские стрельцы
в хозяйственно-экономической сфере Архангельска
во второй половине XVII в.

Михаил А. Овчинников

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматриваются формы невоенной деятельности представителей стрелецких гарнизонов Двинского уезда во второй половине XVII в. Освоение новых территорий и постоянные войны Московского государства в XVI–XVII вв. способствовали росту численности различных категорий военизированного населения, в том числе «служилых по прибору». Так во многих возникающих периферийных городах и в крупных центрах появлялись стрелецкие гарнизоны, представители которых активно встраивались в повседневную жизнь поселения. Автор проводит анализ внеслужебных занятий двинских стрельцов в одном из важнейших торговых центров Московского государства – Архангельске. Особое внимание уделяется местной стрелецкой слободе, а также формам вовлечения служилых людей в хозяйственно-экономическую сферу города. В этом ключе наибольший интерес будут представлять материалы делопроизводства Новгородского приказа, а также городовые книги Архангельска. Автор приходит к выводу, что в основе своей внеслужебные занятия двинских стрельцов вторили основной деятельности местного посадского населения.

© Овчинников М.А., 2025

При этом делается предположение, что в среднем хозяйственно-экономическое положение стрельцов было значительно лучше постольку, поскольку служилые люди обладали определенными привилегиями в ведении торговли и хозяйства.

Ключевые слова: стрельцы, слобода, Архангельск, Русское царство, «служилые по прибору»

Для цитирования: Овчинников М.А. «Служилые по прибору» и посад: двинские стрельцы в хозяйственно-экономической сфере Архангельска во второй половине XVII в. // Молодой историк. 2025. № 1. С. 10-22.

“Sluzhilie po pribory” and Posad: Dvinsk Streltsy in the economic sphere of Arkhangelsk in the second half of the 17th century

Mikhail A. Ovchinnikov
Russian State University for Humanities,
Moscow, Russia, mikle.ovchinnikov2002@mail.ru

Abstract. The paper examines the ways of non-military activities of the streletsky garrisons representatives in the Dvinsky county in the second half of the 17th century. The development of new territories and the permanent wars of the Tsardom of Russia in the XVI-XVII centuries became the reason for the growth of paramilitary population, including “sluzhilie po pribory”. Thus, streletsky garrisons emerged in many new peripheral cities and large centers, whose representatives actively integrated into the daily life of the settlement. The author analyzes the off-duty activities of the Dvinsky Streltsy in one of the most important shopping centers of the Tsardom of Russia - Arkhangelsk. Special attention is paid to the local streletskaya sloboda, as well as to the ways of involvement of employees in the economic sphere of the city. In this regard, the materials of the Novgorod prikaz office management, as well as the Arkhangelsk gorodovie books, will be of the greatest interest. The author comes to the conclusion that, basically, the off-duty activities of the dvinsk streltsy echoed the main activities of the local population. At the same time, it is assumed that, on average, the economical status of

the streltsy was much better, insofar as the serving people had certain privileges in conducting trade and household.

Keywords: Streltsy, sloboda, Arkhangelsk town, Tsardom of Russia, “sluzhilie po pribory”

For citation: Ovchinnikov, M.A. (2025), “ ‘Sluzhilie po pribory’ and Posad: Dvinsk Streltsy in the economic sphere of Arkhangelsk in the second half of the 17th century”, *Young Historian*, no. 1, pp. 10-22.

Социально-экономическое развитие Московского государства в XVI–XVII вв. тесно связано со строительством вооруженных сил. Освоение территорий Сибири и Поволжья, а также войны на западе против Речи Посполитой и Швеции и на юге против Османской империи и Крымского ханства приводили к постоянному росту численности военизированного населения. Как следствие, появляются и развиваются новые формы военной организаций: в середине XVI в. указом Ивана IV Грозного в Москве собираются несколько стрелецких приказов. За несколько десятилетий эта новая категория «служилых по прибору» появится во многих крупных и пограничных городах Московского государства.

На протяжении всего XVII в. наблюдается непрерывный рост общей численности стрелецкого войска. В крупных приграничных городах разрастающиеся гарнизоны организуются в стрелецкие приказы, а общий рост численности городских стрельцов способствует возникновению новых форм социальной и военной организации – стрелецких слобод. Во многих средневековых городах Московского государства XVI–XVII вв. подобная структура позволяла содержать гарнизон плотной массой в одном месте, в котором стрельцы имели возможность содержать и развивать свое хозяйство, селить семьи, заниматься торговлей и промыслами, при этом продолжая нести «государеву службу» [Марголин 1953, с. 79]. В то же время представители служилой корпорации не изолировались от остального населения городов и активно включались в жизнь посада. В этом контексте весьма любопытна региональная специфика подобного взаимодействия. В разных частях Московского государства положение городских

стрельцов не было однозначным и одинаковым. Диапазон побочных занятий приборных людей был слишком велик для сближения с какой-то определенной категорией населения, поэтому проводить анализ социально-экономического положения городских стрельцов конкретного центра Московского государства необходимо в сравнении с другими социальными стратами изучаемой территории.

Двинские стрельцы как отдельная служилая корпорация известна с конца XVI в. Обычно в документообороте XVI–XVII вв. под «двинскими» имелись ввиду стрельцы Архангельска и Холмогор – двух крупнейших городов Двинского уезда. В конце XVI в. двинские стрельцы участвовали в военных походах в ходе русско-шведской войны 1590-1595 гг., были задействованы в качестве военной силы в годы Смуты [Гостев 2021, с. 83-84]. К середине XVII в. на Двине окончательно оформились три стрелецких приказа, силы которых, в основном, задействовались в качестве внутренних войск. Во второй половине XVII в. в России продолжался «бунташный век». Восьмилетняя осада Соловецкого монастыря стала серьезным испытанием для городских стрельцов Архангельска и Холмогор. За годы противостояния двинские стрельцы продемонстрировали низкий уровень боеспособности. После осады Соловецкого монастыря двинские стрельцы больше не привлекались к участию в боевых действиях и использовались только в качестве гарнизонных частей. В последней четверти XVII в., в эпоху войн с Османской империей и Крымским ханством, двинские стрелецкие приказы и арсенал Подвинья частично были посланы на южные рубежи, однако в действующее войско включены не были. В 1677-1681 гг. холмогорские стрельцы посменно несли «городовую» службу в Астрахани, заменив местный стрелецкий гарнизон. С 1681 по 1698 гг. городовые стрельцы находились в своих гарнизонах, практически не покидая пределы уезда. В 1698 г. часть двинских стрельцов была направлена в Москву на несение городской службы, а также ведения розыскных работ после стрелецкого бунта 1698 г.

В последние годы тема строительства вооруженных сил Московского государства в XVI-XVII вв. получила свое развитие в исследованиях широкого круга авторов. С начала 2000-х вышло

несколько крупных работ о становлении отдельных элементов военной организации государства за авторством М.Ю. Романова [Романов 2012], А.Е. Писарева [Писарев 2021], В.А. Волкова [Волков 2004] и др. Помимо этого, в последние годы весьма заметен исследовательский интерес к рассмотрению служилых корпораций в разных областях государства, выявлению региональной специфики, социального состава, служебных практик, а также их участия во внутренних и внешних процессах XVII в. К таким исследованиям можно отнести работы О.В. Дудиной [Дудина 2014], А.М. Молочникова [Молочников 2012], А.С. Раkitина [Раkitин 2016], В.Д. Пузанов [Пузанов 2014] и др. Двинские стрельцы в качестве отдельной служилой корпорации впервые были рассмотрены в трудах И.М. Гостева [Гостев 2020, 2021]. В первую очередь, в работах историка изучалось формирование и развитие стрелецких гарнизонов в городах Подвинья, их участие в боевых действиях, а также рассматривалась специфика гарнизонных служб. Тем не менее, вопросы социального состава корпорации, вовлечения стрельцов в хозяйственную жизнь городов Архангельска и Холмогор, местных стрелецких слобод недостаточно разработаны.

В Двинском уезде формирование местных стрелецких гарнизонов и, как следствие, строительство стрелецких слобод было тесно связано с созданием фортификационных сооружений. В Архангельске первыми строениями в посаде, вероятнее всего, были жилища присланных в 1584 г. в устье р. Двины стрельцов [Гостев 2021, с. 82]. Существует версия, согласно которой первая стрелецкая слобода была устроена около Михайло-Архангельского монастыря [Сибирцев 1894, с. 3]. С.Ф. Огородников, ссылаясь на писцовые книги Новгородской чети, указывал, что в 20-х гг. XVII столетия в Архангельске «с южной верхней стороны дворы монастырские, служилых и посадских людей, всего 370, делившиеся на слободы, или, вернее, улицы: стрелецкую, пушкарскую, затинную и жилецкую (посадскую), выходившая на двинской берег, где стояла Преображенская церковь, современная началу города» [Огородников 1890, с. 54]. С тех пор расположение и размеры стрелецких слобод могли меняться в зависимости от пожаров, которые время от времени выжигали Архангельск и

Холмогоры дотла. Так, например, 27 сентября 1664 г. «...в ноче был у Архангельского города пожар, згорела церковь Преображения господня и от церкви згорели людей многие дворя и все стрелецкие слободы»¹. Крупные пожары в Архангельске отмечались Двинским летописцем в 1667 и в 1670 гг.²

Привилегии стрелецкой служилой корпорации способствовали расширению слобод. Новоприверстанные стрельцы, прибывшие на Двину на службу, могли рассчитывать на единовременную выплату дополнительного жалования или компенсацию трат на покупку и застройку двора³. Для освоения и обзаведения хозяйством «...новоприверстанным стрельцам ссыльным Евдокиму Муковникову с товарищи 7 человек числом...» была выделена сумма в размере 3 рубля 4 алтына на человека (фактически, единовременное годовое жалование)⁴. Подобная практика была распространена во многих городах Московского государства. Разовые выдачи могли быть выплачены не только новоприверстанным стрельцам, но и «старослужащим» при смене места службы или при строительстве нового двора [Марголин 1953, с. 67].

Для новопривывших на Двину ратных людей выделялись земельные наделы в черте уже существующей слободы. Так, новокрещенных крымских татар, направленных на «...двинскую стрелецкую службу...», было велено «...дворами устроить из пустовых дворовых земель промеж холмогорских стрельцов»⁵. Вопросами обустройства ведали местные земские старосты⁶. Родственники и семьи стрельцов, как правило, обустранивались так же в стрелецкой слободе, что давало им ряд преимуществ. За порядком в слободе следили младшие командиры: десятники и пятидесятники⁷. Встречаются сведения о том, что пятидесятники двинских стрельцов назначались приказчиками слободских церквей [Сибирцев 1893, с. 36].

¹ ПСРА. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 115.

² Там же. С. 156.

³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 1. Д. 1285. Л. 20.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Новгород. Кн. 86. Л. 612.

⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 1. Д. 1285. Л. 2.

⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 1. Д. 1285. Л. 21.

⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 2. Д. 2224. Л. 56.

Служилые люди часто привлекались для выполнения невоенных задач. Стрельцам поручалась доставка документации, сопровождение иностранных лиц или же препровождение ссыльных из центральных областей в Подвинье⁸. Любопытны случаи направления служилых людей в отдаленные места для выполнения административных функций. В 1676 г. московский стрелец Киприан Данилов был сослан в Кевроль с женой и детьми, где был принят в местную стрелецкую корпорацию и назначен приставом в приказную избу⁹. Между тем стрельцы продолжали следить за порядком в посадах, а также направлялись для охраны близлежащих территорий или содействия в строительстве. Спасо-Преображенская пустынь Двинского уезда в грамотах воеводе просила «...посылать с Двины с Николина дня вешняго по пяти человек двинских стрельцов показеста каменное строенье повершится а жить им в той пустыне...»¹⁰.

Стрельцы Архангельска и Холмогор проявляли заметную активность в самых разных сферах, не связанных со службой. Во второй половине XVII в. основные центры Подвинья развивались во многом благодаря как внутренним торговым связям, так и ведением коммерческих отношений с иноземцами [Гостев 2020, с. 55]. Неудивительно, что служилые люди весьма охотно вовлекались в торговлю в самых разных формах. Например, в 1686 г. стрелец архангельского приказа Дмитрий Зуев просил поставить его с «...братено с теми же стрельцами в съезжей избе в площадных подъячих в товарищах»¹¹.

По материалам писцовых книг можно заключить, что двинские стрельцы в свободное от службы время практиковали ремесленные производства, владели лавками, кузницами и иными объектами [Овсянников 1970, с. 202]. Среди лавок посадских людей и гостей города можно встретить те, которые принадлежат одному

⁸ Челобитная Архангельских и Холмогорских пушкарей и затинщиков о назначении им денежного жалования в том же размере, в каком получают Двинские и Архангельские стрельцы // Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб., 1867. С. 116.

⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 1. Д. 561. Л. 34.

¹⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 2. Д. 2224. Л. 56.

¹¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 2. Д. 2468. Л. 289.

или нескольким стрельцам, десятникам и другим членам стрелецкой корпорации [Овсянников 1970, с. 201]. В перечне занятий стрельцов-ремесленников встречаются серебрянники, колачники, мясники, скорняки и т.д. [Огородников 1890, с. 83].

Любопытными представляются косвенные свидетельства наличия среди двинских стрельцов грамотных и обученных переписи книг людей. Так, в процессе над воеводой И.А. Мещериновым по обвинению его в разорении казны Соловецкого монастыря в 1676 г. указывается перечень книг, которые «писал двинской стрелец Ивашко Щербак да сумской стрелец Гришка дяконицын»; «а другую той же книги писал двинской стрелец Митка Семенов» [Сиренов 2010, с. 316].

Активное участие стрельцов в торговой сфере во-многом можно объяснить особым положением служилой прослойки. С.Ф. Огородников указывал, что «дворы служилых людей: пушкарей, затинщиков, стрельцов и др., стоявшие в городах и посадах, как и дворы монастырские, тоже не несли тягла, хотя занимались в соседстве с посадскими дворами одною и тою же мелочною торговлей» [Огородников 1890, с. 34]. При этом, представители архангельского посада жаловались, что торговля и промыслы у стрельцов идут куда лучше, так как те «...ни податей городских, ни служеб не несут» [Огородников 1890, с. 68].

Помимо этого, известны случаи, когда двинские стрельцы принимали участие в строительстве. Так было с сооружением каменных гостиных дворов в Архангельске, для строительства которых в 1668–1684 гг. привлекались как местные «работные люди», так и двинские стрельцы [Овсянников 1971, с. 31]. В рамках той же, по местным меркам грандиозной стройки, встречаются случаи выполнения «всякой работы» холмогорскими стрельцами «Петрушкой Бугаевым с товарищи, Андрюшкой Трофимовым с товарищи, Оброской Аврамовым с товарищи» за поденную плату в 6–8 денег [Овсянников 1971, с. 29].

На протяжении XVI–XVII вв. во многих городах Московского государства стрелецкие слободы постепенно теряли «закрытый» характер. На примере разных городов и гарнизонов наблюдается тенденция к постепенному наполнению слобод представителями посадского населения. Во многом это является

показателем того, что стрельцы не были закрытой чиновно-сословной группой [Галина 2017, с. 78]. Стрелецкие слободы двинских городов также не являлись полностью обособленными образованиями. Двинские стрельцы и их начальные люди могли занимать некоторые хозяйственно-административные должности как в самой слободе, так и за ее пределами. В документации Новгородского приказа встречаются сведения, что стрельцы Архангельска и Холмогор были весьма тесно связаны как с местным самоуправлением, так и с хозяйственной сферой посадов. По роду побочных, внеслужебных занятий двинские стрельцы были близки к посадскому населению Архангельска и Холмогор. Это проявляется как в схожей активности в торговле, ремесленном производстве, в совместном с местным населением участии в строительстве и т.д. Поступление на службу «в стрельцы» и инкорпорация в местные «служилые по прибору» давало ряд привилегий, свойственных этой социальной группе. С учетом этого обстоятельства можно судить о более выгодном социально-экономическом положении двинских стрельцов на фоне основной массы жителей посада.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков 2004 – Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. 572 с.
- Гостев 2020 – Гостев И.М. Холмогоры против Архангельска: экономическое противостояние городов в XVII веке // Труды Архангельского центра Русского географического общества. Вып. 8. Архангельск: Архангельский центр Русского географического общества, 2020. С. 55–61.
- Гостев 2021 – Гостев И.М. Из истории двинских стрельцов в XVI–XVII вв. // Защитники Отечества. Вып. 16. Материалы научных конференций XXXIX, XL общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск: Лоция, 2021. С. 78–90.

- Дудина 2014 – Дудина О.В. Служилые люди Белгородского разряда (по материалам разбора 1697 года) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: история, политология, социология. 2014. № 2. С. 42–47.
- Марголин 1953 – Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Уч. Зап. МОПИ. Т. 27. 1953. С. 63–95.
- Молочников 2012 – Молочников А.М. Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 321–369.
- Овсянников 1971 – Овсянников О.В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1971. 81 с.
- Овсянников 1970 – Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда: б.и., 1970. С. 197–211.
- Огородников 1890 – Огородников С.Ф. Очерк истории города. СПб.: Типография Морского Министерства, 1890. 333 с.
- Пузанов 2014 – Пузанов В.Д. Город и гарнизон Тюмени в XVII в. // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2014. № 4. С. 128–133.
- Писарев 2021 – Писарев А.Е. Московские стрельцы второй половины XVII – начала XVIII века. «Из самопалов стрелять ловки». М.: Яуза; Эксмо, 2021. 240 с.
- Ракитин 2016 – Ракитин А.С. Стрелецкий гарнизон г. Данкова в XVII – начале XVIII вв.: аспекты повседневности служилой корпорации // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 25–30.
- Романов 2012 – Романов М.Ю. Москва стрелецкая. М.: Москвоведение, 2012. 279 с.
- Сибирцев 1894 – Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII в. Архангельск: Губ. тип., 1894. 128 с.

- Сибирцев 1893 – Сибирцев И.М. Исторические сведения о Рождественской церкви в городе Архангельске. Архангельск: Губ. тип., 1893. 64 с.
- Талина 2017 – Талина Г.В. Стрельцы на страже государства или против // Революция и бунт в российской истории. Материалы всероссийской научной конференции. М.: Изд. Московского педагогического государственного университета, 2017. С. 68–81.

REFERENCES

- Dudina, O.V. (2014), “Military men of the Belgorod razryad (according to the materials of 1697)”, *Bulletin of the Voronezh State University. “History, political science, sociology” Series*, no. 2, pp. 42–47.
- Gostev, I.M. (2020), “Kholmogory versus Arkhangelsk: the economic confrontation of cities in the 17th cen.”, in *Trudy Arkhangel'skogo tsentra Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 8*. [Proceedings of the Arkhangelsk Center of the Russian Geographical Society. Vol. 8], Arkhangelsk Center of the Russian Geographical Society, Arkhangelsk, Russia, pp. 55–61.
- Gostev, I.M. (2021), “From the history of the Dvinsk Streltsy in the 16th-17th cen.”, in *Zashchitniki Otechestva. Vyp. 16. Materialy nauchnykh konferentsii XXXIX, XL obshchestvenno-nauchnykh chtenii po voenno-istoricheskoi tematike* [Defenders of the Fatherland. Iss. 16. Proceedings of scientific conferences XXXIX, XL of public scientific readings on military-historical subjects], Lotsia, Arkhangelsk, Russia, pp. 78–90.
- Margolin, S.L. (1953), “To the question of the organization and social composition of the Streltsy army in the 17th cen.”, *Scientific notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute*, vol. 27, pp. 63–96.
- Molochnikov, A.M. (2012), “Smolensky Streletsky regiments and their leaders in the Time of Troubles”, *The history of military affairs: research and sources*, vol. III, pp. 321–369.
- Ogorodnikov, S.F. (1890), *Otcherk istorii goroda* [An essay on the history of the town], Tipografia Morskogo Ministerstva, Saint-Petersburg, Russia.

- Ovsiyannikov, O.V. (1970), *Ludy i goroda srednevekovogo Severa* [Population and towns of medieval Northern Russia], Severo-zapadnoe knizhnoe isdatel'stvo, Arkhangelsk, Russia.
- Ovsiyannikov, O.V. (1971), "Kholmogorsky and Arkhangelsky settlements based on scribal and census books of the 17th cen.", in *Materialy po istorii Evropeiskogo Severa SSSR: Severnyi arheograficheskiy sbornik. Vyp. 1* [Materials on the history of the European North of the USSR: The Northern Archeographic collection. Vol. 1], Vologda, Russia, pp. 197–211.
- Pisarev, A.E. (2021), *Moskovskie strel'tsy vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka. «Iz samopalov strelyat' lovki»* [The Moscow streltsy of the second half of the XVII – beginning of the XVIII century. "Iz samopalov strelyat' lovki"], Yauza; Eksmo, Moscow, Russia.
- Puzanov, V.D. (2014), "The city and garrison of Tyumen in the 17th century", *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, no. 4, pp. 128–133.
- Rakitin, A.S. (2016), "The streletsky garrison of Dankov in the 17th – early 18th centuries: aspects of the daily life of a military corporation", *History: facts and symbols*, no. 2, pp. 25–30.
- Sibirtsev, I.M. (1893), *Istoricheskie svedenia o Rozhdestvenskoi cerkvi v gorode Arkhangel'ske*. [Historical data about the Christmas Church in the city of Arkhangelsk], Gubernskaya tipografia, Arkhangelsk, Russia.
- Sibirtsev, I.M. (1894), *Istoricheskie svedenia iz cerkovno-religioznogo bita Arkhangel'ska v XVII i pervoi polovine XVIII vv.* [Historical data from the church and religious life of Arkhangelsk in the 17th and first half of the 18th cen.], Gubernskaya tipografia, Arkhangelsk, Russia.
- Talina, G.V. (2017), "Streltsy on guard of the state or against it", In *Revolutsiya i bunt v rossiiskoi istorii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Revolution and rebellion in Russian history. Proceedings of the All-Russian scientific conference], Publishing House of the Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, pp. 68–81.

Volkov, V.A (2004), *Voyny i vojska Moskovskogo gosudarstva (konets XV – pervaya polovina XVII v.)* [Wars and troops of the Moscow state (the end of the XV – the first half of the XVII centuries)], Eksmo; Algorithm, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил А. Овчинников, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Ovchinnikov, master's student Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mikle.ovchinnikov.2002@mail.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОЛИТИКА И КОММЕМОРАЦИЯ

УДК 94(470) «1882/1890»

Организация межевания земель Закавказья в деятельности
главноначальствующего гражданской частью на Кавказе

А.М. Дондукова-Корсакова (1882–1890 гг.)

Давид А. Сарибекян

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, david7-00@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос межевания земель Закавказья как одна из центральных проблем экономической жизни региона в контексте деятельности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова (1882–1890 гг.). Данное направление было одним из главных в деятельности начальника, поскольку оно влияло не только на экономическое благосостояние Кавказа, но и на его социальную обстановку, которую было важно поддерживать в условиях происходивших в 1881–1883 гг. преобразований управления краем, основанных на принципах централизации и унификации с общеимперским административно-правовым пространством. Основываясь на законодательных источниках, делопроизводственных документах и материалах периодического издания «Кавказ», автор анализирует историю межевания земель Закавказья в указанный период и меры, предпринятые А.М. Дондуковым-Корсаковым относительно этого вопроса в рамках централизованного взаимодействия с высшими и центральными учреждениями России.

© Сарибекян Д.А., 2025

Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на усиление правительственной политики по интеграции всего Кавказского края в состав Российской империи, его централизации и унификации с общероссийским пространством, главноначальствующий выступал за решение коренных проблем региона, в частности вопроса межевания земель, с учетом его местных условий и потребностей его жителей.

Ключевые слова: А.М. Дондуков-Корсаков, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, Закавказье, межевание земель, поземельные отношения, Кавказ.

Для цитирования: Сарибекян Д.А. Организация межевания земель Закавказья в деятельности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова (1882-1890 гг.) // Молодой историк. 2025. № 1. С. 23-35.

The organization of land surveying in Transcaucasia
in the activities of the chief of the civil unit
in the Caucasus A.M. Dondukov-Korsakov (1882–1890)

David A. Saribekyan
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, david7-00@mail.ru

Abstract. The article explores the process of land surveying in Transcaucasia, considering it as one of the central problems of the economic life at the time when A.M. Dondukov-Korsakov was the chief of the civil unit there (1882–1890). His activities concerning land surveying were extremely important as they directly influenced both, the economic well-being of the Caucasus and its social situation, which was important to maintain under the conditions of Caucasus administration transformations (1881–1883). The latter were based on the principles of centralization and unification with the general imperial administrative and legal space, with their further implementation in the region. Making use of legislative sources, office documents and the periodical “Kavkaz”, the author examines the history of land surveying in Transcaucasia and the measures taken by A.M. Dondukov-Korsakov to meet the

requirements of land surveying in the context of centralized interaction between him and Russian higher and central institutions. The author comes to the conclusion that, despite the strengthening of government policy on the integration of the entire Caucasus region into the Russian Empire, its centralization and unification with the all-Russian system of governance, Dondukov-Korsakov did his best to solve the region's fundamental problems (the land surveying, in particular) trying to take into account the local conditions of Transcaucasia and the needs of its inhabitants.

Keywords: A.M. Dondukov-Korsakov, chief of the civil unit in the Caucasus, Transcaucasia, land surveying, land relations, Caucasus.

For citation: Saribekyan, D.A. (2025), "The organization of land surveying in Transcaucasia in the activities of the chief of the civil unit in the Caucasus A.M. Dondukov-Korsakov (1882–1890)", *Young historian*, no. 1, pp. 23-35.

Период 1880-х гг. стал особым временем в истории Кавказа. На этом этапе происходили мероприятия по усилению его интеграционных связей с Российской империей: в 1881–1883 гг. система управления краем была реформирована на принципах централизации и административно-правовой унификации с общеимперскими учреждениями. Наместничество упразднилось, а вместо него была учреждена новая администрация во главе с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе (одновременно занимавшим должность командующего войсками Кавказского военного округа). Вместе с этим был ликвидирован Кавказский комитет, дела которого передавались в ведение Комитета министров. Порядок взаимодействия главноначальствующего с высшими и центральными ведомствами учреждался на общих основаниях. Со стороны центральных государственных учреждений был усилен контроль в управлении регионом, а полномочия начальника края были существенно ограничены. Теперь он выступал в качестве высшего местного органа правительственного надзора за всеми отраслями государственного управления на Кавказе [Красняков 2010, с. 190].

Вышеназванные изменения были отражены в соответствующих законодательных актах: «Об упразднении Кавказского Комитета» (29.01.1882)¹, «Относительно устройства местных Управлений Кавказа» (29.01.1882)², «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» (26.04.1883)³ и «Учреждение управления Кавказского края» (26.04.1883)⁴. Последний закон регламентировал устройство окончательно установленной новой системы. Говоря о причинах преобразований 1881–1883 гг., важно отметить, что правительство таким образом стремилось, с одной стороны, сократить расходы казны на содержание прежней системы [Волхонский 2018, с. 189], с другой – усилить интеграцию региона в состав империи в рамках политики, нацеленной на «слияние края с общим организмом государства» [Волхонский 2018, с. 171].

Первым на должность главноначальствующего в 1882 г. был назначен князь А.М. Дондуков-Корсаков, служивший на Кавказе еще в годы Кавказской и Крымской войн и имевший многолетний опыт гражданского и военного управления регионами Российской империи. Заняв новую должность еще до окончания преобразований системы управления Кавказским краем, он принял участие в их довершении: он в том же году совершил объезд всего края, ознакомившись с его положением, и по результатам этого объезда подготовил собственные выкладки по переустройству управления регионом и представил их правительству для того, чтобы последнее приняло окончательное решение по данному вопросу и завершило реформирование. В них князь обращал внимание, в частности, на важность улучшения социально-экономических условий края как одного из факторов поддержания его внутренней стабильности [Волхонский 2019, с. 85]. Факт стабильности в регионе был важным в контексте реализации правительственной политики, направленной на его интеграцию с империей.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗРИ-III). Т. 2. СПб., 1886. № 637.

² ПСЗРИ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 638.

³ ПСЗРИ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1521.

⁴ ПСЗРИ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1522.

Одним из наиболее важных социально-экономических вопросов, требовавших своего решения на Кавказе, особенно в Закавказье, была сфера поземельных отношений. Ее проблема была обусловлена незавершенностью размежевания территорий края. Вопрос межевания земель напрямую влиял на проведение крестьянской реформы в Закавказье [Исмаилова 2014, с. 25–26]. Отсутствие межевых границ и неопределенность поземельных прав жителей в большей части региона приводили к постоянным конфликтам внутри населения, судебным тяжбам, насильственным захватам земель и пр. Все это не только тормозило хозяйственное развитие региона, но и способствовало усугублению его социальной нестабильности. Уже в ходе своего объезда в 1882 г. главноначальствующий убедился в «неудовольствии» местного населения, в частности, на состояние поземельных отношений. Неспроста в номере газеты «Кавказ» от 13 июня 1882 г. в сообщении, посвященном объезду, прямо излагалось, что от медленного процесса межевания «страдает весь край»⁵.

Проблема медлительности процесса осуществления межевания была во многом связана с неудовлетворительностью его внутреннего устройства и экономией денежных затрат, поэтому единственным практическим решением этого вопроса, как считал А.М. Дондуков-Корсаков в своих выкладках, составленных по итогам объезда 1882 г., могло быть только, наоборот, более интенсивное проведение межевых работ [Волхонский 2019, с. 83]. Для этого, в свою очередь, требовалось «усиление средств межевания в Закавказье и установление правильной, систематической организации межевых работ»⁶.

Подробнее о причинах проблемы и путях ее решения А.М. Дондуков-Корсаков писал уже в следующем 1883 г., когда реформирование управления Кавказским краем было завершено. Примечательно, что после завершения реформ высший надзор за деятельностью межевых учреждений перешел от наместника к министру юстиции (при этом утверждение плана межевых работ и все общие распоряжения по межевой части на Кавказе шли при

⁵ Объезда края Главноначальствующим, генерал-адъютантом князем Дондуковым-Корсаковым // Кавказ. 1882. № 154. С. 1.

⁶ Там же.

предварительном взаимодействии министра с главноначальствующим), что подтверждает п. 164 «Учреждения управления Кавказского края»⁷.

Собственно, с этого времени А.М. Дондуков-Корсаков вплотную занялся обсуждением вопроса межевания с вышестоящими инстанциями. Так, в своей записке «о необходимых условиях успешного межевания в Кавказском крае» 1883 г.⁸ главноначальствующий отмечал, что проблемы этого вопроса уходят в его истоки. Активные межевые работы начали проводиться в Закавказье с начала 1860-х гг. в соответствии с утвержденным «Положением о размежевании Закавказского края» (29.06.1861), по которому заведование межевой частью и межевыми делами было передано учрежденным Закавказской межевой палате и специальным межевым комиссиям⁹.

Однако после введения в Закавказье в действие Судебных уставов 1864 г. ситуация изменилась. Согласно указу «Об устройстве межевой части в Закавказском крае» (9.12.1867), Закавказская межевая палата и межевые комиссии упразднились, а их дела передавались в Тифлисскую судебную палату и в окружные суды соответственно¹⁰. Таким образом, межевые учреждения были соединены с новыми судебными органами, а межевые дела были подчинены общей судебной системе. Такая ситуация сохранялась и в начале 1880-х гг. А.М. Дондуков-Корсаков считал, что это только осложняло работу, так как некоторые правила судебного рассмотрения возникающих при межевании споров приводили к большей бесконтрольности и запутанности¹¹. По мнению главноначальствующего, необходимо было упростить юридическую часть вопросов межевания сообразно времени и условиям.

Решение вопроса разрозненности межевого дела А.М. Дондуков-Корсаков видел среди прочего в приведении его к единой системе и организации. Качественно же улучшить процесс

⁷ ПСЗРИ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1522.

⁸ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 385.

⁹ ПСЗРИ-II. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 37186.

¹⁰ ПСЗРИ-II. Т. 42. Отд. 2. СПб., 1871. № 45262.

¹¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 385. Л. 1 об.-2.

межевания представлялось, в частности, через увеличение финансирования и количества межевых чинов. Кроме того, главноначальствующий выдвигал предложение об учреждении в Тифлисе специального землемерного училища при министерстве юстиции: этот шаг был нужен, с одной стороны, для улучшения подготовки межевых чинов, с другой – для пополнения числа профессиональных школ в крае¹².

Несомненно, отдельной проблемой при обсуждении вопроса межевания в Закавказье был вопрос финансирования, поскольку его увеличение, по мнению князя, было также необходимым для решения проблемы. Понимая условия экономии средств, А.М. Дондуков-Корсаков предлагал меры, способные, по его мнению, уменьшить расходы. Например, речь шла о передаче процесса межевания казенных земель и его финансирования под контроль министерства государственных имуществ, а также об упрощении самого производства межевания земель (производство хозяйственной съемки территорий в уменьшенном масштабе и др.)¹³.

Обо всем этом главноначальствующий в 1883 г. докладывал вышестоящим инстанциям. Предлагая эти меры, в частности, он рассчитывал на улучшение проблем межевания земель Закавказья в дальнейшем. Имея возможность решать дела только централизованно, А.М. Дондуков-Корсаков обращался к министру юстиции, а также к министру финансов и министру государственных имуществ, чьи компетенции тоже касались вопроса поземельных отношений. Он выступал перед ними с предложениями и просьбами взять часть дел под свой контроль, выделить финансы с целью интенсификации работы межевых учреждений и оптимизации порядка межевания и др. Выдвигая предложения, главноначальствующий мог апеллировать к потенциальным выгодам, которые, по его мнению, были способны принести предлагаемые им меры, как это было, например, в его всеподданнейшей записке по гражданскому управлению 1883 г., адресованной императору. Там речь шла в том числе о возможности увеличения доходов казны после правового

¹² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 385. Л. 3-3 об.

¹³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 385. Л. 4.

закрепления части земель Кавказа за государством и правильной их эксплуатации, а также после вероятного перехода от подымной подати в крае к поземельной¹⁴. В этом же контексте князь указывал на увеличение ценности частной собственности и уменьшение преступности среди местного населения¹⁵.

В том же 1883 г. межевые средства были «усилены»: были дополнительно выделены 25 межевых чинов и около 40 тыс. рублей ежегодно на расходы по межеванию, что позволило расширить проводимые межевые работы и установить правильную систему последовательного сплошного межевания, благодаря чему обмежеванные пространства стали упорядочиваться, они перестали образовывать «островки» среди необмежеванных территорий¹⁶. Вскоре был установлен последовательный план проведения межевых работ, которые велись сплошной полосой в направлении от юго-востока до северо-запада Кавказа¹⁷.

Таким образом, А.М. Дондукову-Корсакову при некотором ограничении властных полномочий все же удавалось в определенной степени влиять на решение проблем Кавказа, исходя из того положения, в котором он находился. И хотя он не мог принимать решения по основным вопросам лично, как его предшественники, ему все же иногда удавалось убеждать высшие и центральные учреждения в необходимости проведения тех или иных мероприятий, учитывавших местные условия Кавказа, несмотря на правительственную политику по централизации и унификации региона с общероссийским пространством.

Согласно всеподданнейшей записке А.М. Дондукова-Корсакова 1886 г., за первые несколько лет работы новой кавказской администрации были достигнуты существенные количественные результаты по межеванию территорий Закавказья, где, к слову, ситуация с этим изначально обстояла хуже, чем на Северном Кавказе. За этот период закавказских территорий (в первую очередь Тифлисская, Кутаисская, Эриванская, Бакинская и

¹⁴ Извлечение из всеподданнейшей записки Главногоначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. СПб., 1883. С. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 319. Л. 47.

¹⁷ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 316. Л. 12.

Елизаветпольская губернии) было размежевано примерно столько же, сколько было размежевано за весь предшествовавший почти двадцатилетний период наместничества великого князя Михаила Николаевича (3 млн десятин). Тогда межевание шло успешнее на северокавказских территориях, которых в итоге было размежевано 5 млн десятин (Кубанская и Терская области), а в 1882–1886 гг. при А.М. Дондукове-Корсакове там было размежевано около 1 млн десятины¹⁸. Тем не менее, учитывая количество времени, которое было у великого князя и главноначальствующего на одни и те же цели, результаты последнего выглядят более впечатляющими. Тем более, что на Северном Кавказе, несмотря на большое количество размежеванных территорий, сделано еще было не все. Например, продолжала оставаться проблема размежевания земель в горных районах Терской и Кубанской областей [Силаев 2002, с. 117], с чем А.М. Дондукову-Корсакову также приходилось иметь дело.

Однако процесс размежевания закавказских территорий еще не был близок к завершению. Во многих частях Закавказья поземельные границы не были установлены, а проблема организации и финансирования продолжала оставаться актуальной. Зачастую примерно в одной местности могло быть разное состояние межевых границ. Так, например, весной 1885 г. во время поездки главноначальствующего по окрестным селениям юга Бакинской губернии, в частности по Ленкоранскому уезду, местным населением были поданы прошения, большинство из которых относились к размежеванию территорий. А будучи на следующий день уже в самой Ленкорани, А.М. Дондуков-Корсаков «с удовольствием заметил отсутствие жалоб со стороны <...> селений, земли которых уже размежеваны»¹⁹. Все это подтверждает проблему бессистемности и неупорядоченности проводившегося межевания в Закавказье, о которой писал князь.

В этой связи интересен еще один эпизод из поездки главноначальствующего в 1885 г. по Закавказью, описанный в газете «Кавказ», когда в населении вновь была поднята проблема поземельных вопросов – на этот раз в Эриванской губернии.

¹⁸ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 316. Л. 12.

¹⁹ Поездка князя-Главноначальствующего по Бакинской губернии и Дагестанской области // Кавказ. 1885. № 113. С. 3.

И несмотря на предпринимавшиеся действия, эта проблема продолжала оставаться в силе, поскольку финансов на ее решение было недостаточно: «Быстро помочь такому тяжелому положению не представляется <...> возможности по недостатку средств, потребных для окончательного размежевания губернии»²⁰.

Тем не менее данный вопрос постепенно получал свое решение. Предложения А.М. Дондукова-Корсакова о принятии министерством государственных имуществ расходов на межевание государственных земель, а также о выделении кадров и об упрощении самого процесса межевания (не разделять земли, находившиеся на межевании, на отдельные оброчные статьи и угодья) были одобрены, что, как докладывал главноначальствующий, дало возможность с 1885 по 1890 гг. обмежевать более 4 млн десятин казенных земель²¹.

Также в 1887 г. князь ходатайствовал о прибавлении к личному составу еще 40 межевых чинов с дополнительным финансированием. Чтобы не обременять казну, средства на содержание этих дополнительных чинов он предлагал извлечь путем повышения налога, взимаемого с размежеванных закавказских земель. В 1889 г. эти инициативы были также одобрены²². Кроме того, в том же году, под конец деятельности А.М. Дондукова-Корсакова на посту главноначальствующего, было реализовано еще одно из его предложений: в Тифлисе было открыто специальное землемерное училище²³.

Таким образом, получая одобрения на эти предложения, главноначальствующий мог постепенно добиваться определенных задач, направленных на улучшение межевания земель в Закавказье.

Итог своей деятельности в области поземельных отношений А.М. Дондуков-Корсаков подвел во всеподданнейшей записке 1890 г., где он отчитывался за восьмилетний период своей деятельности на посту главноначальствующего. Из нее становится ясно, какие усилия были приложены князем для решения этой

²⁰ Поездка князя-Главначальствующего по югу Закавказья // Кавказ. 1885. № 233. С. 1.

²¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 319. Л. 47-47 об.

²² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 319. Л. 47 об.

²³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 319. Л. 48.

проблемы в условиях централизованной системы управления и общего порядка сношений с высшими и центральными учреждениями. В результате в 1882–1890 гг. было размежевано около 7,5 млн десятин закавказских губерний (против 3-х млн за период 1862–1882 гг.)²⁴.

Однако, как считал А.М. Дондуков-Корсаков, в самой системе устройства межевой части Закавказья еще сохранялись проблемы, которые могли затормозить дальнейший процесс межевания территорий. Так, в том же отчете он обращал внимание на перегруженность Тифлисской судебной палаты делами и необходимость оптимизации ее работы²⁵. При этом оставалось размежевать еще около 4,5 млн десятин, которые касались как закавказских губерний, так и остальной части Закавказья, находившейся в ведомстве военно-народного управления (Сухумский, Батумский и Артвинский округа Кутаисской губернии, Закатальский округ, а также Дагестанская и Карсская области), где работа в этом направлении была на начальном этапе²⁶.

Таким образом, вопрос межевания земель Закавказья занимал большое место в деятельности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова. Этот вопрос, напрямую влиявший на поземельные отношения и благосостояние региона в целом, был сложным сам по себе. Его хроническая незаконченность, заключавшаяся в незавершенности размежевания территорий, осложняла не только экономическое состояние, но и социальную обстановку в крае. Неопределенность поземельных прав и границ приводила к постоянным спорам и конфликтам среди населения, упадку хозяйства, росту преступности. А.М. Дондуков-Корсаков в рамках своих полномочий содействовал относительно решению этой проблемы. Его усилиями через взаимодействие с высшими и центральными государственными учреждениями шло постепенное выполнение предлагаемых им мер, за счет чего организация межевания улучшалась, и территории Закавказья были

²⁴ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 319. Л. 47 об.

²⁵ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 319. Л. 47 об.-48.

²⁶ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 389. Л. 1.

размежеваны в большом количестве. И хотя в силу ряда системных причин, многое еще не было завершено, тем не менее сделано уже было немало. Для главноначальствующего это была одна из главных задач, необходимых для стабилизации социально-экономического положения на Кавказе в условиях введения принципов централизации его системы управления и его унификации с общеперским административно-правовым пространством. Становилось понятно, что, несмотря на характер этих принципов, их реализация была невозможна без учета местных условий края и интересов его жителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Волхонский 2018 – *Волхонский М.А.* Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. // *Российская история.* 2018. № 3. С. 171–189.
- Волхонский 2019 – *Волхонский М.А.* «Ревизия» А.М. Дондукова-Корсакова Кавказского края в 1882 г. // *Уральский исторический вестник.* 2019. № 2. С. 79–86.
- Исмаилова 2014 – *Исмаилова А.М.* Южный Кавказ в составе Российской Империи в XIX – начале XX вв.: особенности экономических взаимоотношений: сборник статей. М., Берлин: Директ-Медиа, 2014. 197 с.
- Красняков 2010 – *Красняков Н.И.* Основные этапы законодательного регулирования управления кавказскими территориями Российской империи // *Федерализм.* 2010. № 1. С. 177–194.
- Силаев 2003 – *Силаев Н.Ю.* Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 240 с.

REFERENCES

- Ismailova, A.M. (2014), *Juzhnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj Imperii v XIX – nachale XX vv.: osobennosti jekonomicheskikh vzaimootnoshenij: sbornik statej* [The South Caucasus as part of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries: features of economic relations: a collection of articles], Direct-Media, Moscow, Russia, Berlin, Germany.
- Krasnyakov, N.I. (2010), “The main stages of legislative regulation in governing the Caucasus territory of the Russian empire”, *Federalism*, no. 1, pp. 177–194.
- Silaev, N.Yu. (2003), *Severnyj Kavkaz v sostave Rossii vo vtoroi polovine XIX v.: demograficheskie, ehkonomicheskie, administrativno-pravovye aspekty integratsii* [The North Caucasus as part of Russia in the second half of the 19th century: demographic, economic, administrative and legal aspects of integration], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Volkhonskiy, M.A. (2019), “A.M. Dondukov-Korsakov’s ‘revision’ of the Caucasus region in 1882”, *Ural Historical Journal*, no. 2, pp. 79–86.
- Volkhonskiy, M.A. (2018), “The abolition of the viceroyalty in the Caucasus in 1881–1882”, *Russian History*, no. 3, pp. 171–189.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давид А. Сарибекян, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; david7-00@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

David A. Saribekyan, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; david7-00@mail.ru

Н.И. Бобриков и финские интеллектуальные элиты

Егор И. Штанько

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, egor2001s@yandex.ru

Аннотация. В статье поднята проблема влияния интеллектуальных элит Финляндии на протестное движение в ходе реформ генерала-губернатора Н.И. Бобрикова. Русификация Великого княжества Финляндского в 1899–1904 гг. вызвала бурную реакцию у местного населения. Публикация нового воинского устава запустила волну протестов и брожений в сельской и городской местностях. Лидеры мнений в лице университетской интеллектуальной среды идеологически оформляли и направляли движение сопротивления инициативам Петербурга, проводили публичные лекции и агитировали население. Автор анализирует эти взаимосвязи, используя тайные донесения жандармерии генералу-губернатору о происходящих в финляндской окраине событиях. Особое внимание уделяется агентурным данным о разговорах внутри Гельсингфорского университета и наблюдениям за деятельностью Л. Мехелина. Автор приходит к выводу о том, что роль интеллектуальных элит в формировании сопротивления реформам Н.И. Бобрикова сложно переоценить. Особенно крупное влияние имела личность Л. Мехелина, ставшего национальным героем и главным борцом с русификацией Финляндии. В то же время центральная власть не сумела договориться с финскими лидерами мнений, используя лишь грубые, силовые методы борьбы, которые только способствовали героизации главных ораторов и агитаторов.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Н.И. Бобриков, русификация, Л. Мехелин, Гельсингфорский университет

Для цитирования: Штанько Е.И. Н.И. Бобриков и финские интеллектуальные элиты // Молодой историк. 2025. № 1. С. 36-45.

N.I. Bobrikov and the Finnish intellectual elites

Egor I. Shtanko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egor2001s@yandex.ru*

Abstract. The paper investigates the impact of the intellectual elites of Finland on the protest movement during the reforms of governor-general N.I. Bobrikov. Russification of the Grand duchy of Finland in 1899–1904 caused a violent reaction among the local population. The release of the new military regulations launched a wave of protests and unrest in rural and urban areas. Being the ideological mentors who shaped and directed the resistance movement to the initiatives of St. Petersburg, opinion leaders from the university intellectual environment held public lectures and agitated the population.

The author examines these relations, using secret reports from the gendarmerie to the governor-general about the events taking place in Finland. Particular attention is paid to agency data on conversations within the University of Helsinki and observations of the activities of L. Mechelin. The author comes to the conclusion that the role of the intellectual elites in shaping resistance to Bobrikov's reforms is difficult to overestimate. The personality of L. Mechelin, who became a national hero and the main fighter against the Russification of Finland, had a particularly large influence. At the same time, the central government failed to come to an agreement with Finnish opinion leaders, as it used crude, forceful methods of struggle which could do nothing but contributing to the heroization of the main speakers and agitators.

Keywords: Grand duchy of Finland, N.I. Bobrikov, russification, L. Mechelin, Helsinki university

For citation: Shtanko, E.I. (2025), “N.I. Bobrikov and the Finnish intellectual elites”, *Young historian*, no. 1, pp. 36-45.

В эпоху русификации Великого княжества Финляндского¹ местные интеллектуальные элиты достаточно сложно описать в отрыве от тех или иных политических союзов страны. Они являлись своего рода мыслительным ядром, которое имело значительное влияние не только на политиков и чиновников, но и на представления обычного населения о происходящих событиях. Университетские интеллектуалы читали публичные, открытые лекции, произносили громкие и провокационные речи на улицах финских городов, задавая решительный тон протестам. Их мнения и речи публиковали в газетах и журналах, а внимательные читатели цитировали их размышления в частных беседах. В большинстве своем, интеллектуалы являлись частью профессорской и университетской среды, были видными чиновниками в отставке или просто талантливыми ораторами. Представляется совершенно необходимым выяснить, какова была интеллектуальная среда ВКФ в период генерал-губернаторства Н.И. Бобрíkова, и как была выстроена коммуникация с этими лидерами мнений.

М.М. Бородин пишет о Гельсингфорском университете: «Его студенческие корпорации пользуются большими правами, его университетская дисциплина хороша. ... Общим девизом учащих и учащихся оставалась формула Арвидсона: “шведами мы более не можем быть, русскими мы не хотим быть, так будем же мы финнами”. На практике же это служило идее обособленности от России. Из Гельсингфорского университета вышла теория финляндского государства» [Бородин 1905, с. 146]. Действительно, университетская мысль была чуть ли не центральным интеллектуальным ядром формирования финского национального самосознания, и М. Бородин оказался во многом прав, исключая идею независимой Финляндии, которая не возымела большой популярности даже при Н.И. Бобрíkове. «Как только перед нацией встал вызов, Хельсинкский университет сделал акцент на национальной задаче в ущерб образованию. В Финляндии с 1809 г. шведское прошлое непрерывно бросало национальный вызов. ... Университет действовал как национальное учебное заведение, готовя необходимое количество гражданских служащих, тем самым

¹ Далее – ВКФ.

способствуя формированию национальной идентичности» [Dhondt 2008, p. 122].

После издания манифеста «О введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского» была реформирована и учебная программа университетов. В Гельсингфорском университете была образована кафедра русского государственного права и русской истории [Dhondt 2008, p. 120]. При этом данные курсы должны были читаться полностью на русском языке. Предполагалось, что изучать их будут уже будущие студенты, которые пройдут обучение в реформированных финских школах. Н.И. Бобриков имел планы значительно реформировать финское образование, так как, по его мнению, «...насаждение пагубных идей об уникальности и государственной особенности Финляндии начиналось еще со школьной скамьи» [Полвинен 1997, с. 141]. Генерал-губернатор уделил значительное внимание школьному образованию и ужесточил контроль за изучением русского языка.

После Февральского манифеста в университете началось интеллектуальное осмысление происходящих событий. Представители университетской профессуры были серьезно вовлечены в политику и поощряли политические действия своих студентов. На лекциях по истории северных государств нередко начинались историософские размышления. «Положение нашего народа никогда не было таким, каково оно теперь. Дело идет не о защите внешних границ, но о сохранении нашего духовного состояния», – декларировал профессор Пальмен². Профессор Пелконен выходил на улицы города и читал публичные лекции вне стен университета: «Могущественный восточный исполин поднял свой кулак и грозит. Финский народ, как невинное дитя, стоит бестрепетно, в сознании, что он ничего не сделал, за что заслуживал бы наказания. Но и в этот момент финский народ питает убеждение, что исполин, успокоившись, опустит руку и будет уважать наши законы, наши учреждения и наш народ...»³. Якко Форсман, ректор Гельсингфорского университета, открыто произносил, что «...политические условия нынешнего положения

² ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 9.

не могут быть оставлены университетом без внимания» [Бородкин 1905, с. 147], потому студенты университета тоже проявляли высокую активность под руководством профессуры и ректоров.

Многие политические прокламации и агитки были созданы в стенах университета, в том числе и знаменитый «Финляндский народный катехизис», который должен был на ряду с «Малым катехизисом» М. Лютера стать второй настольной книгой каждого финна. Катехизис декларировал идеи о том, что император нарушил свою клятву, что во внутреннем правительстве ВКФ (Сенате) сидят преступники и предатели своего народа, а также катехизис провозглашал полный бойкот нововведений Н.И. Бобрикова и русскоязычного населения страны в целом⁴.

Действия финской профессуры и студентов сильно раздражали Н.И. Бобрикова, что неудивительно – даже Большая петиция была во многом результатом деятельности студентов. Генерал-губернатор старался всеми способами пресечь это, используя лишь грубые, полицейские методы. «Мое заключение о вреде университетской просветительской деятельности основано на пережитом опыте. Действия студентов давно уже приносили вред и поэтому следовало бы от них отделаться ради чисто русских интересов» – писал Н.И. Бобриков [Бородкин 1905, с. 148]. Различные запреты собраний и ужесточение цензуры не привели ни к какому практическому результату. Финны ловко обходили эти формальности, выставляя свою агитационную деятельность как просветительскую. Генерал-губернатор метил также и на вакантное место вице-канцлера университета для полного урезания его автономии. Финнам значительно повезло, так как пост в итоге занял более умеренный В.К. Плеве.

Таким образом, министр статс-секретарь сумел несколько сбалансировать фанатичного Н.И. Бобрикова. По вопросу запрета летних чтений в университете он писал генералу-губернатору: «По существу, однако, предлагаемой меры я имею серьезные сомнения»⁵. Следующий ректор Гельсингфорского университета Эдвард Ельт прекрасно понимал, как обстоят дела и старался

⁴ Финляндский народный катехизис // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. М., 2021. С. 349–353.

⁵ ГАРФ. Ф. 586. О. 1. Д. 445. Л. 84.

сохранять равновесие между В.К. Плеве и Н.И. Бобриковым [Полвинен 1997, с. 155]. По этой причине практически все коммуникации были выстроены именно через вице-канцлера, который единственный мог влиять на решения генерала-губернатора. Именно эти взаимодействия университетской профессуры и В.К. Плеве смогли фактически сохранить автономию университета вплоть до самой смерти Н.И. Бобрикова. Потому публичные «просветительские лекции» по истории в разных городах ВКФ продолжались еще длительное время, порой приобретая ярко очерченный антироссийский характер. Например, имперская полиция в своих докладах генералу-губернатору приводила такие цитаты из произносимых на площади Гельсингфорса речей: «Вот какие русские – надо хорошо помнить минувшее, чтобы оно не повторилось: в Финляндии наступило ныне самое мрачное время и можно ожидать того же, что было раньше»⁶. Лекции содержали в себе провокацию, подробно освещали «насильственное» присоединение ВКФ к России в 1809 г. С особой детальностью описывались жестокости и зверства русской армии: убийства священнослужителей, детей, изнасилования женщин и грабежи домов честных финнов.

Бывший сенатор А. Мехелин, который по совместительству начинал свою политическую карьеру в сословном собрании, успел построить неплохую карьеру в Гельсингфорском университете, став профессором права и экономики. На момент начала русификации ВКФ под предводительством Н.И. Бобрикова А. Мехелин являлся председателем гельсингфорского банка и настоящим лидером мнений среди финнов. Его публичные выступления у излюбленного для манифестаций и протестов места – Национального дома Нюландского землячества, собирали огромные толпы людей. Даже в тайных донесениях жандармов генералу-губернатору А. Мехелин был обозначен как главный оратор и политический агитатор⁷. Сами же финны настолько любили красноречивые выступления А. Мехелина, что называли

⁶ ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 60.

⁷ ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 62.

его «дорогой дядюшка Лео»⁸. Примечательным является тот факт, что сам Л. Мехелин оставался вне политических союзов ВКФ, но все же его позицию можно в большей степени охарактеризовать как умеренного фенномана, который в своих речах отстаивал законы и автономию Финляндии. «Финляндия не является сюзеренным государством, а лишь особым государством, не раздельно связанным с Россией»⁹, потому односторонние отношения, которые выстроил Н.И. Бобриков, были совершенно неприемлемы по мнению оратора. «Финляндия не может признать и никогда не признает русских законодательных учреждений. Не признает их компетенции по отношению к Финляндии, не будет производить выборов в имперские законодательные учреждения и не признает законов, изданных через эти учреждения»¹⁰, а по вопросам воинской повинности он имел следующее мнение: «Русское правительство не жалеет своих людей. Оно нуждается в финляндцах для пополнения своего офицерского состава, сильно поредевшего за многолетние войны с Наполеоном, Швецией и Турцией»¹¹.

Л. Мехелин стал объединительным центром политических сил Финляндии. Его личность была настолько масштабна для финского населения, что даже шведоманы и фенноманы были готовы сплотиться вокруг этого человека¹². Он был сторонником пассивного сопротивления реформам Н.И. Бобрикова и конституционалистом, который позднее стремился к сближению с кадетами. Л. Мехелин в отличие от шведоманнов понимал, что диалог с правительством необходим и неизбежен, каким неприятным бы он ни был. С другой стороны, какое-либо взаимодействие с генералом-губернатором он даже не хотел брать в расчет, понимая всю бессмысленность этих действий. Л. Мехелин

⁸ Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» на русском языке. Электронный ресурс. Хельсинки, 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

⁹ ГАРФ. Ф. 586. О. 1. Д. 246. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» на русском языке. Электронный ресурс. Хельсинки, 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

в целом не был разочарован в России и имперских чиновниках. Он считал, что взаимодействие с центральной властью нужно выстроить через придание максимальной огласки происходящим событиям, потому существует памятная записка, которую он сумел передать российскому послу в Дании графу Бенкендорфу. В ней он кратко изложил свои размышления по поводу действий новоиспеченного генерала-губернатора и свое видение решения проблемы:

1. Преданность финского народа русскому императору не исчезла и остается по сей день, однако финны должны и будут отстаивать обещанные и дарованные им особенные права.

2. Н.И. Бобриков должен быть смещен с должности. Он враг не только финского народа, но и России. Разве его ужасные действия соотносятся с интересами и выгодами России? Н.И. Бобриков мешает и финнам, и русским.

3. Правительство говорит с Финляндией с помощью силы, однако финны не готовили заговоров и мятежей, а всегда были лояльны императору. Разве финны заслужили такого отношения?

4. Те, кто занимаются политикой русификации совершенно не понимают, что такое Финляндия и какие особенности у ее народа. Потому министр статс-секретарь и генерал-губернатор не обязательно должны быть финнами, но хотя бы людьми, имеющими здравое представление о Финляндии¹³.

А. Мехелин весной 1903 г. был выслан из ВКФ по указу генерала-губернатора, оказавшись практически единственным крупным лидером оппозиционных мнений, который подвергся подобному наказанию. В качестве взаимодействия Н.И. Бобриков вновь избрал стратегию силы и репрессий, даже не рассматривая возможность диалога – впрочем, это вряд ли было возможно, так как А. Мехелин видел главную проблему непосредственно в лице Н.И. Бобрикова. В любом случае генерал-губернатор совершил фатальную ошибку, отправив «дядюшку Лео» в ссылку. Образ национального героя дополнился образом страдальца, терпящего невзгоды за свой народ. Потому после убийства генерала-

¹³ Мехелин А. Памятная записка о положении в Финляндии, переданная послу Дании в Российской империи графу Бенкендорфу // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. М., 2021. С. 347.

губернатора А. Мехелин вернулся в Финляндию настоящей легендой. «Его встречали в Хельсинки как героя: сограждане тащили его экипаж от железнодорожного вокзала до памятника Рунебергу, где он обратился к народу»¹⁴.

Таким образом, университетская среда смогла оставаться на плаву вплоть до кончины генерала-губернатора, сумев выстроить взаимодействие с более умеренным вице-канцлером университета В.К. Плеве. Удачное стечение обстоятельств, а конкретно личное решение Николая II [Полвинен 1997, с. 152], не позволили Н.И. Бобрикову занять эту должность и полностью упразднить всякую свободу Гельсингфорского университета. Публичные лекции, летние чтения, политические агитации под видом просветительской деятельности продолжались, несмотря на все возмущения Н.И. Бобрикова. А. Мехелин, будучи самым крупным оратором и лидером мнений, не рассчитывал и не стремился к диалогу с генералом-губернатором, но видел возможности выстроить диалог с другими, не связанными с русификацией ВКФ имперскими чиновниками, а также пытался наладить коммуникацию с русскими конституционалистами. Н.И. Бобриков, выслав народного любимца А. Мехелина из страны, вызвал только большую ненависть финнов к собственной персоне и возвысил оратора в глазах местного населения. Этот репрессивный акт практически не имел никакого смысла, так как политическая оппозиционная агитация уже набрала очень высокие темпы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородкин 1905 – *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб.: изд-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 502 с.
- Полвинен 1997 – *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 323 с.

¹⁴ Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» на русском языке. Электронный ресурс. Хельсинки, 2004.
URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

Dhondt 2008 – *Dhondt P.* Ambiguous Loyalty to the Russian Tsar. The Universities of Dorpat and Helsinki as Nation Building Institutions // Leibniz Institute for the Social Sciences. 2008. Vol. 33. № 2. P. 99–126.

REFERENCES

- Borodkin, M.M. (1905), *Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova* [From the modern history of Finland. The time of N.I. Bobrikov's rule], Izdatel'stvo R. Golike i A. Vil'borg, Saint Petersburg, Russia.
- Polvinen, T. (1997), *Derzhava i okraina. N.I. Bobrikov – general gubernator Finlyandii 1898–1904 gg.* [The State and the Outskirts. N.I. Bobrikov – Governor-General of Finland 1898–1904], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia.
- Dhondt, P. (2008), “Ambiguous Loyalty to the Russian Tsar. The Universities of Dorpat and Helsinki as Nation Building Institutions”, *Leibniz Institute for the Social Sciences*, vol. 33, no. 2, pp. 99–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егор И. Штанько, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egor2001s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor I. Shtanko, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egor2001s@yandex.ru

200-летие сражения при Гангуте:
история последнего военного юбилея Российской империи

Анна С. Лизогуб

ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Омск, Россия, LizogubAS@omsu.ru

Егор В. Шестопалов

ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Омск, Россия, ShestopalovEV@omsu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию организационных аспектов подготовки к масштабному празднованию 200-летия Гангутской битвы в Российской империи. В центре внимания исследовательского коллектива – анализ деятельности специальной юбилейной комиссии, ответственной за планирование и реализацию торжественных мероприятий. На основе архивных документов и материалов периодической печати авторы демонстрируют масштаб и сложность организационного процесса. В ходе исследования установлено, что торжественная программа включала в себя широкий спектр мероприятий: от военных парадов до спортивных состязаний на гангутские призы. Авторы пришли к выводу, что серьезным препятствием на этапе подготовки запланированных акций стали финансовые трудности и отношения с различными ведомствами. Празднование 200-летия Гангутской победы должно было стать одним из знаковых мероприятий символической политики Российской империи начала XX в. Из-за начавшейся Первой мировой войны многие пункты программы не были реализованы. Работа вносит вклад в изучение истории юбилейных практик Российской империи и может быть полезна исследователям, занимающимся вопросами государственного управления, исторической памяти и символической политики.

Ключевые слова: Гангутская битва, 200-летие Гангутской победы, памятные годовщины, Российская империя, юбилейные практики, символическая политика

Для цитирования: Лизогуб А.С., Шестопалов Е.В. 200-летие сражения при Гангуте: история последнего военного юбилея Российской империи // Молодой историк. 2025. № 1. С. 46-62.

The 200th Anniversary of the Battle of Gangut:
The History of the Last Military Jubilee of the Russian Empire

Anna S. Lizogub
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia, LizogubAS@omsu.ru

Egor V. Shestopalov
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia, ShestopalovEV@omsu.ru

Abstract. The article investigates organizational aspects of preparing for a large-scale celebration of the 200th anniversary of the Battle of Gangut in the Russian Empire. The focus of the research team is the activities of a special anniversary commission responsible for planning and implementing the celebratory events. Based on archival documents and periodicals, the authors demonstrate the scale and complexity of the organizational process. The paper argues that the celebratory program included a wide range of events: from military parades to sports competitions for Gangut prizes. The authors came to the conclusion that financial difficulties and relations with various departments became a serious obstacle at the stage of preparing the planned events. The celebration of the 200th anniversary of the Gangut victory was to become one of the iconic events of the symbolic policy of the Russian Empire in the early XX century. Due to the outbreak of World War I, many points of the program were not implemented. The work contributes to the study of the history of jubilee practices in the Russian Empire and can be useful to researchers dealing with issues of public administration, historical memory and cultural policy.

Keywords: Battle of Gangut, 200th anniversary of the Gangut victory, commemorative anniversaries, Russian Empire, jubilee practices, symbolic politics

For citation: Lizogub, A.S., Shestopalov, E.V. (2025), “The 200th Anniversary of the Battle of Gangut: The History of the Last Military Jubilee of the Russian Empire”, *Young Historian*, no. 1, pp. 46-62.

27 июля¹ 1714 г. в морском сражении у мыса Гангут русский флот одержал победу над Швецией. Грандиозный успех России в Балтийском море в этот день позволил бою у Гангута войти в разряд великих побед, равных по значению полтавскому триумфу. Традиция чествования памяти первой морской виктории сложилась еще в период правления Петра I, но периодом наиболее активного памятования в Российской империи стало начало XX столетия. Этому способствовал приближающийся 200-летний юбилей, а также общая направленность символической политики в 1900–1914 гг. Характерной особенностью данного периода являлась организация широкомасштабных торжеств в честь значимых событий военной истории. При этом лишь немногие из них посвящались победам русского флота. В связи с этим обращение к анализу 200-летнего юбилея Гангутского сражения позволит выявить специфические черты коммеморативных практик, использованных в начале XX в. для увековечения памяти о морских победах русского флота.

В зарубежной исторической науке изучение истории памяти и коммеморативных практик давно сформировалось как самостоятельное направление. Научные разработки П. Нора [Нора 1999] и Я. Ассмана [Ассман 2004], ставшие к настоящему времени классическими, заложили теоретические основы анализа коллективной памяти и механизмов ее конструирования. Р.С. Уортман одним из первых обратился к анализу потенциала юбилейных мероприятий для формирования национальной идентичности и политической легитимации [Уортман 2004].

¹ Здесь и далее даты по старому стилю.

В российской исторической науке изучение проблематики памятных годовщин Российской империи стала предметом самостоятельных научных изысканий относительно недавно. Активизация исследований в этой области произошла во многом благодаря работам К.Н. Цимбаева [Цимбаев 2005]. Он проанализировал социально-политическую роль юбилеев и пришел к выводу об их ограниченной эффективности [Цимбаев 2019]. Новым импульсом для изучения данной темы стали юбилеи XXI в., побудившие историков обратиться к сравнительному анализу коммемораций. В.В. Павленко детально изучила подготовку и проведение столетнего юбилея Полтавской битвы [Павленко 2012], а В.В. Лапин исследовал коммеморативные практики, связанные со столетием Отечественной войны 1812 г. [Лапин 2012]. Исследователями также предпринимались попытки сравнить набор коммеморативных практик, используемых государственной властью и другими акторами политики памяти при организации торжеств в честь памятных годовщин [Лизогуб 2025].

Несмотря на возросший интерес к коммеморативным практикам прошлого, требуется дальнейшее изучение основных направлений символической политики Российской империи начала XX столетия. В тени исследовательского интереса находились сюжеты, связанные с организацией празднования 200-летия Гангутской победы – последнего крупного юбилея Российской империи. Обращение к данной теме позволит расширить наши представления о политике государства в области сохранения исторической памяти о героическом прошлом в кризисный период.

Цель настоящей статьи заключается в характеристике подготовительного этапа празднования 200-летия Гангутской победы, а также выявлении реализованных коммеморативных практик в контексте отмены официальных торжеств из-за начавшейся Первой мировой войны.

27 июля 1914 г. Российская империя готовилась отпраздновать 200-летний юбилей морского сражения при Гангуте. Данное событие рассматривалось в качестве «имеющего

преимущественное значение для русской армии»², поэтому уже в марте 1912 г. была озвучена мысль о необходимости организации координирующего органа³. 11 марта 1913 г. император одобрил учреждение особой комиссии при Морском Генеральном штабе по обсуждению вопросов, связанных с празднованием юбилея Гангутской победы⁴. Первоначально руководство возлагалось на помощника начальника Морского Генерального штаба, а с 20 декабря 1913 г. председательство перешло в руки самого начальника Морского Генерального штаба, вице-адмирала А.И. Русина.

О масштабности планируемых торжеств свидетельствовал состав комиссии, среди членов которой оказались представители Главного Морского штаба, Морского Генерального штаба, Николаевской Морской академии, Балтийского флота, Морского музея им. Петра Великого, Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО). В число участников также вошли штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба полковник А.А. Балтийский, а также начальник 5-го отделения Главного управления Генерального штаба, полковник Н.Г. Мыслицкий. Назначение последнего обуславливалось наличием у него опыта «организации юбилейных празднеств, имевших место в 1909 и 1912 гг.»⁵.

Стремление Морского Генерального штаба организовать празднование «в обстановке, соответствующей чествованию первого крупного боевого успеха России на море»⁶, а также отсутствие практического опыта в реализации столь масштабных мероприятий предопределило использование наработок предшествующих юбилейных комиссий.

Приоритетной задачей являлось определение порядка празднования и утверждение торжественной программы.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3338. Л. 30 об.

³ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 2. 1628. Л. 1.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1772. Л. 22.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1059. Л. 1.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1772. Л. 151.

Сложность ее реализации заключалась в том, что юбилейные мероприятия должны были состояться во всех портах, в Санкт-Петербурге, на месте Гангутского боя и в Москве. К маю 1913 г. удалось согласовать подробное содержание порядка празднования в Гангуте, а также общую концепцию для других локаций. В своем послании от 6 февраля 1914 г. Морской министр по Главному морскому штабу И.К. Григорович, адресованному председателю ИРВИО Д.А. Скалону, указывал, что к настоящему времени «окончательная редакция программы празднования двухсотлетнего юбилея со дня Гангутской победы еще не выработана»⁷. Конкретизация праздничного сценария продолжалась в течение последующих месяцев, а его окончательное утверждение состоялось за месяц до памятной даты.

При составлении программы ориентиром для членов комиссии выступал полтавский сценарий. Прежде всего это проявилось при разработке Положения о памятной медали в честь Гангутского сражения и в вопросах определения порядка награждения юбилейными монетами⁸. 30 апреля 1914 г. комиссия, желая повторить масштаб и грандиозность полтавских торжеств, поставила на рассмотрение вопрос об участии в торжествах шведской делегации⁹. Однако по политическим мотивам Министерство иностранных дел рекомендовало «воздержаться от приглашения шведов на празднование 200-летия Гангутской победы»¹⁰.

Богатый по содержанию сценарий требовал тщательной проработки бюджета. В этом вопросе юбилейная комиссия также руководствовалась опытом своих предшественников. По данным, предоставленным в «гангутскую» комиссию, на празднование 200-летия Полтавы было выделено 268 тыс. руб., 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. – 500 тыс. руб.¹¹. Определение точного размера кредита на организацию торжеств стало предметом обсуждения особого межведомственного совещания,

⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1772. Л. 53.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 151.

¹⁰ Там же. Л. 290–290 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1059 Л. 13.

которое состоялось по инициативе Морского министра И.К. Григоровича 29 ноября 1913 г.¹² В детализированной смете, составленной юбилейной комиссией к этому моменту, общие расходы исчислялись суммой 190 тыс. руб.¹³ Анализ плана расходов показал, что наибольшие затраты в размере 50 300 руб. требовались на изготовление нагрудных медалей на Андреевской ленте в количестве 108 тыс. и настольных плакетов – золотых, серебряных и бронзовых. Также 50 тыс. руб. закладывалось на издание популярного сочинения о Гангутском бое в количестве 200 тыс. экземпляров. Для изготовления гангутских рублей, предназначенных для вручения всем нижним чинам – участникам торжеств, планировалось потратить 30 тыс. руб.

По итогам работы совещания большинство пунктов сметы получили одобрение, но с корректировкой в сторону уменьшения расходов. В частности, рекомендовалось произвести точный расчет сумм для изготовления нагрудных медалей и по возможности найти способ их удешевления. Также предписывалось сократить расходы на издание популярного сочинения до 20 тыс. руб. Пересмотру подверглись и те пункты, которые требовали меньшего финансирования. В итоге общая сумма расходов определялась размером 110 тыс. руб.¹⁴

Программа празднования включала в себя проведение юбилейных мероприятий различной направленности в период с 25 по 28 июля 1914 г. Символическим началом торжеств выступал выход 25 июля на диспозицию рейда Ганге Балтийского флота во главе с линейными кораблями «Гангут» и «Севастополь». Силами учебных судов, канонерских лодок и миноносцев планировалось осуществить наглядную демонстрацию расположения русских и шведских судов во время боя в 1714 г.

Намерение императорской семьи принять участие в церемониях на месте Гангутского сражения свидетельствовало об особом статусе данной локации. По программе августейшие особы дважды должны были посетить Гангутский памятник в виде креста

¹² Там же. Л. 96.

¹³ Там же. Л. 95 об.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278.

Оп. 6. Д. 1537. Л. 9 об.

на полуострове Падва, открытого еще в 1870 г. Таким образом, местоположение памятника рассматривалось организаторами в качестве центрального коммеморативного пространства. В связи с этим велись работы по реконструкции и расширению площадки возле монумента. Реализация этой задачи стала возможной благодаря приобретению дополнительного участка, принадлежавшего графу И.Ф. Аминову. Памятник перенесли на 3–3,5 метра, обустроили площадку вокруг него, установили гранитную плиту с надписью «Вечная память и слава воинам, павшим в Гангутском бою». Все работы предполагалось закончить к 25–26 июля 1914 г.

27 июля у монумента предполагалось продолжение официального церемониала: благодарственный молебен, церковный парад под сопровождение салюта из 31 выстрела со всех судов. После этого – представление Николаю II председателя и членов комиссии с возможностью «доложить их императорским величествам наглядную диспозицию русских и шведских судов во время боя»¹⁵.

Из всего многообразия церемоний выделялись смотр судов Балтийского флота и предполагаемое посещение императором линейного корабля «Гангут». Строительство этого дредноута началось еще в 1909 г., и морской министр И.К. Григорович беспокоился по поводу затягивающихся сроков окончания работ. В своих мемуарах, содержащих воспоминания о событиях 1913 г., он отмечал, что «по случаю 200-летнего юбилея Гангутского сражения желательно, чтобы первым был готов “Гангут”, что мне и обещают, но боюсь, он менее готов, чем другие дредноуты...»¹⁶. В дальнейшем автор с удовлетворением писал: «Ввиду 200-летнего юбилея Гангутского сражения готовившийся для этого торжества линейный корабль “Гангут” теперь поставлен в свою очередь, и первым пойдет без опоздания линейный корабль “Севастополь”»¹⁷.

Далее по программе следовала выдача всему личному составу Балтийского флота, а также нижним чинам гвардии и

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2 Д. 1061. Л. 77.

¹⁶ Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт: Морская газета; Кучково поле, 2005. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 96.

армии, принимавшим участие в параде у Гангутского памятника юбилейных рублей. В завершении памятного дня – торжественный обед на императорской яхте «Штандарт» и вечерняя иллюминация военных кораблей. На следующий день планировалось провести развлечения состязательного характера для нижних чинов – гребную гонку на гангутские призы.

В Санкт-Петербурге на р. Неве предполагалось выставить военные суда и яхт-клубов. Торжество планировалось начать с панихиды в Петропавловском соборе у гробницы Петра Великого и возложения от депутатий венков и выбитой в честь 200-летия Гангутской победы плакетки. Чествовать память героев Гангута должны были и в церкви Святого Пантелеймона. Далее по программе – крестный ход на Сенатскую площадь к памятнику Петра I. Известить жителей столицы о празднике планировалось с помощью салюта в 31 выстрел с Петропавловской церкви. Завершающим аккордом официальной части являлся церковный парад присутствующих войск¹⁸.

Особая комиссия также предложила переименовать ко дню юбилея Полицейский мост через р. Мойку на Невском проспекте в Гангутский. По мнению устроителей торжеств, данная акция способствовала бы «популяризации флота в обществе и увековечению первой морской победы»¹⁹. Выбор именно этого моста обуславливался тем, что в петровскую эпоху прилегающую местность занимали исключительно морские учреждения и казармы морского флота. Рассмотрев данное предложение, Министерство внутренних дел рекомендовало обратиться в Санкт-Петербургское городское управление. 10 февраля 1914 г. соответствующее ходатайство начальника Главного морского штаба было направлено санкт-петербургскому городскому голове, графу И.И. Толстому²⁰. В газете «Новое время» указывалось, что этот вопрос вызвал оживленную дискуссию, и Городская Дума признала лучшим вариантом – переименование Пантелеймоновского моста по причине близкого расположения к церкви Святого Пантелеймона, построенной в честь Гангутской и

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 75.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1772. Л. 46.

²⁰ Там же. Л. 62.

Гренгамской побед²¹. Однако документов, содержащих официальный ответ, обнаружить не удалось, но известно, что переименование так и не состоялось.

По программе во всех портах, независимо от их расположения, накануне памятной даты предлагалось отслужить всенощные бдения, а 27 июля принять участие в торжественной литургии, поминовении императора Петра Великого и павших воинов, благодарственном молебне и церковном параде. Все корабли 27 июля с 8 часов должны были «расцветиться флагами, а в 12 часов дня произвести с судов салюты в 31 выстрел»²². В завершении – иллюминация кораблей. Обязательным атрибутом подобных коммеморативных поводов являлся просветительский и воспитательный компонент, подразумевающий чтение лекций об историческом значении Гангутской победы для флота и истории России в целом.

Неформальная часть праздника выражалась в освобождении команд в этот день от работ и занятий, выдаче улучшенной пищи, а также проведении парусных гребных гонок и различных состязаний на гангутские призы. Организация гонок виделась устроителями торжеств в качестве ежегодной акции, а потому – приз должен был стать переходящим и храниться на корабле победителя до следующего года²³. Для этой цели Морское министерство выделило 2500 руб., из которых 500 руб. шли на приз, а остальные – на награждение гребцов и покупку жетона для офицера управляющего шлюпкой.

Самой скромной являлась праздничная программа, разработанная для Москвы. Запланированные мероприятия на 27 июля сводились только к панихиде и возложению венков и плакетки в Златоустовском монастыре у могилы генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина.

Оценивая весь план торжеств, стоит отметить, что двухвековой юбилей победы при Гангуте должен был стать одним из грандиозных торжеств начала XX столетия. Во многом его сценарий повторял предшествующие всероссийские юбилеи. В то

²¹ В городской думе // Новое время. 1914. 26 июня (9 июля). С. 5.

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 74.

²³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1772. Л. 281.

же время специфика коммеморативного повода предопределяла использование отличных форм памятования. Однако не все из них воплотились в реальность. 14 июля 1914 г. комиссия получила извещение о том, что все торжественные мероприятия откладывались на год, до 27 июля 1915 г. На следующий день данная информация была разослана лицам и депутациям, приглашенным на юбилей²⁴. Причиной столь поспешного переноса послужили ухудшение международной обстановки и вскоре начавшаяся Первая мировая война.

Отмена празднования за две недели до его проведения потребовала определения порядка действий по консервации всех запланированных акций, поскольку большинство пунктов программы было готово, либо находились на завершающей стадии. Прежде всего последовало указание «не командировать депутации до особого приказа»²⁵. Памятник, сооруженный на полуострове Падва, 24 июля 1914 г. решено «закрыть для сбережения брезентами и досчатым футляром»²⁶.

27 июля 1914 г. в Санкт-Петербурге в церкви Святого Пантелеимона состоялись литургии и молебствия о ниспослании победы русским войскам уже в современной им войне. Также состоялось открытие на наружной стене храма памятной доски, изготовленной по инициативе ИРВИО. На ней указывались названия полков-участников Гангутского сражения. На линейном корабле «Гангут» в день 200-летия Гангутской победы в присутствии начальника дивизии линейных кораблей контр-адмирала А.С. Максимова состоялось небольшое выступление о значении боя, а также молебен и окропление корабля святой водой²⁷.

К предполагаемой дате торжеств комиссией была проделана огромная работа по подготовке²⁸ и изданию брошюры по

²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 116.

²⁵ Там же. Л. 165.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1970. Л. 154.

²⁷ 200-летие Гангутского боя // Русский инвалид. 1914. 29 июля. С. 3.

²⁸ Содержание данной брошюры неоднократно становилось предметом обсуждения заседаний юбилейной комиссии, а сам текст прошел несколько этапов рецензирования. Из-за сокращения сметы данная брошюра была издана на личные средства в размере 12 тыс. руб. статского советника, издателя газеты «Биржевые ведомости» С.М. Проппера. За эту

Гангутскому бою лейтенанта В. Гончарова тиражом 200 тыс. экземпляров. В начале июля 1914 г. большая часть из них поступила в морские команды²⁹. Несмотря на это, вручение брошюры нижним чинам переносилась на неопределенное время. В армейские полки данное издание поступило со значительным опозданием либо не поступило вообще. Об этом свидетельствовала записка морского министра от 2 апреля 1915 г., адресованная военному министру, в которой указывалось, что В.А. Сухомлинову направлено 30 тыс. экземпляров брошюры с кратким описанием Гангутского боя. Однако на полях сделана помета карандашом о том, что «брошюры не приложены»³⁰.

Начало военных действий не остановило подготовку и публикацию «Материалов для истории Гангутской операции», которой руководил начальник архива Морского министерства, старший лейтенант А.И. Лебедев. Еще в апреле 1914 г. комиссия постановила издать сборник в двух выпусках: первый непосредственно ко дню юбилея, а второй – после. В 1914 г. вышел в свет первый выпуск в двух частях, в течение 1915–1918 были опубликованы еще три выпуска³¹.

Не менее серьезной проблемой являлся вопрос о судьбе юбилейных 108 тыс. медалей и 1080 плакетов, изготовленных Санкт-Петербургским Монетным двором по проекту П.И. Стадницкого. В сентябре 1914 г. было принято решение оставить их на хранение в Монетном дворе³². 22 февраля 1915 г. по указанию императора предписывалось выдать плакеты и нагрудные медали по спискам, но только после окончания войны. С этой

благотворительную акцию в 1915 г. председатель юбилейной комиссии ходатайствовал о награждении Пропшера орденом Святой Анны 2 степени. И.К. Григорович отклонил данное прошение, ссылаясь на возможность возмещения затрат за издание брошюры по причине наличия средств, оставшихся после отмены официальных церемоний.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1628. Л. 52.

³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 179.

³¹ Спиридонова Л.И. Деятельность комиссии по подготовке празднования 200-летнего юбилея Гангутского боя // Гангут. 1714: Документы и материалы из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота. В 2 т. Т. 1. СПб.: Альфарет, 2014. С. 47–48.

³² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1970. Л. 170.

целью 28 марта 1915 г. Главный морской штаб направил в Главное управление Генерального штаба 28 темно-бронзовых настольных плакетов и 34 500 светло-бронзовых нагрудных медалей для вручения армейским полкам³³. Несмотря на то, что награждение памятными медалями откладывалось до завершения Первой мировой войны, сохранился алфавитный список лиц, которые смогли их получить. В специальном журнале указывались фамилия, чин, звание и номер удостоверения. Среди получивших в 1916 г. юбилейную награду значились министр народного просвещения, граф П.Н. Игнатьев, полковник Н.Г. Мыслицкий, военный министр В.А. Сухомлинов и многие другие³⁴. Ходатайства в Главный штаб о соответствии разных лиц праву на награждения поступали и в 1917 г.³⁵ Таким образом, по мере продолжения войны неоднократно пересматривалось решение о времени получения памятных медалей, менялось и Положение о порядке награждения.

Похожая ситуация сложилась и по отношению к гангутским рублям. 8 августа 1914 г. Главный морской штаб обратился к начальнику Монетного двора с просьбой выслать для Морского министра 20 рублей, отчеканенных в память 200-летия Гангутской победы. Взамен отправлялась эквивалентная сумма³⁶. В ноябре 1916 г. представители Московского общества любителей нумизматики подали на имя морского министра прошение разрешить Монетному двору выдать юбилейные рубли по одному экземпляру каждому участнику для пополнения своих коллекций. И.К. Григорович подчеркнул в своем ответе, что хранящиеся гангутские рубли будут розданы нижним чинам после войны. «Ранее этого срока расходование означенных рублей без особого высочайшего разрешения не представляется возможным»³⁷.

После февральских событий Общество повторно ходатайствовало, но уже перед военными и морским министром А.И. Гучковым о возможности приобретения 64 ценных монет, ссылаясь на информацию о том, что другие нумизматическим

³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 177.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3590.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2320. Л. 39.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1970. Л. 161.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2320. Л. 47.

обществам была предоставлена такая возможность. При этом подчеркивалось, что причиной для нового обращения послужили сведения о «предстоящей переливке означенных рублей»³⁸. За полученные юбилейных экземпляров планировалась оплата серебряными рублями. 5 мая 1917 г. в ответном послании указывалось, что Главный морской штаб не видит каких-либо препятствий для удовлетворения просьбы Общества.

Таким образом, в условиях Первой мировой войны юбилейная комиссия продолжила свою работу, подстраиваясь под быстро изменяющуюся обстановку. В архивных документах сохранились сведения о том, что члены комиссии собирались в 1915 г. для обсуждения времени и способов празднования 200-летнего юбилея Гангутской победы³⁹. 16 марта 1915 г. была объявлена высочайшая благодарность генерал-майорам П.Н. Симанскому и А.К. Байову, полковникам Н.Г. Мыслицкому и Балтийскому «за труды, понесенные ими в высочайше утвержденной комиссии по организации празднования 200-летия Гангутской победы»⁴⁰.

Подводя итог, необходимо отметить, что 200-летие Гангутской победы рассматривалось в качестве одного из важнейших коммеморативных поводов начала XX столетия. Подготовительный этап характеризовался детальным планированием, тщательным подбором форм чествования памяти героев первой морской виктории русского флота. В то же время комиссия при разработке многих пунктов действовала с оглядкой на предшествующие всероссийские торжества. Это предопределило обращение организаторов к уже устоявшимся формам коммеморации – религиозному и военному церемониалу. Необходимо подчеркнуть, что комиссия, учитывая специфику юбилейного события, также предложила и оригинальные способы празднования.

Отмена торжеств из-за ухудшения международной обстановки и вскоре начавшейся Первой мировой войны поставила комиссию в сложные условия. Первоочередными задачами стали

³⁸ Там же. Л. 48.

³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 178.

⁴⁰ Русский инвалид. 1915. 14 апреля.

приостановка всех подготовительных процессов и осведомление участников о переносе сроков празднования. В дальнейшем деятельность комиссии связывалась с корректированием плана торжеств в последующем году. Однако затяжной характер войны, великое отступление русской армии в 1915 г. сделали фактически невозможным проведение каких-либо акций. Из всего многообразия запланированных мероприятий некоторые все-таки удалось реализовать, но они уже не обладали первоначальным символическим потенциалом. Так, централизованное награждение памятными медалями в рамках отдельных воинских формирований и морских команд летом 1914 г. могло выступить дополнительным фактором в поднятии боевого духа.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках гранта «Военные события в исторической памяти российского общества в начале XX века» Российского научного фонда, грант № 23-78-01190

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by the Russian National Science Foundation, project «Military events in the historical memory of Russian society at the beginning of the 20th century», no. 23-78-01190

ЛИТЕРАТУРА

- Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Лапин 2012 – *Лапин В.В.* Великий юбилей «Великой години» // Звезда. 2012. № 7. С. 87–110.
- Лизогуб 2025 – *Лизогуб А.С.* «200-летний юбилей... Полтавской битвы был отпразднован с исключительной торжественностью...». Сравнительный анализ коммеморативных мероприятий, посвящённых событиям

- Северной войны, в 1900–1914 гг. // Военно-исторический журнал. 2025. № 2. С. 95–101.
- Нора 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Павленко 2012 – Павленко В.В. Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6. С. 225–234.
- Уортман 2004 – Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Цимбаев 2005 – Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.
- Цимбаев 2019 – Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 70–79.

REFERENCES

- Assmann, A. (2004), *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Remembrance of the Past and Political Identity in Ancient High Cultures], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia.
- Lapin, V.V. (2012), "The Great Jubilee of the 'Great Year'", *Zvezda*, no. 7, pp. 87–110.
- Lizogub, A.S. (2025), "The 200th anniversary of the Battle of Poltava was celebrated with exceptional solemnity...? A comparative analysis of commemorative events of the Northern War, 1900–1914", *Voenno-istoricheskij zhurnal*, no. 2, pp. 95–101.
- Pavlenko, V.V. (2012), "Celebrations in Russia Dedicated to the 200th Anniversary of the Battle of Poltava", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya" Series*, no. 6, pp. 225–234.

- Uortman, R.S. (2004). *Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii* [Scenarios of power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. V 2 t. T. 2: *Ot Aleksandra II do otrechenija Nikolaja II* [Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II], OGI, Moscow, Russia.
- Tsimbaev, K.N. (2005), "The Phenomenon of Jubilee-Mania in Russian Public Life at the Turn of the 20th Century", *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 98–108.
- Tsimbaev, K.N. (2019), "The Origins of Jubilee Culture in Imperial Russia", *Dialog so vremenem*, iss. 67, pp. 70–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анна С. Лизогуб, кандидат исторических наук, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия; 644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А; LizogubAS@omsu.ru

Егор В. Шестопалов, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия; 644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А; ShestopalovEV@omsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Lizogub, Cand. of Sci. (History), Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; bld. 55-A, str. Prospect Mira, Omsk, Russia, 644077; LizogubAS@omsu.ru

Egor V. Shestopalov, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; bld. 55-A, str. Prospect Mira, Omsk, Russia, 644077; ShestopalovEV@omsu.ru.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 94(47).084.8 "1945"

Система просвещения в Советском Союзе
в победном 1945 году

Анастасия В. Зотова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, anastasiyazotova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются усилия Советского государства по развитию системы просвещения в победном 1945 г. Обращается внимание на то, что осуществлявшиеся мероприятия, проводившиеся еще во время боевых действий, были нацелены на развитие страны в условиях мира. Центральные и местные органы власти прагматично оценивали потребности всех союзных республик по восстановлению народного хозяйства, осознавая важность системы просвещения как эффективного рычага общего развития экономики Советского государства. Обращено внимание на то, что, несмотря на проводимую реэвакуацию, в отдаленных регионах страны продолжали действовать и развиваться фабрики, заводы, вузы и различные учреждения, эвакуированные в регионы еще в 1941–1942 гг. В конце войны они стали основой новой экономической инфраструктуры, на базе которой в последующие годы обеспечивался экономический рост всего государства. В это время структура просвещения носила сложный характер и представляла собой образование (вузы, техникумы, общеобразовательные школы, школы фабрично-заводского ученичества, фабрично-заводского обучения, ремесленные училища), систему библиотек, политическое просвещение, подготовку кадров, трудовых резервов, развитие искусства, науки и печати.

© Зотова А.В., 2025

На основе документов, хранящихся в Российском государственном архиве экономики, систематизируются сведения о вкладе союзного, республиканских и местных бюджетов в развитие всей исследуемой в статье системы. Делается вывод о том, что предметом особой заботы государства была молодежь, на которую в значительной мере возлагалась задача восстановления народного хозяйства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, просвещение, образование

Для цитирования: Зотова А.В. Система просвещения в Советском Союзе в победном 1945 году // Молодой историк. 2025. № 1. С. 63-74.

The education system in the Soviet Union
in the victorious year of 1945

Anastasia V. Zotova
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, anastasiyazotova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the efforts of the Soviet state to develop the education system in victorious 1945 and highlights the activities carried out during the fighting and aimed at developing the country in peace. The central and local authorities pragmatically assessed the needs of all the Union republics to restore the national economy, realizing the importance of the education system as an effective lever for the overall economic development of the Soviet state. The study's focus is on the fact that despite the ongoing re-evacuation, factories, universities and institutions that were evacuated to the regions back in 1941–1942 did not stop working in the remote regions of the country. At the end of the war, they became the basis of a new economic infrastructure, by means of which the economic growth of the entire state was ensured in subsequent years. By that time, the structure of education was complex and consisted of education (universities, technical schools, general education schools, factory apprenticeship schools, factory training, vocational schools), a library system, political education, training of personnel, labor reserves, the development of art,

science and the press. Based on the documents stored in the Russian State Archive of the Economy, information on the contribution of the union, republican and local budgets to the development of the entire system is systematized. It is concluded that the subject of special concern of the state was the youth, who were largely entrusted with the task of restoring the national economy.

Keywords: The Great Patriotic War, enlightenment, education system, economic growth

For citation: Zotova, A.V. (2025), "The education system in the Soviet Union in the victorious year of 1945", *Young Historian*, no. 1, pp. 63-74.

В канун 80-летия Великой Победы в отечественной историографии появилось немало публикаций, посвященных различным фрагментам развития просвещения в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, все они носят частный характер и не дают возможности взглянуть на проблему в целом [Гасанова, Минеева 2021; Тулимонас 2021]. Настало время подготовки обобщающих работ, что позволило бы панорамно рассмотреть усилия государства по подготовке советских кадров в разных сферах деятельности.

Система просвещения в СССР в 1940-е гг. включала в себя широкий спектр задач. В нее входили общее образование, политическое просвещение, подготовка кадров, формирование трудовых резервов, развитие науки и искусства, а также деятельность советской печати. Ее развитие обеспечивалось средствами из государственного бюджета СССР, имевшего сложную структуру. Расходы осуществлялись из союзного, республиканских и местных бюджетов и направлялись на выплату зарплат, стипендий, питание, строительство зданий и сооружений, сельское школьное строительство, покупку оборудования и на другие нужды.

Как известно, бюджет советского государства на 1945 г. формировался еще в разгар войны, в 1944 г. Анализ документов того времени позволяет утверждать, что государственная стратегия в сфере просвещения была не только оптимистичной, но и

нацеливалась на весь комплекс мер, предполагавших всеобъемлющий охват этого сегмента развития страны. Представляет интерес анализ соотношения государственных расходов на все сферы системы советского просвещения. По понятным причинам главный акцент делался на развитие общего образования, начиная с организации просветительской работы в детских садах до преподавания в высших учебных заведениях. Всего в 1945 г. было выделено 14212386000 руб., то есть почти 15 млрд руб. Если учесть, что в целом на просвещение было потрачено 26366209000 руб., то на образование израсходовано почти 54%. Это свидетельствует об особом внимании власти к образовательному процессу. Ход войны показал, что на фронте и в тылу явно не хватало образованных людей. Предполагавшийся скорый мир требовал хорошо образованных советских граждан, которые были бы способны восстанавливать страну после разрухи и создавать мощный задел для качественного продвижения Советского Союза.

Важным показателем заботы о молодежи были стипендии, выплачивавшиеся учащимся и студентам. По понятным причинам больше всего средств на стипендии выделялось в РСФСР, поскольку в этой республике количество учащейся молодежи было существенно выше, чем в других республиках. На втором месте по расходованию средств из государственных бюджетов союзных республик была Украина, затем Белоруссия, Грузия и Узбекистан. Можно предположить, что особое внимание к украинским и белорусским студентам было связано с тем, что республики только-только пережили тяжелейшую оккупацию, в ходе которой пострадали десятки тысяч человек. Республики нуждались в форсированном восстановлении, и студенческая молодежь во многом способствовала экономическому возрождению¹.

Разумеется, по-прежнему актуальным был знаменитый сталинский тезис о том, что «кадры решают все». Именно о них была особая забота государства на всех уровнях – от союзного бюджета до бюджетов городов, краев, областей и районов. Если на образование больше всего средств выделялось из местных

¹ Российский государственный архив экономики (Далее – РГЭЭ). Ф. 7733. Оп. 30. Д. 3141. Л. 8-10.

бюджетов, то в подготовке кадров основная нагрузка ложилась на союзный и республиканские бюджеты. Это говорит о том, что «выращивание» кадров представляло собой именно стратегическую задачу, которую можно было разглядеть лишь на уровне общегосударственной перспективы. На местах проще было увидеть те проблемы, которые были актуальны для того или иного региона. Здесь было яснее, на что тратить средства. В первую очередь они вкладывались в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), техникумы, курсы повышения квалификации, в институты совершенствования специалистов, на техническую пропаганду и клиники при учебных заведениях. Однако в поле особого внимания были высшие учебные заведения, на которые тратились основные средства.

В 1945 г. помимо России и Украины больше всего денег из республиканских бюджетов было вложено в подготовку кадров в Узбекистане – 111967000 руб. Для сравнения можно отметить, что в Туркмении на те же нужды было потрачено 38820000 руб., а в Таджикистане – 21674000 руб.² Это объясняется тем, что в республике с 1941 г. начали функционировать многочисленные предприятия, передислоцированные в Среднюю Азию из европейской части страны вследствие наступления врага. По мере работы фабрик, заводов требовалось обновление инженерных и других кадров, которых прежде Узбекская ССР не готовила. У республики не имелось собственных педагогов и специалистов, способных за относительно короткое время подготовить нужное количество высококвалифицированных сотрудников, умевших обслуживать станки и другое оборудование для выпуска необходимой фронту продукции. Особенность 1945 г. состояла в том, что именно тогда активно начался процесс реэвакуации. Это означало, что на прежнее место дислокации возвращались не только предприятия, но и их сотрудники. Важно заметить, что возвращение это было лишь частичным: значительная часть техники, да и сами предприятия оставались на новых местах, формируя тем самым новую промышленную инфраструктуру.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 30. Д. 3141. Л. 94.

Именно для нее и требовались молодые специалисты, в обучение которых с 1945 г. начали вкладывать значительные средства.

Советская экономика нуждалась в кадрах практически всех специальностей. Помимо просвещения нужны были специалисты для здравоохранения, земледелия, коммунальной сферы, строительства, автомобильного транспорта, юстиции, внутренних дел, рыбной, пищевой, текстильной, легкой, лесной, топливной, дорожной, мясной и молочной промышленности, а также различных областей искусства. Развивая те или иные отрасли, местное руководство учитывало специфику регионов. Например, в Армении, Туркменистане, Таджикистане, Узбекистане не было потребности в подготовке кадров для лесной промышленности, что было обусловлено природными и географическими особенностями регионов. Кадры для промышленности в сфере строительных материалов готовились только в РСФСР, УССР и БССР. Именно эти три ведущие республики Советского Союза приняли на себя основной груз подготовки специалистов в области промышленного производства. Такая централизация была целесообразной: она позволяла другим регионам больше сосредоточиться на подготовке специалистов для других отраслей. Географический фактор играл заметную роль в выборе специальностей, по которым готовились те или иные кадры. Например, в республиках Средней Азии и Кавказа, за исключением Азербайджана, имевшего выход к Каспийскому морю, не целесообразно было готовить специалистов для рыбной промышленности.

В подготовке кадров были и явные перекосы. Так, специалисты для культурно-просветительной работы готовились только в России, на Украине, в Белоруссии, Азербайджане и Молдавии. Это приводило к тому, что возникали сложности в подготовке национальных кадров в сфере культпросветработы³. Будущие работники вынуждены были отправляться на учебу далеко от дома – чаще всего в Россию, где подготовка велась по общесоюзным стандартам. В результате сотрудники этой сферы становились специалистами широкого профиля, но плохо

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 30. Д. 3141. Л. 95.

разбирались в национальной специфике. Еще хуже обстояли дела с подготовкой социальных работников. Квалифицированное обучение они проходили только в РСФСР и Киргизии. Вероятно, в то время считалось, что подготовкой социальных работников особо заниматься не стоит, и местные власти вполне могли справиться с этой задачей самостоятельно.

Специфика того времени состояла в том, что всю социальную жизнь государства пронизывала на практике деятельность партийных органов. От бывшей самостоятельности Советов следа почти не осталось. Подготовкой кадров для советских органов учебные заведения в СССР почти не занимались. Исключение составляла лишь Туркменская ССР, в которой в победном году было запланировано на подготовку советских работников 78 тыс. руб. Реально же было затрачено еще больше – 84 тыс. руб.

Осознавая важность развития мелиорации и водного хозяйства в целом, руководство страны в 1945 г. активно поддержало те советские республики, которые традиционно страдали от засухи: Азербайджан, Армению, Грузию, Туркмению, Таджикистан, Казахстан, Киргизию, Узбекистан. Больше всего денег израсходовано на подготовку кадров в этой сфере в Грузии (668 тыс. руб.) и в Узбекистане (585 тыс. руб.)⁴. Из республиканских бюджетов активно финансировались кадры для кинофикации, физкультуры и спорта. На нужды подготовки специалистов в области искусств больше всего денег выделялось из местных бюджетов.

Государство освобождало местные и республиканские власти от финансовой нагрузки на подготовку трудовых резервов. Эта деятельность щедро финансировалась централизованно из союзного бюджета и составила 2971023000 руб. в 1945 г. Стало быть, на подготовку трудовых резервов затрачивалось чуть меньше, чем на общее образование и подготовку кадров. Такое соотношение затрат было неслучайным. Опыт войны показал, что ремесленные, железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения представляли собой мощную систему

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 30. Д. 3141. Л. 97.

организации подготовки квалифицированных рабочих кадров для основных отраслей народного хозяйства. Именно в нее вливалась значительная часть городской и сельской молодежи, становясь за 2-3 года квалифицированными рабочими, способными самостоятельно решать важные производственные задачи. В годы Великой Отечественной войны значение трудовых резервов существенно возросло, тем более, что выпускники учебных заведений такого профиля были востребованы оборонными предприятиями. Не случайно представители трудовых резервов в годы борьбы с врагом составили свыше половины всех рабочих страны.

Несмотря на военную реальность, государство находило в себе силы вкладывать средства в развитие научных исследований, носивших как прикладной, так и фундаментальный характер. В победном году на нее было затрачено 1402185000 руб. Этот показатель был существенно ниже многих других затрат, но при этом довольно высокой была степень исполнения государственных планов. Если на деле подготовка трудовых резервов, кадров составляла примерно 87-90% от плана, то расходы на развитие науки по итогам 1945 г. были близки к 100% и составили 96,9%. Любопытно, что местные органы власти больше заботились о развитии искусства, а не науки, вероятно, считая, что, как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе: научные достижения не сказывались явным образом на повседневной жизни регионов, а искусство вносило заметное разнообразие в трудный быт военного времени. Осознание этого было настолько велико на местах, что расходы на искусство в 1945 г. составили 125,3% от планового показателя⁵.

На исходе войны в Советском государстве центральные и местные власти уделяли внимание деятельности библиотек, многие из которых приходилось ремонтировать, восстанавливать, а зачастую и создавать с нуля. Книги, газеты, журналы, учебная литература играли в то время колоссальную роль в формировании личности гражданина страны. Этим во многом объясняются значительные расходы на их создание и развитие. Предполагалось,

⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 30. Д. 3141. Л. 4.

что сотрудники библиотек не только будут обеспечивать читателей книгами из имевшегося и пополнявшегося фонда, но и приложат усилия для получения образования или повышения своей квалификации. Практика показала, что на деле возможностью обучения воспользовались только сотрудники российских и азербайджанских библиотек⁶.

Важной статьёй расходов в 1945 г. было приобретение книг. Представляет интерес тот факт, что библиотеки советской Латвии проявили особую активность в этой работе. По затратам на приобретение новых книг они обошли большинство союзных республик, уступив лишь РСФСР и УССР. Республики Советской Прибалтики в 1945 г. приложили немало усилий для развития сельских библиотек. По этому показателю они заметно обошли все союзные республики, за исключением России. Вероятно, это объясняется тем, что в Литве, Латвии и Эстонии до 1945 г. в библиотеках не было советской литературы и местные органы понимали необходимость срочного формирования фондов. Кроме того, только в конце ноября 1944 г. Красной армии удалось освободить территорию Советской Прибалтики, и необходимо было предпринять меры по восстановлению, а зачастую и созданию библиотек в этом регионе страны.

В результате военных действий в городах и сельской местности царил разруха. На освобожденных территориях власти восстанавливали не только предприятия и жилой фонд, но и школы, детские сады, дома культуры, сельские и городские клубы, избы-читальни и другие учреждения. Все это требовало огромных затрат. За время войны значительная часть населения Советского Союза была вынуждена эвакуироваться из зоны оккупации вглубь страны. В частности, это заметно отразилось на дальнейшем развитии инфраструктуры советских республик – Казахстана и Узбекистана. Переселение туда сотен тысяч людей, в том числе вместе с эвакуированными предприятиями, организациями и учебными учреждениями, вынуждало учитывать эти обстоятельства в процессе развития системы просвещения на завершающем этапе войны. Кроме всего прочего, возникала потребность создания

⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 30. Д. 3141. Л. 66.

новых и развития старых клубов, домов культуры. Относительно невысокий уровень образования граждан и ограниченность в средствах способствовали активному развитию такой формы просвещения как избы-читальни, которые прекрасно зарекомендовали себя еще в экстремальных условиях Гражданской войны.

В 1945 г. планы Советского государства по подготовке студентов высших и средне-специальных учебных заведений были весьма оптимистичными. По сравнению с 1944 г. расходы на обучение студентов вузов в 1945 г. увеличились на 40,3%, а на обучение студентов техникумов – на 62,1%, то есть в высшие учебные заведения было направлено 2856 млн руб., тогда как в 1944 г. – 2036 млн руб. В техникумах в 1945 г. было освоено 2276 млн руб., тогда как в 1944 г. – 1404 млн руб. Увеличение ассигнований по подготовке студентов объяснялось возобновлением деятельности ряда учебных заведений на территориях, освобожденных от врага и организацией новых вузов и техникумов. К концу 1945 г. в Советском Союзе в институтах обучалась 561 тыс. студентов и 938 тыс. – в техникумах. По сравнению с 1944 г. число студентов вузов увеличилось на 28,5%, а студентов техникумов – на 30,8%⁷.

Анализ документов по планированию и исполнению задач по просвещению населения Советского Союза убеждает в том, что руководство страны действовало на перспективу, делая основной акцент на заботу о молодежи. Красная армия едва успела вступить на вражескую территорию, а на советской земле уже полным ходом шла работа по восстановлению народного хозяйства. Эта деятельность была всеобъемлющей. Она не сводилась лишь только к восстановлению предприятий и жилых зданий. Государство предпринимало эффективные шаги к тому, чтобы в душе каждого советского гражданина была своя стройка – стройка победы.

ЛИТЕРАТУРА

Гасанова, Минеева 2021 – Гасанова М.Н., Минеева Е.К. Оценка деятельности Наркомата просвещения Чувашской АССР по

⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 30. Д. 131. Л. 97.

развитию школьного образования в республике накануне Великой Отечественной войны // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования: сборник материалов международной научно-практической конференции. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2021. С. 14–18.

Тулимонас 2021 – Тулимонас А.Н. Народное образование в оккупированном Пскове в годы Великой Отечественной войны // Человек и трансформация современного общества: проблемы безопасности, духовности и культуры: Сборник материалов Международного научно-практического Свято-Тихоновского форума. Псков: Псковский государственный университет, 2021. С. 173–176.

REFERENCES

- Hasanova, M.N., Mineeva E.K. (2021), “Assessment of the activities of the People's Commissariat of Education of the Chuvash ASSR on the development of school education in the republic on the eve of the Great Patriotic War”, in *Voprosy nauki i obrazovaniya: novye podkbody i aktual'nye issledovaniya: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. of materials of the international scientific and practical conference “Issues of science and education: new approaches and relevant research”], CNS Interactive Plus, Cheboksary, Russia, pp. 14–18.
- Tulimonas, A.N. (2021), “Public education in occupied Pskov during the Great Patriotic War”, in *Chelovek i transformatsiya sovremennogo obshchestva: problemy bezopasnosti, dukhovnosti i kul'tury: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo Svyato-Tikhonovskogo foruma* [Proc. of materials of the International Scientific and Practical St. Tikhon's Forum “Man and the transformation of modern society: problems of security, spirituality and culture”], Pskov State University, Pskov, Russia, pp. 173–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия В. Зотова, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; anastasiyazotova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Zotova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; anastasiyazotova@mail.ru

Исторические и культурные мотивы
в конструировании образа врага на страницах журнала
«Крокодил» в 1941–1945 гг.: взгляд сатирика и обывателя

Иван В. Прохоренко
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия, ivan.prokhorenko_046@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления культурных и исторических представлений советских граждан на основе анализа писем в редакцию журнала «Крокодил», а также сатирических произведений в период с июня 1941 по май 1945 гг. При помощи контент-анализа, контекстологического анализа и имагологии раскрываются мотивационные компоненты в конструировании образа врага разных социальных групп Советского Союза. Исторические нарративы о нападении Германии в 1941–1942 гг. проецировались в оборонительном контексте: прославлялись военные победы России, русское искусство противопоставлялось немецкому в дихотомии «Восток–Запад». Отличительными особенностями конструирования обывателями образов врага являлась пародийность, высокая референция к массовой культуре, фольклорность. Автор приходит к выводу, что в 1943–1945 гг. на фоне очевидного поражения Германии через обращение к более персонализированным образам немецких правителей прошлого формируется критическая концепция «Вперед, на Восток».

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, образ врага, имагология, 1940-е гг., журнал «Крокодил»

Для цитирования: Прохоренко И.В. Исторические и культурные мотивы в конструировании образа врага на страницах журнала «Крокодил» в 1941–1945 гг.: взгляд сатирика и обывателя // Молодой историк. 2025. № 1. С. 75-90.

Historical and cultural motives in constructing the image
of the enemy on the pages of the «Crocodile» magazine
in 1941–1945: the view of a satirist and a layman

Ivan V. Prokhorenko
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia, ivan.prokhorenko_046@mail.ru

Abstract. The article attempts to understand Soviet citizens' cultural and historical representations based on the letters to the editors of the «Crocodile» magazine and satirical works written from June 1941 to May 1945. The motivational components in constructing the image of the enemy from various Soviet social groups are revealed by means of content-analysis, contextual analysis and imagology. Historical narratives about the German attack in 1941–1942 were projected in a defensive context: Russian military victories were glorified and Russian art was opposed to German in the East-West dichotomy. The distinctive features of constructing images of the enemy by ordinary people were parody, high reference to popular culture, and folklore. It is concluded that in 1943–1945, when the defeat of Germany was obvious, a critical concept of «Forward to the East» is being formed through the appeal to more personalized images of the German rulers of the past.

Keywords: Foreign policy, USSR, enemy image, imagology, 1940's, «Crocodile magazine»

For citation: Prokhorenko, I.V. (2025), “Historical and Cultural Memory of the Enemy Image in the magazine “Crocodile” 1941-1945: the View of a Satirist and a Layman”, *Young Historian*, no. 1, pp. 75-90.

Великая Отечественная война по степени жестокости и жертвенности не имела аналогов в мировой истории. С первого дня нападения нацисткой Германии и до последнего она представляла собой тяжелейшее испытание для советского народа. Без различий пола, национальной и партийной принадлежности граждане встали на защиту своей Родины, идентичности, культуры, независимости. Накануне празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне проблематика сохранения исторической памяти об этом конфликте, освещение ее отдельных сюжетов приобретает особую значимость и актуальность.

Попыткам Третьего рейха стереть из истории Советский Союз противодействовали не только героически сражавшиеся воины Красной армии, труженики тыла, но и «мастера» сатиры, публицисты и карикатуристы. Своеобразным орудием смеха и сатиры стал журнал «Крокодил» – один из популярных органов печати с тиражом более 100 тыс. копий каждый выпуск, выходивший 3 раза в месяц. Материалы, опубликованные в данном периодическом издании в 1941–1945 гг., стали основным источником настоящего исследования. Важное значение имело обращение к источникам личного происхождения – письмам советских граждан, хранящимся в фонде 600 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Было проанализировано и отобрано около 40 писем, где преобладали обращения от фронтовиков и школьников.

Проблематика изучения органов прессы и пропаганды, их влияния на формирование образа врага, получила широкое освещение в зарубежной и отечественной историографии. Д. Франк ввел понятие энемификации, обозначающее процесс внедрения образа врага в общественное сознание [Frank 1967]. С. Кин [Keen 1986], Р. У. Рибер и Р. Дж. Келли [Rieber and Kelly 1991] использовали историко-психологический подход при анализе карикатур XX в. Этно-культурологическую концепцию предложил Д. Хоровиц [Horowitz 1985]. Несмотря на то, что зарубежные авторы используют в своих работах междисциплинарный подход, их исследования зачастую подчинены политической конъюнктуре.

В трудах отечественных авторов была рассмотрена общая системы пропаганды в годы Великой Отечественной войны [Горлов 2009]. Изучение карикатур 1941–1945 гг. нашло отражение в работах А.В. Голубева [Голубев 2009], К. Вашика [Вашик 2005] и др. В.В. Барбасова реконструировала образ советского тыла в журнале «Крокодил» [Барбасова 2021]. Значимый вклад внесла Е.С. Сениявская [Сениявская 1995], рассмотревшая образ врага как историко-психологический феномен. Наиболее полно представления о враге раскрыты на примере Германии в пред- или послевоенное время. Несмотря на значительный вклад научного сообщества, исследование данной проблематики по-прежнему остается актуальным и требует дальнейшего изучения.

Цель настоящей работы состоит в выявлении исторических и культурных сюжетов, характеристике их возможностей при конструировании образа врага на страницах журнала «Крокодил» в 1941–1945 гг.

Широкомасштабное наступление немецкой армии по всей границе СССР требовало мобилизации всего населения. С этой целью активизировали свою работу советские органы пропаганды и периодической печати. Они транслировали населению цели, масштабы войны, а также формировали представления о том, кто стал виновником многочисленных страданий и жертв, выпавших на долю советских граждан.

В первые недели войны образ врага рассматривался через рефлексию противников России в предшествующие исторические периоды. Апелляция к прошлому опыту, героическим страницам давно минувших дней, представляла один из эффективных инструментов мобилизации людей, повышения боевого духа. Так, стала активно вводиться и использоваться идеологема о непобедимости советской армии, которая уже выигрывала войны «в прошлом».

Уже на страницах первого военного выпуска действия нацистской Германии получили оценку через призму истории. Прослеживалась параллель между образом немецкого рыцаря и режимом «псов-фашистов», при этом к характеристике последних добавлялось: «гнусь хуже Средневековья»¹. Это свидетельствовало о

¹ Адуев Н. В расход [стих] // Крокодил. 1941. № 12. С. 6.

попытках найти обоснование современной войны в истории взаимоотношений между двумя народами. В июне 1941 г. на страницах «Крокодила» вспоминали битву на Чудском озере 1242 г., Грюндевальскую битву 1410 г., битву при Кунерсдорфе 1759 г. и др.² Под воздействием политической и тактической ситуации на фронте и в тылу в июле 1941 г. обращались к событиям относительно недавнего прошлого – Первой мировой войне и интервенции Германии в 1918 г. При этом неоднократно подчеркивалось, что советские граждане готовы воевать со своим злейшим врагом, который не первый раз обратил против них свое оружие. Данный прием, использованный карикатуристами, является отражением символов образа врага, скрытых в глубинах исторической памяти жителей Советского Союза.

Наряду с прямыми отсылками к опыту военных столкновений с Германией и немецким народом, использовались сюжеты, связанные с другими противостояниями и бедствиями. Так, М. Зоценко, характеризуя опасность вторжений нацистов через метафору «Чингисхан с самолетом», предостерегал читателя о новом опустошительном нашествии, более смертоносном, чем в XII столетии³. Эта тенденция нашла отражение в карикатуре Кукрыниксов, сравнивших Николая II и Гитлера⁴.

В целом с июня по декабрь 1941 г. появилось одинаковое количество символов образа врага, выразившихся как на уровне конкретных персоналий, так и воспоминаний побед прошлого, которые транслировали позитивный наступательный настрой (см. таблицу 1). Таким образом, исторические мотивы активно использовались при конструировании образа врага, особенно в первые месяцы войны. Отсылка к прошлым эпохам актуализировала глубинные основы исторической памяти советского народа для отпора современному, более жесткому противнику. В 1941 г. формирование представлений о противнике в Великой Отечественной войне осуществлялось посредством коммеморации событий далекого прошлого, демонстрации

² Шартов Е. и С. Легенды и факты [фельетон] // Крокодил. 1941. № 12. С. 14.

³ Зоценко М. Чингисхан с самолетом [фельетон] // Крокодил. 1941. № 15. С. 2.

⁴ Кукрыниксы. Братья по крови [карикатура] // Крокодил. 1941. № 29. С. 8.

преемственности, храбрости и отваги населения в предшествующих войнах и конфликтах.

Таб. 1. Показатели трансформации историко-культурных образов врага в журнале «Крокодил» в 1941–1945 гг.

Нарративные мотивы в образе врага	Исторические события	Историческая личность	Религиозная личность	Культура
1941 г.	4	4	0	3
1942 г.	8	8	5	12
1943 г.	7	2	3	4
1944 г.	2	6	1	3
1945 г.	1	2	1	1

С 1942 г. редакция журнала сместила центр тяжести с отдаленных сюжетов героического нарратива к культурным мотивам и мифологемам. Так, пропаганда стремилась дискредитировать армию Германии через дихотомию «Восток-Запад», а также критиковала нацизм при помощи возвышения великих немецких мыслителей. «О, музы Шиллера и Гёте! Давно не слышит вас народ:/Повязка с надписью «Verboten»/Закрывает ваш певучий рот»⁵. Помимо обращения к реальным культурным деятелям Германии, образ врага кодировался посредством вымышленных лиц – героев произведений культуры: д'Артаньяна, Фауста и др. Самым популярным являлся персонаж Швейк, который, например, убил «протектора Гейдриха»⁶.

К категориям культуры и их персонажам карикатуристы обращались чаще всего, что свидетельствует об их значительном символическом потенциале (таб. 1). На наш взгляд, одной из причин такой акцентуации стал креативный подход к критике врага через свою собственную классическую культуру⁷. Впервые эта

⁵ Рохович. Ал. Музы не молчат! [стих] // Крокодил. 1942. № 13. С. 2.

⁶ Аксель. Юр. (перевод) Швейк в дни покушения на Гейдриха [фельетон] // Крокодил. 1942. № 22. С. 6.

⁷ См.: Кольцов М. Из записных книжек Чехова // Крокодил. 1934. № 17. С. 2. Образ врага в лице Германии с 1933–1939 гг. в журнале «Крокодил» закладывал большой инструментальный различных символов (контекстов, метафор, сравнений, интертекстов) для историко-культурных мотивов. Поэтому эти корни росли уже в межвоенный период. Например, в честь 30 лет со смерти А.П. Чехова нацистский режим Гитлера критиковали через литературу: «Фашистский министр – помесь свиньи с белугой».

практика использовалась редакцией «Крокодила» еще в 1930-х гг., когда выходили тематические выпуски с критикой нацистской идеологии, а также приуроченные к юбилеям выдающихся писателей.

В карикатурном творчестве осуществлялась апелляция и к произведениям отечественной культуры. Так, через картины И.Е. Репина, В.М. Васнецова и др., а также при помощи фотомонтажа критиковалась лживость немецкой пропаганды, подчеркивался провал блицкрига⁸, а цитаты и отсылки к А.П. Чехову, Н.В. Гоголю, Л.В. Толстому часто использовались в визуальном оформлении образа врага в карикатурах.

Образы «религиозной личности» имели высокое тиражирование в 1942 г. Это являлось показателем максимальной ненависти к врагу (см. таблицу 1). В них отражались религиозные мотивы и персонажи: Иуда, Каин, Люцифер. Сам же немец был представлен инфернально, попадая только в Ад: «...И на кипящих фрицев с неохотой/ сам Вельзевул глядел из-под очков...»⁹.

Общее настроение второго года войны трансформировалось в сторону осмысления войн начала XX в., сопоставления поражений Германии на восточном фронте и отступлением Наполеона из России. Так, враги – «помещики на Украине» – в 1918 г. и 1942 г. одинаково стояли в форме чучел. Тем самым использовалась формула «тогда и сейчас». В таком случае интервенция Германии в 1918 г. изображалась в виде некого цикла, неминуемого повторения истории для Германии, что проявлялось в презентации березовых крестов военных семей немцев 1918 г. и 1942 г. или воспоминании казака о количестве убитых им немцев в 1915 г.¹⁰

К концу 1942 г. в иерархии содержания образа врага доминировали три события: образ тевтонских рыцарей и победа над ними в 1242 г., Отечественная война 1812 г. и интервенция 1918 г. Все они имели привязку к реальным победам Красной Армии. Так, Гитлер в образе Наполеона бежал от границ Востока

⁸ Клинич Б. Известно... [фотомонтаж] // Крокодил. 1942. № 18. С. 8.

⁹ Ленч Л. Случай в Аду [стих] // Крокодил. 1942. № 48. С. 3.

¹⁰ Каневский А. Старые счета [карикатура] // Крокодил. 1942. № 30. С. 8.

после Московской наступательной операции¹¹, Муссолини вспоминал о французском императоре в условиях военных неудач в Греции и Северной Африке¹².

Таким образом, исторические сюжеты в образе врага приобрели устойчивость и повторялись в разных контекстах Великой Отечественной войны. В то время они соседствовали с разнообразной «культурной» критикой противника. Это свидетельствовало о том, что редакторы журнала использовали всевозможные способы в своей борьбе с захватчиками. Высокий уровень их изобретательности позволил существенно повысить тиражируемость журнала, количество экземпляров которого увеличилось до 10 млн. в 1942–1943 гг. [Плеханов 2023, с. 208].

Популярность «Крокодила» носила всесоюзных характер. Журнал был востребован чрезвычайно широко – от Центральной России до Сибири, т. е. в тылу и на фронте. В его редакцию в годы войны поступало множество писем от разных авторов, среди которых были мужчины-комбатанты, дети и молодежь от 12 до 25 лет. Каждый из них владел разным уровнем навыков в написании сатирических произведений и газетных публикаций, создании карикатур и плакатов, сочинении стихотворений. Поэтому на страницах писем мы видим существенное отличие, т. к. это индивидуальный исторический образ врага, который наполнялся личными мотивами мести, опытом жизни на фронте.

В произведениях от авторов-любителей отчетливо прослеживалась тенденция к осознанию многослойной реальности войны. Достаточно частым явлением становилось изображение противника в виде обобщенной, однородной массы. В некоторых же работах, напротив, наблюдалась тщательная детализация конкретных личностей либо конкретизация культурного контекста эпохи (см., таблицу 2). Образы врага в письмах отличались лиричностью и поэтичностью, имея меньшую сатирическую направленность в своем содержании.

¹¹ Бродаты А. Без названия [карикатура] // Крокодил. 1942. № 2. С. 2.

¹² Бермонт Е. В поисках бессмертия [фельетон] // Крокодил. 1942. № 18. С. 3.

Таблица 2. Показатели историко-культурных образов врага на основе писем обывателей в редакцию «Крокодила» за 1942 г.

Нарративные мотивы в образе врага	Исторические события	Историческая личность	Религиозная личность	Культура
1942 г.	6	4	3	10

Как и на страницах журнала, в письмах также акцентировалось внимание на исторических мотивах в образе врага. Авторы сравнивали современных захватчиков с крестоносцами, тевтонцами, хазарами, печенегам, татаро-монголами, а также с французами. С одной стороны, это свидетельствовало о том, что деятельность журнала актуализировала в памяти населения образы врагов прошлых эпох. С другой стороны, сами редакторы в этих письмах могли черпать источник вдохновения и брать на вооружение некоторые темы.

Сопоставляя Гитлера и Наполеона, к фигуре последнего обыватели относились с большей снисходительностью. «Ты Адольф- «Наполеон»/ Как котенок перед львом», – пишет капитан Бадилов¹³. Смелым символом можно считать рисунок Михайлова «Бил Буслай врага колом!», где всадник на коне протыкает противника в рогатом шлеме¹⁴. Василий Буслаев – герой новгородского былинного эпоса, который был одним из главных героев знаменитого фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», снятого в 1938 г.

Имели место и ассоциации с немецким наступлением Первой мировой войны. Упоминался Эрих Мария Ремарк в наступательном контексте образа врага в описании сюжета для карикатуры, где обыгрывалось название «На Западном фронте без перемен наступают»¹⁵. Много раз тиражируется сатира солдата Швейка, критикующего Гитлера. Также в редакцию поступал остроумный анекдот «Шиллер и немцы» из журнала «Нива» № 6 за 1916 г., где говорилось, что Фридрих Шиллер для немцев придумал только роман «Разбойники»¹⁶.

¹³ РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 108.

¹⁴ РГАЛИ Ф. 600. Оп. 1 Ед. хр. 21. Л. 17.

¹⁵ РГАЛИ Ф. 600. Оп. 1 Ед. хр. 1. Л. 136.

¹⁶ РГАЛИ Ф.600, Оп. 2 Ед. хр. 2. Л. 87.

Письма, содержащие литературные образы, отличались большим интеллектуальным наполнением, несмотря на то, что носили пародийный характер. Например, работник газеты «Алтайский колхозник» С. Глинский написал песню о смерти врага от блохи в «Эс-эс и вошь» на мотив произведения «Песня о блохе» Мусоргского 1879 г. Помимо примитивного перифраза песен, советской человек визуализировал образ и культурную среду. В пьесе Е.И. Брайнина «Поход, действительно, крестовый» Гитлер просит помощи у высших сил, но по канону его ловят партизаны. В этой связи автор прописал занятные детали. Так, в прологе Гитлер должен был маршировать сначала под танго из социального фильма «Петер» 1934 г., который, видимо, для комичности переходил в Камаринский народный марш. Заканчивается эта сцена чтением красноармейцами отрывка стиха Маяковского «Комсомольская»¹⁷. Редакция журнала критически прокомментировала «тетрадную пьесу», говоря о том, что «она скорей подошла бы для эстрады, если б была написана смешнее и литературнее»¹⁸.

Некоторые материалы отклонялись и критиковались по причине слабых представлений авторов о чужой культуре, быте, моде и даже внешности немцев. «...У вас же даже не понятно в какой эпохе происходит действие, настолько старомодны костюмы и обстановка композиции», – объясняет обывателю причину отказа его работы карикатурист Ю. Ганф¹⁹.

Таким образом, в культурно-историческом символизме врага наблюдался культурный симбиоз дореволюционного и советского, которые не выражал классовый антагонизм врага, а скорее подчеркивал народный дух творчества с его басенными моральями, антропоморфными сравнениями, историческими взглядами в прошлое, политическими замечками настоящего.

С 1943 г. редакция журнала остановила активное тиражирование образа врага, военную тематику и плавно переключилась на внутреннюю политику СССР. С этого года сократилось не только количество символов немецкой армии, но и

¹⁷ Там же. Л. 49-59.

¹⁸ Там же. Л. 60.

¹⁹ РГАЛИ Ф.600. Оп. 1 Ед. хр. 21. Л. 91.

вспоминание исторических событий. Из всего многообразия карикатур и выпусков стоит отметить только битву за Сталинград, которая обыгрывалась через фольклорный сюжет о воронах, сравнивая 1812 и 1942 г.²⁰ Частичное же снятие блокады Ленинграда в ходе операции «Искра» отражалось через аллюзию на Невскую битву: советский солдат на фоне красного силуэта Петропавловской крепости выбивает нациста в черном углу в оконную раму, что олицетворяло на уровне экспозиции и цвета силы добра и зла²¹.

Единственный император, который показан в позитивном дискурсе, был Петр I как основатель Санкт-Петербурга. Он почти всегда изображался «Медным всадником», который давил толпы отступающих немцев, а также на фоне взятой в январе 1943 г. крепости Орешек²². Из этого следует, что исторические образы немцев изображены в наступательном нарративе советской армии. Например, разбитую армию возле села обыгрывают через референс к Гоголю – «Вечера на хуторе западнее Диканьки»²³. Подчеркнем, что историческая память, которую передают карикатуры, зависит от топонимов и личностей, что ассоциируется с тем, где происходили боевые действия.

В политическом контексте Гитлер как личность критиковался мало, скорее вбирал в себя антропоморфные и криминальные формы воплощения. До конца 1943 г. фюрер никогда не сравнивался с немецкими правителями, чаще его изображали как Цезаря или Наполеона. Все исторические личности Германии изображались в виде приведений или статуй. Тем самым демонстрировалась уважительную память о них по сравнению с основным объектом критики. Так, духи короля Фридриха II и Отто фон Бисмарка ждут падения режима Гитлера²⁴. Более сложно культурный образ врага трансформировался в сюжетах о бульваре «Аллея Победы», который находился в Берлине

²⁰ Никулин Л. Горе старого ворона [притча] // Крокодил. 1943. № 1. С. 5.

²¹ Ефимов Б. Невская перспектива [карикатура] // Крокодил. 1943. № 6. С. 1.

²² Елисеєва К. Высказывание Петра Великого по поводу Шлиссельбурга [карикатура] // Крокодил. 1943. № 6. С. 6.

²³ Ефимов Б. Вечера на хуторе западнее Диканьки [карикатура] // Крокодил. 1943. № 36. С. 8.

²⁴ Кукрыниксы. Довоевался [карикатура] // Крокодил. 1944. № 3. С. 1.

и представлял собой комплекс памятников правителей Германии. Так, через эти скульптуры показаны бомбардировки города, а также паника и политическое поражение Гитлера. «Когда я был в его положении, я уже давно удрал из Берлина», – рассуждает Фридрих II в карикатуре, которая явно отсылает к событиям 1760 г., когда русские войска вступали в пригород Берлина в ходе Семилетней войны²⁵. По сравнению с 1942 г., когда пик ненависти к немцам был наивысшим, в 1944 г. проявилось ослабление дегуманизации немцев как этнической группы, образы врага в историческом контексте были обращены на политический режим Гитлера.

В 1945 г. редакция журнала «Крокодил» вовсе перестает тиражировать популярные исторические мотивы. Впервые обращаются к цитатам Салтыкова-Щедрина из его произведения «За рубежом», в котором он критиковал прусский милитаризм²⁶. В последнем «победном» выпуске журнала статуи Бисмарка, Фридриха II и безликого рыцаря поднимали руки перед советскими солдатами, завершая тематическую связь всех карикатур «Аллеи Побед»²⁷.

Победа стратегическая означала и победу идеологическую, вводя в дискурсивное поле выражение «Drang nach Osten» («Натиск на Восток»). Оно использовалось в антагонистически-детерминистском взгляде на отношения Пруссии и Германии с ее восточными соседями, в котором немецкая экспансия стремилась колонизировать Восток для расширения территорий [Meyer 1996]. Это иронично обыгрывалось в комикс-стрипе «пивной Дранг нах Остен», линия которого тянется от «псов-рыцарей» через эпоху Фридриха II, Вильгельма II и кончается «разминированием» советскими войсками²⁸. Таким образом, концепция «Вперед, на Восток» сформировала идеологическую победу над образами врага. Репрезентация исторической памяти с момента полного уничтожения угрозы перестала тиражироваться в образах.

²⁵ Кукрыниксы. На аллее побед [карикатура] // Крокодил. 1944. № 42–43. С. 8.

²⁶ Бродаты Л. М.Е. Салтыков-Щедрин о германском генеральном штабе [карикатура] // Крокодил. 1945. № 13. С. 4.

²⁷ Елисеев К. Берлин сегодня [карикатура] // Крокодил. 1945. № 18. С. 3.

²⁸ Ганф Ю. История одной закрывшейся пивной [стрип-комикс] // Крокодил. 1945. № 18. С. 6.

Подводя итоги, можно сказать, что исторические мотивы и память об отдельных страницах военной истории, запечатленных в образе врага, представляли собой и элемент государственной пропаганды, и проявление ментальности, идентичности советского человека. Индивидуальная память о враге и способы его критики у простых обывателей – читателей журнала – качественно и структурно ниже, чем в работах профессионалов. В то же время они стали ярким проявлением культурного народного творчества, отражением которого выступила эмоциональная выразительность, влияние массовой культуры, большая социально-культурная заинтересованность, упор на историческую память и ценности.

Коллективная же память, которая находила свое выражение и транслировалась в редакции «Крокодила», была наполнена идеологемами, которые подчинялись текущей политической линии, реакциями на новости с фронта, показывая исторические параллели с прошлым. Преобладали воспоминания о победах в истории России XIII в., а также в период с XVIII по XX вв. В них образ врага напрямую зависел от соотношения сил на фронте. Так, можно выделить 1941–1942 гг. как доминирование оборонительных символов, где память об истории и культуре использовалась для воодушевления, усиления ненависти к немцам, по отношению к которым в т. ч. применялись христианские сюжеты.

Уже в 1943 г. на фоне успехов на Кавказе, в Сталинграде и на других фронтах исторические мотивы как инструмент сплочения общества теряют свою прежнюю значимость. Тогда же появляется потребность в политической дискредитации Германии. В этой связи немецкую культуру противопоставляли русской в дихотомии «Восток-Запад», при помощи которой ценности нацизма уничтожались через призму рефлексии и ностальгии по утраченной Германии с гениями Гёте, Гейне и др.

В 1944–1945 гг. можно констатировать охлаждение критики исторического образа врага. Рост интереса к немецким правителям прошлого был актуален ввиду скорого демонтажа режима Гитлера, а также в связи с тем, что боевые действия происходили уже за пределами советских границ. Так, возникла идеологема «Вперед, на Восток», которая на фоне штурма Берлина транслировала мысль о том, что враг повержен, а нацизм с его идеологией «свободного

пространства» искоренен. Великая Отечественная война продемонстрировала не только триумф и храбрость советской армии, но и художественную остроту советской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбасова 2021 – *Барбасова В.В.* Советский тыл в карикатурах журнала «Крокодил» 1941–1945 гг. // *Метаморфозы истории.* 2021. № 20. С. 81–109.
- Вашик 2005 – *Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // *Образ врага.* Сост. Л. Гудков, ред. Н. Кондратова. Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. С. 191–229.
- Голубев 2009 – *Голубев А.В.* Политическая карикатура 20–30-х гг. как часть советской повседневности // *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 349–366.
- Горлов 2009 – *Горлов А.С.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: Дис ... канд. ист. наук. М., 2009. 270 с.
- Плеханов 2023 – *Плеханов А.А.* Журнал «Крокодил» 1940-х годов как пространство развития советского комикс-стрипа // *Шаги (Steps).* 2023. Т. 9. № 3. С. 192–217.
- Сенявская 1995 – *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ, 1995. 220 с.
- Frank 1967 – *Frank J.D.* The image of enemy. N.Y.: Random House, 1967. 330 p.
- Meyer 1996 – *Meyer C.H.* Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849–1990. Bern: Peter Lang, 1996. 142 p.
- Horowitz 1985 – *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkley: University of California Press, 1985. 720 p.

- Keen 1986 – Keen S. *Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1986. 195 p.
- Rieber and Kelly 1991 – Rieber R.W. and Kelly R.J. *Substance and shadow: Images of the enemy // The psychology of war and peace: The image of the enemy*. New York: Plenum Press, 1991. pp. 3–39.

REFERENCES

- Barbasova, V.V. (2021), “The Soviet Home Front in the Cartoons of the ‘Krokodil’ Magazine, 1941–1945”, *Metamorfozy istorii*, no. 20, pp. 81–109.
- Gorlov, A.S. (2009), *Sovetskaya propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: institutsional'nye i organizatsionnye aspekty* [Soviet propaganda during the Great Patriotic War: institutional and organizational aspects], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Frank, J.D. (1967), *The image of enemy*, Random House, New York, USA.
- Golubev, A.V. (2009), “Political caricature of the 1920s-1930s as part of Soviet everyday life”, in *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.* [The everyday world of the Soviet man of the 1920s and 1940s], Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, Rostov-on-Don, Russia. pp. 349–366.
- Horowitz, D.L. (1985), *Ethnic groups in conflict*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Keen, S. (1986), *Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination*, Harper & Row, San Francisco, USA.
- Meyer, H.C. (1996), *Drang nach Osten: fortunes of a slogan-concept in German-Slavic relations, 1849–1990*, Peter Lang, Bern, Switzerland.
- Plekhanov, A.A. (2023), “The ‘Krokodil’ Magazine of the 1940s as a Space for the Development of Soviet Comic Strips”, *Steps*, no. 9, pp. 192–217.
- Rieber, R.W. and Kelly, R.J. (1991), “Substance and shadow: images of the enemy”, in *The psychology of war and peace: the image of the enemy*, Plenum Press, New York, USA, pp. 3–39.
- Senyavskaya, E.S. (1995), *1941-1945. The wartime generation: a historical-psychological study* [1941–1945. Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie], OGI, Moscow, Russia.

Vashik, K. (2005), “Metamorphoses of evil: German-Russian images of the enemy in poster propaganda of the 1930s–50s”, in Gudkov, L. and Kondratova, N (ed.), *Obraz vraga*, OGI, Moscow, Russia, pp. 191–229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван В. Прохоренко, студент бакалавриата, ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского», Омск, Россия; 644077, Россия, Омск, проспект Мира, д. 55-А; ivan.prokhorenko_046@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Prokhorenko, student, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia; Prospekt Mira, 55-A, 644077; ivan.prokhorenko_046@mail.ru

Музыка под пристальным взглядом прессы: джаз в советской периодической печати (1956–1964 гг.)

Иван М. Шихалеев

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, v.shikhaleev01@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена восприятию джаза в советской прессе (1956–1964 гг.) и его связи с идеологией Холодной войны. Автор выявляет двойственность критики: резкое осуждение «американизированного» джаза как символа западного влияния и терпимость к «национальному» джазу, интегрирующему народные мотивы. Ключевым событием стал VI Всемирный фестиваль молодежи (1957), который способствовал популяризации жанра среди советской молодежи и вынудил власти пересмотреть подход — от отрицания к использованию джаза в пропагандистских целях через радио и кино. Особое внимание уделено трансформации официальной позиции: джаз стал инструментом культурной дипломатии, что проявилось в гастролях оркестра Бенни Гудмена (1962), которые не только смягчили идеологическое противостояние СССР и США, но и вдохновили советских музыкантов. Исследование демонстрирует, как советская система адаптировала западный культурный феномен, сохраняя контроль через разделение на «допустимые» и «враждебные» формы. Анализ, основанный на материалах центральных изданий («Советская культура», «Известия»), раскрывает эволюцию дискурса от критики до частичного признания. Работа вносит вклад в понимание механизмов взаимодействия идеологии и массовой культуры в условиях «оттепели», подчеркивая роль компромиссов в культурной политике.

Ключевые слова: Джаз, Советская периодическая печать, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, оттепель, Советская музыкальная культура

Для цитирования: Шихалеев И.М. Музыка под пристальным взглядом прессы: джаз в советской периодической печати (1956–1964 гг.) // Молодой историк. 2025. № 1. С. 91-100.

Music under the press scrutiny:
jazz in Soviet periodicals (1956–1964)

Ivan M. Shikhaleev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
v.shikhaleev01@gmail.com*

Abstract. The article presents the perception of jazz in the Soviet press (1956–1964) and its links with Cold War ideology revealing a dual approach to criticism: sharp condemnation of “Americanized” jazz as a symbol of Western influence and tolerance towards “national” jazz that incorporates folk motives. A pivotal event was the 6th World Festival of Youth and Students (1957), which spurred the popularity of jazz among Soviet youth and forced authorities to shift their stance — from rejecting jazz to exploiting it for propaganda through radio and cinema.

The paper highlights the transformation of official policy: jazz became the tool of cultural diplomacy, exemplified by Benny Goodman’s 1962 tour, which not only eased ideological tension between the USSR and the USA but also inspired Soviet musicians. The study identifies how the Soviet system adapted a Western cultural phenomenon while maintaining control by categorizing it into “acceptable” and “hostile” forms. Based on materials from central publications (*Sovetskaya Kultura* and *Izvestia*), the analysis traces the discourse evolution from criticism to partial acceptance. The paper contributes to understanding the mechanisms of interaction between ideology and mass culture during the “Khrushchev’s thaw”, emphasizing the role of compromises in cultural policy.

Keywords: Jazz, Soviet periodicals, 6th World Festival of Youth and Students, Khrushchev’s Thaw, Soviet musical culture

For citation: Shikhaleev, I.M. (2025), “Music under the press scrutiny: jazz in Soviet periodicals (1956–1964)”, *Young Historian*, no. 1, pp. 91-100.

Эпоха оттепели сделала джаз зеркалом идеологических противоречий СССР: стремление к культурному диалогу с Западом, подкреплённое событиями вроде Московского фестиваля молодёжи, конфликтовало с традиционным страхом перед «разлагающим» влиянием буржуазной эстетики. Советская пресса, от массовой до узкоспециализированных изданий, пыталась нейтрализовать эту угрозу, создавая образ «советского джаза» — жанра, якобы лишённого западной вульгарности и обогащённого народными мелодиями. Однако на практике риторика оставалась двойственной: даже признавая виртуозность оркестров О. Лундстрема или Э. Рознера, авторы статей осуждали «слепое копирование» капиталистических образцов. Эта борьба на страницах газет и журналов отражала внутреннее напряжение эпохи — попытку совместить международную открытость с сохранением культурной изоляции, превратив музыку в инструмент идеологического воспитания и одновременно в поле сопротивления для молодого поколения, искавшего новые формы самовыражения.

Исследования последних лет демонстрируют растущий интерес к роли джаза в культурной и политической трансформации СССР периода хрущёвской оттепели. Работы охватывают широкий спектр аспектов: от идеологического контроля до международного влияния, формируя многогранную картину взаимодействия музыки, власти и общества. Монография П. Шмельца [Schmelz 2023] задаёт общий контекст анализом джаза в связке с кино. Автор подчёркивает, что государство, стремясь к модернизации, допускало джаз как символ «прогрессивности», но в строгих рамках. Однако из-за широкого охвата темы глубина анализа медийной репрезентации (например, роли конкретных газетных статей) остаётся ограниченной. М. М. Гершзон [Гершзон 2018] отмечает, что демократизация сферы развития искусства, выразившаяся в создании самодельных оркестров, музыкальных и художественных школ для взрослых, решала сразу две проблемы — повышение культурного уровня населения и уменьшения государственных расходов. Процесс демократизации, однако, не был линейным: как отмечает Ф. К. Ярмолич [Ярмолич 2024], власть балансировала между контролем и попустительством, допуская

концерты оркестров Лундстрема или Рознера, но пресекая «неформальные» практики. А. М. Юдина [Юдина 2014] в своей статье вводит внешний фактор — «джазовую дипломатию» США, которая через гастролы Армстронга или передачи «Голоса Америки» продвигала образ свободы. СССР отвечал двойственно: критиковал «буржуазный джаз», но использовал фестивали для демонстрации открытости. Современная историография раскрывает джаз как поле борьбы и диалога между идеологией, культурой и обществом. Однако для полной картины требуются исследования, сочетающие анализ центральных и региональных практик, а также прослеживающих эволюцию джаза как инструмента пропаганды.

В период оттепели в советской периодической печати активной критике подвергалась культурная экспансия стран Запада на культуры других. В прессе указывалось на прямую вину Государственного департамента США в распространении формализма¹ и лишении аудитории тех, кто выступает против капиталистического уклада США. На съезде Союза композиторов отмечалось, что с «помощью» британского правительства музыкальная культура африканского народа в Кении полностью уничтожена, вместо нее насаждается музыкальная культура, отвечающая вкусам британцев — «вульгарная, глупая музыка, заимствованная главным образом в Соединенных Штатах»². Важным замечанием во время прений композиторов был пункт об узкой аудитории западноевропейской и американской музыки, которая тяготеет к декадансу³.

Подразумевая западную музыку, тяготеющую к декадансу советские критики, как правило выделяли джаз. Относительно молодой жанр, который зародился в 1920-х годах среди афроамериканской культуры не был сразу принят консервативной частью граждан США, в связи с этим темнокожее население в СССР воспринималось, как революционно-настроенная часть общества. Однако по мере интеграции джаза в американскую культуру

¹ Кремецкий Я. Какой пример они показывают миру... // Советская культура. 1957. № 83. С. 2.

² На съезде Союза Композиторов // Советская культура. 1957. № 47. С. 3.

³ Там же.

изменялось и отношение к этому стилю в советском государстве, и к середине 1950-х американский джаз уже не воспринимался как музыка угнетаемого народа, а все чаще стал порицаться. Так, в статье «В театрах и кино США» отмечалось, что дельцы от музыки взялись эксплуатировать народные мотивы джаза, превратив их в какофонию. Настоящий джаз зародился в антифашистской атмосфере тридцатых годов, в то время как «холодная война» и гонения на Маккартистов отравили его мелодии⁴.

Проникновение американского джаза в советскую музыку связано с активной внешней политикой. Стоит сказать, появляется джаз в СССР еще в 1920-х, однако важной точкой в его широком распространении стал VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, на котором, чтобы конкурировать с модными западными течениями советские композиторы вынуждены были создавать простую музыку, которая нравилась большинству слушателей. Определенные трудности доставляло и то, что большая часть советского общества во время фестиваля познакомилась с творчеством зарубежных народов, поэтому серьезность конкуренции с «современной белибердой, идущей от исторического американского джаза»⁵ осознавалась советской прессой. Кроме того, выступления западных джазовых коллективов, которые власти пытались засекретить, лишь подогревали интерес к этой музыке [Горлов 2021, с. 92].

Тем не менее, в советской прессе наблюдается дифференциация критики джаза. Ключевым моментом было место его происхождения. Важным критерием в оценке джаза были национальные мотивы, те выступления, где национальные мотивы отсутствовали характеризовались как музыка, находившаяся под влиянием американского джаза. «Джаз проделал сложную эволюцию... Есть джаз и джаз. Есть гипермодернистические выверты американизированной музыкальной индустрии и есть изящная легкая музыка, прочно связанная с народными истоками и лучшими традициями развлекательной музыки»⁶. Американский

⁴ Изаков Б. В театрах и кино США // Советская культура. 1956. № 30. С. 1.

⁵ Малашев Ю. Песни – крылья фильма // Советская культура. 1957. № 58. С. 3.

⁶ Городинский В. Падчерица полигимнии // Советская культура. 1957. № 13. С. 3.

джаз противопоставлялся советской музыке, так, например, египетская музыка достигла «развилки дорог», она стоит перед выбором: путь американского джаза или путь русской классической и советской музыки⁷. Однако, противопоставление легкой эстрадной музыки и классической является не совсем корректным, это понимали и авторы статей в Советской культуре: Прежде всего в корне неверен принцип противопоставления оперно-симфонических жанров и эстрадных, бытовых. Опыт мировой музыкальной культуры – блестящее доказательство тому⁸.

«Национальный» джаз принимался в СССР гораздо более мягко. Так, на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов легкую музыку исполняли джазовые оркестры из Ливана, Австралии, Финляндии, Франции, Италии⁹. Репертуар, который строился на национальной основе воспринимался советской публикой намного лучше, нежели, тот, который «ради “оригинальности”, готов пойти на любые художественные уродства... Так, например, английский джаз, использовавший в качестве музыкальных инструментов предметы домашнего быта, оказался далек не только от требований высокого вкуса, но и от искусства вообще»¹⁰.

Создание джазовых коллективов было связано не только с подготовкой к VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов, но и с плохой работой Всероссийского гастрольно-концертного объединения, Госконцерта и республиканских концертных организаций. Особенно американизированный джаз был популярен в Грузинской ССР и Азербайджанской ССР. Вследствие с распространением новой американизированной музыки, терялась художественная ценность местной: грузинской и азербайджанской музыки. ВГКО обвинялся в отсутствии контроля за текущим репертуаром, привлечения художественного совета к обсуждению новых эстрадных программ и номеров, в результате чего даже хорошие в своем первоначальном образе номера обрастают

⁷ Эль-Шауан А. Музыка Египта // Советская культура. 1956. № 127. С. 3.

⁸ Слушатели о легкой музыке. Обзор писем читателей // Советская культура. 1957. № 80. С. 2.

⁹ Они голосуют за дружбу // Советская культура. 1957. № 98. С. 1.

¹⁰ Еще раз о джазе // Советская культура. 1957. № 129. С. 4.

«отсебятиной» дурного вкуса¹¹. Халатно подходило к своей работе и Министерство культуры. Иностранные коллективы, гастролировавшие по СССР, получили разрешение от Министерства культуры, которое не провело предварительного ознакомления с программой, перепоручив это административным работникам, не связанным с этим органом [Ярмолич 2024, с. 222].

Постепенно происходят значительные изменения официальной советской позиции по отношению к джазу, превратившегося из объекта идеологической критики в потенциальный инструмент пропаганды. Это изменение было вызвано в первую очередь популярностью джаза среди советской молодежи, что привело к убеждению в том, что идеологически адаптированная версия этого жанра может быть использована для продвижения желаемых ценностей среди этой группы населения¹².

Эта стратегическая цель потребовала всесторонней оценки джаза в советском контексте. В рамках государственной инициативы не удалось создать единую картину, описывающую приемлемую траекторию развития джазовой музыки в СССР, гарантирующую ее соответствие основным принципам советского музыкального творчества: национальности и реализма. Достижение поставленной цели потребовало скоординированных усилий, объединения композиторов, исполнителей и музыковедов под руководством таких авторитетных органов, как Министерство культуры и Союз композиторов¹³.

Существовали в прессе и апологеты джаза. Так, в своей статье «Когда играет джаз», А. Цфасман предложил переименовать все эстрадные ансамбли в джазовые ансамбли, так как народная музыка органично сливается с джазом. Автор предложил покончить с дилетантизмом, создавая учебные программы для музыкантов и композиторов, играющих и пишущих джаз. Однако, А. Цфасман не забывает о тех композиторах, которые используют исключительно перенятые мотивы Запада. Он считает, что такие

¹¹ Неприми́римо бороться с халтурой на эстраде // Советская культура. 1957. № 156. С. 2.

¹² Ходорковский Т. Пути и закоулки джаза // Советская культура. 1961. № 54. С. 3.

¹³ Там же.

композиторы безусловно виноваты, но стоит разделять ответственность между композитором, радио и телевидением, музыкальными издательствами, звукозаписывающими домами¹⁴.

В восприятии джаза начали происходить изменения, бросающие вызов устоявшейся критической позиции. Сторонники идеи подчеркивали тот факт, что джазовая музыка с энтузиазмом воспринималась и исполнялась музыкантами, в репертуар которых традиционно входили классические композиторы, такие как Бах, Гайдн и Бетховен. Это свидетельствовало об уровне художественных достоинств и совместимости с устоявшимися музыкальными традициями. Тем не менее, все еще предпринимались попытки провести различие между тем, что считалось «настоящим» джазом, и более экспериментальными, авангардными стилями (называемыми «серийной» музыкой или «крикливой» музыкой), распространенными на Западе. Это различие служило легитимизации одних форм джаза и осуждению других¹⁵.

Несмотря на продолжающиеся споры, все больше людей признавали, что у джаза богатая, хотя и развивающаяся история. Даже при признании его истоков, будущая траектория развития джаза рассматривалась как открытая и готовая к исследованию. Широкая популярность джаза, особенно известных ансамблей под руководством таких советских музыкантов, как Леонид Утесов, Эдди Рознер и Олег Лундстрем, сделала подавление этого жанра практически невозможным¹⁶. Кроме того, в 1960-е гг. джаз начинает повсеместно проникать в киномузыку, эстрадную песенность, перестав таким образом вызывать у слушателя ассоциации с культурным влиянием запада [Шак 2015, с. 178].

Значительную роль в распространении джаза в СССР сыграл приезд оркестра Бенни Гудмена. Приезд джазовых музыкантов в СССР означал значительную разрядку в отношениях с США. Коллектив стал посланником не только негритянской, но и американской культуры в целом, а администрация президента

¹⁴ Цфасман А. Когда играет джаз // Известия. 1961. № 200. С. 6.

¹⁵ Пегушин А. Серьезно о «несерьезной» музыке // Советская культура. 1964. № 76. С. 4.

¹⁶ Там же.

смогла сместить фокус с претензий в расовой дискриминации со стороны СССР [Юдина 2014, с. 98].

Несмотря на широкое распространение джаза в СССР и его частичную легитимацию в прессе к середине 1960-х годов, он оставался удобным идеологическим инструментом для критики Запада. Советская власть, допуская «национальные» формы джаза, интегрированные в народные традиции, продолжала осуждать «американизированные» версии как символ культурной деградации и буржуазного влияния. Даже популярность жанра, усиленная фестивалем 1957 г. и гастроями Бенни Гудмена, не отменяла его использования в пропаганде: джаз служил примером «разлагающегося» западного искусства, противопоставляемого «здоровой» советской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Гершзон 2018 – *Гершзон М.М.* Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х–начале 1960-х гг. М.: Модест Колеров, 2018. 392 с.
- Горлов 2021 – *Горлов В.Н.* Фестиваль молодежи в 1957 г. изменил СССР: первый прорыв «железного занавеса» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 87–97.
- Ярмолич 2024 – *Ярмолич Ф.К.* Джаз, власть и горожанин в Советском Союзе 1950–1960-х гг. // История повседневности. 2024. № 2. С. 218–229.
- Шак 2015 – *Шак Ф.М.* Советский джаз как феномен массовой культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 3. С. 170–178.
- Юдина 2014 – *Юдина А.М.* «Джазовая дипломатия» США в 1950–1960-е гг.: из опыта использования американской «мягкой силы» в эпоху Холодной войны // Вестник РГТУ. Серия: Международные отношения и зарубежное религиоведение. 2014. № 18. С. 95–105.

Schmelz 2023 – *Schmelz P.J. Soviet Music in the Thaw: Jazz, Film, and the Avant-Garde, 1956–1964*. Oxford: Oxford University Press, 2023. 320 p.

REFERENCES

- Gershzon, M.M. (2018), *Zakat Stalina i Ottepel: upravlenie kulturoi v SSSR v 1950-kh–nachale 1960-kh gg.* [The Decline of Stalin and the Thaw: Cultural Management in the USSR in the 1950s – Early 1960s], Modest Kolerov, Moscow, Russia.
- Gorlov, V.N. (2021), “The 1957 Moscow Youth Festival has changed the Soviet Union: The first breakthrough of the Iron Curtain”, *Bulletin of Moscow Region State University. “History and Political Sciences” Series*, no. 1, pp. 87–97.
- Schmelz, P.J. (2023), *Soviet Music in the Thaw: Jazz, Film, and the Avant-Garde, 1956–1964*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Shak, F.M. (2015), “Soviet Jazz as a Phenomenon of Mass Culture”, *Bulletin of the Adyghe State University. “Philology and Art History” Series* 2, no. 3, pp. 170–178.
- Yarmolich, F.K. (2024), “Jazz, Power and the Citizen in the Soviet Union in the 1950s – 1960s”, *History of Everyday Life*, no. 2, pp. 218–229.
- Yudina, A.M. (2014), “‘Jazz Diplomacy’ of the USA in the 1950s–1960s: From the Experience of Using American ‘Soft Power’ During the Cold War”, *RSUH/RGGU Bulletin: “International Relations and Foreign Religious Studies” Series*, no. 18, pp. 95–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван М. Шихалеев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; v.shikhaleev01@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan M. Shikhaleev, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; v.shikhaleev01@gmail.com

УДК 930.2

Духовно-нравственные проблемы советского общества
в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского 1920–1940 гг.

Марина В. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, M.novikova@yandex.ru*

Аннотация. Пребывание Александра Фёдоровича Керенского за рубежом ознаменовалось активным участием эмигранта в общественно-политической жизни: публикации в газетах и журналах, выступления с докладами в странах Европы и в США, работа над собственными сочинениями. Эвристический потенциал изучения его интеллектуального наследия 1920–1940 гг. обусловлен возможностью переосмысления вклада бывшего министра-председателя Временного правительства в историческую и политическую мысль русского зарубежья. В соответствии с общеэмигрантским интеллектуальным ландшафтом в статье выделяется несколько моделей конструирования Керенским образа советской власти и населения, составляющих его идеологическую матрицу. Так, например, рассмотрению подлежит представление А.Ф. Керенского о духовно-нравственных проблемах общества, что выразилось прежде всего в критике системы образования и политики террора, а также в перенесении на его характеристики элементов христианской догматики и литературных образов из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» 1869–1870 гг. Иной главенствующей моделью репрезентации Керенским указанных проблем определяется его взгляд на пассивность населения по отношению к власти – идейная составляющая концепции неонародничества.

Таким образом, наряду с выявлением обозначенных выше моделей автором статьи определяется их последующая трансформация за указанный период.

Ключевые слова: интеллектуальная история, А.Ф. Керенский, советское общество, русское зарубежье

Для цитирования: Новикова М.В. Духовно-нравственные проблемы советского общества в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского 1920–1940 гг. // Молодой историк. 2025. № 1. С. 101-115.

Spiritual and moral problems of the Soviet society
in the intellectual heritage of A.F. Kerensky 1920–1940

Marina V. Novikova
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, M.novikova@yandex.ru*

Abstract. Alexander Fyodorovich Kerensky's stay abroad was marked by his active participation in social and political life: publishing articles in newspapers and magazines, delivering speeches in European countries and the USA, writing and editing manuscripts. The heuristic potential of studying his intellectual heritage of the 1920–1940s is determined by the possibility of reinterpreting Kerensky's contribution to the historical and political thought of the Russian diaspora. In accordance with the general émigré intellectual landscape, the article highlights several models which constitute Kerensky's ideological matrix within which he constructed the image of the Soviet power and the population.

For example, the paper investigates Kerensky's idea of the spiritual and moral problems of society, which was primarily expressed in the critical approach to the education system and the policy of terror, as well as in the transfer of certain elements of Christian dogma and literary images from "The History of a Town" by M.E. Saltykov-Shchedrin (1869–1870) to his characteristics. Another dominant model of Kerensky's representation of the above problems is his attitude to the inaction of the population towards the authorities which constitutes an

ideological component of neo-populism. Thus, along with identifying the above models, the paper identifies their subsequent transformation over the specified period.

Keywords: intellectual history, A.F. Kerensky, Soviet society, Russian diaspora

For citation: Novikova, M.V. (2025), “Spiritual and moral problems of Soviet society in the intellectual heritage of A.F. Kerensky 1920–1940”, *Young Historian*, no. 1, pp. 101-115.

Переломным периодом в биографии Александра Фёдоровича Керенского принято считать 1917 год, на который пришёлся одновременный пик и закат его политической деятельности в России. Став самым молодым в истории России премьер-министром, он завершил блестящую карьеру весьма трагично [Тютюкин 2012, с. 6]. Кроме того, по словам Б.И. Колоницкого, который занимался изучением феномена его лидерства и формирования культа вождя народа, Керенскому, пережившему стремительное падение своего авторитета и свержение большевиками установленного режима в течение одного года, «не повезло» также ни с историографией, ни с автобиографиями [Колоницкий 2017, с. 15–16]. И действительно, биографическое измерение его жизни, включая период 50-летнего пребывания в эмиграции, часто носит шаржированный, идеологически предвзятый характер.

В июне 1918 г., будучи вынужденным навсегда покинуть пределы России, Керенский прибыл в Англию для переговоров с британским Премьер-министром Ллойд Джорджем по поводу организации сопротивления партии большевиков, но, не найдя ожидаемой поддержки, спустя два года уехал во Францию [Тютюкин 2012, с. 282]. В Париже бывший министр-председатель Временного правительства, несмотря на несбывшиеся надежды, продолжил активное участие в общественно-политической жизни: публиковался в газетах и журналах, выступал с докладами в странах Европы и в США, работал над собственными сочинениями. Помимо всего прочего, он являлся одним из инициаторов создания Внепартийного объединения 1920 г. и созыва совещания бывших

членов Учредительного собрания 1921 г., организованных с целью сплочения демократических сил в борьбе с новой советской властью.

В контексте данного вопроса нужно понимать, что на тот момент Керенский отказывался причислять себя к эмигрантам, воспринимая свою роль в жизни русского зарубежья с позиции возглавления освободительных сил [Abraham 1987, p. 173]. Деятельность политика сосредотачивалась на агитационно-пропагандистских и информационно-издательских задачах, отчасти согласованных с политической программой партии социалистов-революционеров, что также необходимо учитывать для понимания специфики нарратива его работ и речей.

Таким образом, эвристический потенциал изучения интеллектуального наследия, оставленного А.Ф. Керенским за период французской эмиграции 1920–1940 гг., обусловлен возможностью переосмыслить его вклад как в отечественную историческую мысль, так и в историческую мысль русского зарубежья.

Основные сюжеты, к которым обращался А.Ф. Керенский, в большей степени посвящены анализу политических и социально-экономических реалий Советского государства, однако не менее важными в данном случае представляются его размышления о духовно-нравственном состоянии самого общества. Обращаясь к характерному для российского политика принципу осмысления и интерпретации советской действительности, необходимо отметить следующее: общество, под которым понималась и власть, и население, представлялось ему «монархическим» и «капиталистическим», каким оно и было ещё в дореволюционной России. Указанные дефиниции позволяли российскому политику, нацеленному на дискредитацию образа Советского государства, подчеркнуть, что, несмотря на радикальные изменения, произошедшие в стране после революции, многие элементы старого порядка продолжали существовать в исходной форме. Идентичный подход прослеживается также в понимании Керенским духовно-нравственных проблем, однако в качестве элемента сравнения политик избирал, соответственно, не советский «монархизм» и «капитализм», а «христианство».

Остановимся на элементах, составляющих идеологическую матрицу А.Ф. Керенского в отношении данного вопроса.

Ещё в 1920-е гг. на страницах собственного сборника статей «Издалёка» российский политик использовал такие дефиниции, как «пролетарское евангелие» и «апостолы-бюрократы»¹ – так он называл советских чиновников, по отношению к которым рабочий класс продолжал находиться в закрепощённом состоянии. В другой статье, помещённой в тот же сборник, такая характеристика советского общества была дополнена: В.И. Ленину вменялось определение «пророка», политика против контрреволюционеров обозначалась термином «анафема», а знаменитый «21 пункт», утверждённые на съезде II Коммунистического Интернационала партии большевиков, – «заповедями»². Примечательно, что Ф.А. Степун, русско-немецкий философ-эмигрант, рассуждавший в частности о религиозном социализме, отмечал примерно то же: лозунги Ленина-порока предстают в его воспоминаниях, как «библейские заповеди» [Степун 2023, с. 530]. Советский Союз же получил в статьях Керенского ироническое название «Царствия Божьего на земле»³, где лишь небольшой процент населения мог быть причислен к «настоящим фанатикам», готовым «сгореть на кострах, но от “писания” не отказаться»⁴.

На первый взгляд может показаться, что обозначенные характеристики, обнаруженные в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского и других эмигрантов, обусловлены тривиальной психологической потребностью придать внешнему раздражителю сатирический образ и тем самым дискредитировать его. Но в то же время следует понимать: для борцов с религией вместо проведения аналогий с христианством, что может быть расценено как богохульство, наиболее логичным представляется использование дефиниции в роде «антихристы», которая, к слову, действительно

¹ Керенский А.Ф. Советская действительность // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 54.

² Керенский А.Ф. За кулисами III Интернационала // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 60.

³ Керенский А.Ф. На переломе // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 41; Он же. Советская действительность. С. 53.

⁴ Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь // Современные записки. 1922. Кн. IX. С. 292.

имела место в творчестве эмигрантов, в особенности среди тех, кто занимался осмыслением путей развития России и проблем соотношения христианства и социализма.

Ф.А. Степун, например, ещё в 1918 г., отмечая падение нравственности России после Октябрьской революции, определил русский марксизм как «захватившую народную душу лжеверу», а сам большевизм назвал «сатанократией» [Гаврилов 2017, с. 359]. То же утверждал и Г.П. Федотов, известный религиозный мыслитель русского зарубежья, который наряду с Ф.А. Степуном печатался в периодических изданиях партии социалистов-революционеров, оказавшихся в эмиграции. В его сочинениях указанная дефиниция «советская сатанократия» трансформировалась в «сталинократию» [Федотов 1994, с. 10, 122]. В таком случае возникает вопрос о релевантности и истоках применения христианских эпитетов по отношению к советскому обществу, служивших не просто инструментом критики советской действительности, но и способом философского осмысления её глубинных проблем.

Представления А.Ф. Керенского, равно как и других деятелей русской эмиграции, о проблемах духовно-нравственного развития советского общества не были новы. В основе указанной интерпретации отношений власти и населения вероятнее всего имплицитно располагалась теологическая модель миропонимания, развивавшаяся ещё с начала XX в.: философия богостроительства. Её теоретики, в число которых входил и А.В. Луначарский⁵, будущий народный комиссар просвещения, разрабатывали концепцию новой религии – идеологического и нравственного ориентира для общества будущего. В основу данного учения, как известно, был положен принцип обожествления пролетариата – «Нового Израиля», «мессии», призванного «очистить от первородного греха... эксплуатации человека», если обращаться к определению Н.А. Бердяева [Меликов, Храпов 2017, с. 25]. Реализация всего замысла виделась большевиками в построении руками пролетариев «Царствия Божьего на земле», что, согласно тому же Н.А. Бердяеву, составляло один из принципов иудейского

⁵ Луначарский А.В. Религия и социализм. Общие замечания. Важнейшие дохристианские религии в их отношении к научному социализму. Ч. 1. СПб., 1908. 230 с.

хилиазма [Меликов, Храпов 2017, с. 24]. И хотя концепция богостроительства, выделившаяся из религиозного социализма, не была воспринята лидерами партии большевиков – В.И. Ленин ответил на неё критикой [Ленин 1968, с. 366] – в итоге произошла ремифологизация религиозных образов православной дореволюционной России. Недаром И.И. Бунаков-Фондаминский, рассуждая о роли революции 1917 г. в общемировом контексте, отмечал характерную для многих государств того времени «Вольтеровскую веру» в общее благо [Бунаков-Фондаминский 2020, с. 563].

Однако, помимо философских изысканий российских мыслителей, не следует забывать и о более насущной причине использования религиозных дефиниций: выделяется очерковая традиция 1860-х гг., для которой характерны иронические отсылки к религиозным сюжетам, что можно обнаружить и в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» [Головина 1997, с. 6]. Следовательно, наделение советского общества религиозными элементами нельзя воспринимать чем-то в роде казуса.

Обращение А.Ф. Керенского к элементам философской концепции богостроительства раннего советского периода было продолжено и в период руководства страной И.В. Сталина, однако всё большее значение в интеллектуальном наследии эмигранта приобретали вопросы репрессивной политики против духовенства. Основной работой, которую он посвятил проблемам взаимоотношения советской власти и населения в духовной сфере, можно назвать статью «Большевизм и религия» 1930 г., которая планировалась к публикации в газете «Дни». Прослеживая эволюцию террора за 12 лет существования советской власти, А.Ф. Керенский увидел своеобразие последней в слиянии государства с партией – «идеологической сектой», чьим догматом стало «безбожие»⁶. И если поводом к осуществлению «сектой» репрессивной политики, по мнению эмигранта, становились спровоцированные народные волнения⁷, то глубинные причины

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 45. Л. 2,3.

⁷ Там же. Л. 9.

состояли в том, что, в отличие от И.В. Сталина, духовенство обладало большим авторитетом среди населения⁸.

В то же время политика террора в отношении населения и духовенства со стороны коммунистической партии была отдельно рассмотрена А.Ф. Керенским и представлялась им в форме трёх фаз⁹. Первая – эпоха Гражданской войны 1918–1921 гг. – ознаменовалась, согласно приведённой российским политиком статистике ВЦИК, казнями 20 епископов и 1414 священников, однако бежавший епископ Капшинский Николай по данным ЧК определил количество жертв расстрела и пыток среди белого духовенства в 2691 человек, монахов – 1962, монахинь – 3447, что в общей сумме составило 8100 убитых.

В ходе рассуждений Керенский заключил, что на данном этапе террор носил не личный характер – ему подвергался сразу определённый социальный класс, что, по его мнению, соотносилось с римской децимацией. Вторая фаза началась с завершением Гражданской войны, когда эпоха новой экономической политики, отчасти освободившая хозяйственные силы крестьянства, «забила крышку гроба русской мысли», особенно религиозной. И несмотря на снижение количества расстрелов, гонения на религию сохранились. Третья фаза была соотнесена российским политиком с приходом на пост генерального секретаря ЦК КПСС И.В. Сталина и введением пятилетнего плана развития страны, который эмигрант позже назовёт «сталинской Голгофой» – экономическая политика в его осмыслении получала параллель с религиозной: именно так шло восприятие планового закрытия храмов, совершавшегося лишь по номинальному требованию местного населения. Такое представление о народе как о пассивной составляющей общества оформилось ещё в период возникновения дискуссий между славянофилами и западниками и являлось довольно характерным среди российских интеллектуалов.

Говоря о представлениях А.Ф. Керенского относительно советского общества и подавляющей его политики террора,

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 170. Л. 146; Керенский А.Ф. Пушкин // Новая Россия. 1937. № 21. С. 2–3.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 45. Л. 5–8.

необходимо иметь в виду их идеологические основания, кривившиеся в партийных установках. Как известно, взгляды социалистов-революционеров на многие аспекты государственных преобразований сложно назвать едиными: народническая модель, на которой базировалась программа партии, условно подразделялась на «демократическую», которой придерживались представители правого крыла, и условно «антидемократическую», выраженную левыми эсерами [Морозов 2017, с. 136]. Идеальный представитель последних – В.М. Чернов, анализируя форму политического режима в Советском государстве, видел в демократии монолитные правительства, которые состоят лишь из определённого класса и, в случае необходимости, могут прибегнуть к временной диктатуре [Чернов 1997, с. 585].

Сторонники «демократической группы», куда входил и А.Ф. Керенский, видели в качестве одного из наиболее целесообразных путей преобразования государственности преодоление пассивности населения, «определяющего агента русской истории», как выразился М.В. Вишняк [Морозов 2017, с. 150], и развитие его гражданской активности. Таким образом, провозглашалось право на самобытное существование народного самоуправления – ключа к построению демократического государства, где реализовывались бы важнейшие для народников и их преемников, эсеров, принципы: свобода и демократия, гуманизм, ценность личности и социальная справедливость. «Мы защищаем третье начало – народовластие – не как вечное, но как самое совершенное в его исторической обусловленности», – писал в своё время тот же Г.П. Федотов [Федотов 1994, с. 83]. Для М.В. Вишняка, в свою очередь, народ был неотделим ни от политической, ни от национальной свободы, а права большинства и меньшинства были безусловно равны¹⁰.

Данная модель развития российского общества базировалась на идеях народничества, преемниками которого считали себя социалисты-революционеры. Народничество – порождение западнического направления в лице А.И. Герцена и

¹⁰ Вишняк М.В. Проблема прав меньшинств // Современные проблемы: Сборник статей. Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкого и Ко, б/д. С. 53; Он же. Чёрный год. Париж: Из-во «Франко-русская печать», 1922. 289 с.

Н.П. Огарёва, побеждённое, как впоследствии выразился правый эсер И.И. Бунаков-Фондаминский, «социальным славянофильством» – в своих истоках содержало веру в русский народ и его социальные начала [Бунаков-Фондаминский 2020, с. 19]. Схожие взгляды исповедовал и Ф.А. Степун, который предпринимал попытки синтезировать идеи славянофильства и западничества [Гаврилов 2017, с. 370].

Иным элементом конструируемым в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского советской действительности стало представление общества как варваризированной, лишённой культурных потенций группы: «Варвары несут с собой угрозу нашим культурным ценностям. Они стремятся разрушить наши храмы и вместо них воздвигнуть свои капища»¹¹. Вслед за анализом таких духовно-нравственных проблем, существовавших на родине, как проведение антирелигиозных лекций и вскрытие мощей для опровержения христианской догмы об их нетленности¹², российский политик обращался также к сфере культуры, науки и образования: «Царство красного террора должно сделаться “республикой наук и искусств”» – с иронией писал он¹³. В действительности же Керенский видел совершенно иную картину. Так, в 1920-х гг. он констатировал, что «Россия превратилась не в современные Афины с Периклами и Сократами, а в щедринский город Глухов, где сотни Угрюм-Бурчеевых упраздняют науки и разрушают школы»¹⁴.

Данный подход к осмыслению духовно-нравственных проблем, сложившихся в советском обществе, во многом уже является своеобразной традицией – перенесение образов из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина на Советский Союз – был весьма характерен для многих представителей русского зарубежья. На восприятие ими элементов из утопического произведения повлияло личное несогласие автора не только с монархией как политической формой правления и организацией

¹¹ Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь. С. 274.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 45. Л. 5.

¹³ Керенский А.Ф. Геростраты наших дней // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 59.

¹⁴ Керенский А.Ф. Геростраты наших дней С. 60.

жизни, но и с утопическим социализмом, что как раз соответствовало мировоззренческим установкам самих эмигрантов. Кроме того, последняя глава романа предположительно была написана под общим впечатлением от «нечаевского процесса» и являлась сатирой на идеи С.Г. Нечаева о «казарменном коммунизме», к образам которого также обращались и деятели русской эмиграции [Свирский 1991]. Недаром А.Ф. Керенский писал о том, что в «социалистическом царстве труда и свободы всё содержание жизни свелось к казарме», а организация общества — к «железной дисциплине на прусский образец»¹⁵.

Однако если в 1920-е гг. российского политика, как правило, волновали проблемы духовно-нравственного развития советского общества, связанные с вопросами его варваризации, то уже в 1930-е гг. его внимание привлекли иные темы. С одной стороны, он продолжал отмечать невозможность культурного развития и появление «новых Пушкиных» ввиду «беспопальной цензуры мысли»¹⁶. Стоит отметить, что фигура А.С. Пушкина была избрана Керенским вовсе не случайно: в 1920–1930-е гг. знаменитый русский поэт и писатель превратился для эмигрантов в символ потерянной России, в консолидирующий разрозненное русское зарубежье элемент [Березовая 2001, с. 29]. Констатировался Керенским и упадок культуры дискуссий на страницах периодических изданий¹⁷, вызванный цензурой. В этой же связи упоминались случаи изъятия учебников истории и написание новых под руководством И.В. Сталина — «учителя историков»¹⁸. Схожие моменты отмечал также Г.П. Федотов, для которого генеральный секретарь стал «покровителем» советских писателей [Федотов 1994, с. 32].

С другой стороны, А.Ф. Керенский обозначил незначительный рост свобододолюбивых настроений в самом советском обществе. В частности, им отмечалось восстановление казачьих традиций, а также активизация объединений толстовцев,

¹⁵ Керенский А.Ф. Советская действительность. С. 53.

¹⁶ Керенский А.Ф. Пушкин. С. 4.

¹⁷ Керенский А.Ф. В поисках Герцена // Новая Россия. 1938. № 6. С. 3.

¹⁸ Керенский А.Ф. Бесклассовая молодёжь // Новая Россия. 1936. № 1.

выступавших за обещанное ещё при В.И. Ленине возвращение свободы слова и печати¹⁹. Так называемая «новая молодёжь», несмотря на идеологическое воздействие со стороны партии, становилась для Керенского, равно как и для других мыслителей русского зарубежья, надеждой на духовно-нравственное обновление и построение нового трудового государства²⁰. В 1937 г., в день двадцатилетия Февральской революции, он написал строки, во многом суммирующие его взгляд на духовно-нравственное развитие советского общества: «Духовную жажду творчества – тоталитарная диктатура, совершенная Несвобода, утолить не может. В этом приговор октябрю, в этом утверждение февраля»²¹.

Резюмируя вышесказанное, представляется возможным говорить сразу о нескольких проблемах духовно-нравственного развития советского общества, которые нашли отображение в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского периода французской эмиграции 1920–1940 гг. В общем и целом, к ним относится нравственный упадок, вызванный во многом радикальной политикой советской власти и пассивностью населения. Формирование соответствующего образа советского общества происходило под влиянием философии богостроительства, развивавшейся русскими социалистами в конце XIX в., историко-сатирических образов из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», а также неонароднической концепции развития России. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. фокус внимания А.Ф. Керенского сместился в иное направление: всё большее внимание российский политик начал отводить анализу зачатков духовного обновления советского общества, проявившихся в лице молодого поколения.

¹⁹ Керенский А.Ф. В поисках Герцена. С. 2.

²⁰ Керенский А.Ф. Молчащая Россия // Новая Россия. 1936. № 10. С. 3; Он же. Что же происходит вокруг Сталина? // Новая Россия. 1939. № 29. С. 2.

²¹ Керенский А.Ф. Двадцатая годовщина // Новая Россия. 1937. № 23. С. 3.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was carried out within the RSUH project “Intellectual history as a tool of historical expertise” (“Student project research teams of RSUH” competition).

ЛИТЕРАТУРА

- Березовая 2001 – *Березовая А.Г.* Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 5. С. 1–33.
- Бунаков-Фондаминский 2020 – *Бунаков-Фондаминский И.И.* Пути России / Сост., подг. текста и общая редакция О.А. Коростелева, Е.А. Андрущенко; послесл. и прим. Е.А. Андрущенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 688 с.
- Гаврилов 2017 – *Гаврилов И.Б.* Ф.А. Степун о России и русской философии // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 345–373.
- Головина 1997 – *Головина Т.Н.* «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: литературные параллели. Иваново: Изд. ИвГУ, 1997. 76 с.
- Меликов, Храпов 2017 – *Меликов И.М., Храпов С.А.* Феномен «русского религиозного социализма»: Н. Бердяев о специфике социализма и советская действительность // Философская мысль. 2017. № 7. С. 21–33.
- Морозов 2017 – *Морозов К.Н.* Эсеровские варианты народнической модели общественно-политического переустройства России // Идеи и Идеалы. № 4. Т. 1. 2017. С. 135–156.
- Свирский 1991 – *Свирский В.* Демонология: Пособие для демократического самообразования учителя. Рига: Звайгзне, 1991. 166 с.

- Степун 2023 – *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. М.: Захаров, 2023. 746 с.
- Тютюкин 2012 – *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2012. 309 с.
- Федотов 1994 – *Федотов Г.П.* О святости, интеллигенции и большевизме: Избранные статьи / Сост., автор вступ. ст. А.Ф. Замалеев, комм. О.А. Печуриной и Е.А. Шмелевой. СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 1994. 150 с.
- Чернов 1997 – *Чернов В.М.* Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.
- Abraham 1987 – *Abraham R.* Alexander Kerensky: First Love of the Revolution. NY.: Columbia University Press, 1987. 503 p.

REFERENCES

- Abraham, R. (1987), *Alexander Kerensky: First Love of the Revolution*, Columbia University Press, New York, USA.
- Berezovaya, L.G. (2001), “The Culture of Russian Emigration (1920–30s)”, *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 5, pp. 1–33.
- Bunakov-Fondaminsky, I.I. (2020), *Puti Rossii* [The Ways of Russia], Comp., subst. text and general editing by O.A. Korosteleva, E.A. Andrushchenko; afterword and note by E.A. Andrushchenko, IMLI RAS, Moscow, Russia.
- Gavrilov, I.B. (2017), “F.A. Stepun on Russia and Russian Philosophy,” *Khristianskoye Chteniye*, no. 2, pp. 345–373.
- Golovina, T.N. (1997), “*Istoria goroda*” M.E. Saltykova-Schedrina: *Literaturniye parallely* [“History of a City” by M.E. Saltykov-Shchedrin: Literary Parallels], Publ. IdSU, Ivanovo, Russia.
- Lenin, V.I. (1968), *Materialism i Empiriocrititsizm: T. 18* [Materialism y Empiriocrititzism: Vol. 18], Political Literature Publishing House, Moscow, Russia.
- Melikov, I.M. and Khrapov, S.A. (2017), “The Phenomenon of ‘Russian Religious Socialism’: N. Berdyaev on the Specifics of Socialism and Soviet Reality”, *Filosofskaya mysl'*, no. 7, pp. 21–33.

- Morozov, K.N. (2017), "Socialist-Revolutionary variants of the populist model of socio-political reorganization of Russia", *Ideas & Ideals*, vol. 1, no. 4, pp. 135–156.
- Svirsky, V. (1991), *Demonolodiya: Posobiye dlya demokraticeskogo samoobrazovaniya uchiteley* [Demonology: A manual for democratic self-education of a teacher], Zvaigzne, Riga, Latvia.
- Stepun, F.A. (2023), *Byvsheye i nesbivshyesya* [The former and the unfulfilled], Zakharov, Moscow, Russia.
- Tyutyukhin, S.V. (2012), *Alexander Kerensky. Stranitsy politicheskoy biografii (1905–1917)* [Alexander Kerensky. Pages of a political biography (1905–1917)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Fedotov, G.P. (1994), *O syyatosti, intelligentsii i bol'shevizme: Izbrannyye stat'i* [On holiness, intelligentsia and Bolshevism: Selected articles], Comp., author of introduction. article A.F. Zamaleev, comments O.A. Pechurina and E.A. Shmeleva, Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
- Chernov, V.M. (1997), *Constructivniy sotsializm* [Constructive socialism], ROSSPEN, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина В. Новикова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., 6; M.novikova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Novikova, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993; M.novikova@yandex.ru

Первая мировая война в воспоминаниях генерал-лейтенанта
Михаила Никаноровича Герасимова

Тимофей В. Картавых

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tkartavykh1238@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена образу Первой мировой войны, который формировался в советской мемуарной литературе на примере воспоминаний генерал-лейтенанта М.Н. Герасимова. Начиная со второй половины 1950-х гг. в СССР активно издавались произведения участников Великой Отечественной войны из числа высшего командного состава. Затрагивали они и события Первой мировой войны. В условиях господства одной идеологии картина событий, создаваемая автором, должна так или иначе соответствовать заданному фрейму. Распространено мнение о том, что Первая мировая война для Советского Союза была забытой, однако в действительности данный конфликт не был обделён вниманием, хотя и оставался несколько затенённым последующими событиями. События 1914–1918 гг. играли значительную роль в складывании революционной ситуации. Именно Первая мировая война выдвинула талантливых военных, из которых будет сформирован сначала младший и средний, а затем и высший командный состав РККА. В работе М.Н. Герасимова, помимо описания боевых действий и рутинной жизни военнослужащего, поднимаются важные для идеологической оценки событий 1914–1918 гг. вопросы. Ключевым фактором, рассматриваемым в статье, являются оценки, которые автор даёт описываемым событиям.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, СССР, Красная армия, воспоминания, М.Н. Герасимов

Для цитирования: Картавых Т.В. Первая мировая война в воспоминаниях генерал-лейтенанта Михаила Никаноровича Герасимова // Молодой историк. 2025. № 1. С. 116-128.

The representation of the First World War in the memoirs
of Lieutenant General Mikhail Nikanorovich Gerasimov

Timofey V. Kartavykh

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, tkartavykh1238@mail.ru*

Abstract. The article presents the image of the First World War as it was presented in Soviet memoir literature using the example of Lieutenant General M.N. Gerasimov's memoirs. Since the mid-1950s, books by the Great Patriotic War participants (including those from the highest command) were actively published in the Soviet Union. They also dealt with the events of the First World War. With the domination of a single ideology, the way the article depicted the events must conform to a predetermined framework. It is commonly believed that the First World War was forgotten in the Soviet Union, but in reality, it was not neglected. Although it was overshadowed by later events, the war played a significant role in shaping the revolutionary situation and contributed to the formation of the Red Army's command. Besides describing military actions and routine life of a soldier, Gerasimov raises important issues concerning the ideological assessment of events during 1914–1918. One of the key factors considered in the article are the assessments the author gives to the events described.

Keywords: The First World War, Russian Empire, USSR, Red Army, memoirs, M.N. Gerasimov

For citation: Kartavykh, T.V. (2025), “The representation of the First World War in the memoirs of Lieutenant General Mikhail Nikanorovich Gerasimov”, *Young Historian*, no. 1, pp. 116-128.

Первая мировая война в отечественной истории долгое время была обделена вниманием. События этой войны оставались в тени сначала Гражданской войны, а затем и Великой Отечественной. Тем не менее Первая мировая война не была полностью забыта. Интерес к ее изучению вырос после событий середины 1980-х – начала 1990-х гг. И хотя события 1914–1918-х гг. активно изучались в советской историографии, отказ от монометодологизма привёл к тому, что уже российские историки начали исследовать новые проблемы и сюжеты.

Одной из таких проблем стало отражение Первой мировой войны в трудах советских историков. В.И. Миллер отмечал, что история Первой мировой была жива только в 1920-е гг. Уже в 1930-е гг. интерес общественности стал смещаться в сторону нового назревающего конфликта. В дальнейшем внимание историков было сосредоточено на смежных сюжетах, таких как история мирового социалистического движения, история революций и т.д. [Миллер 1998, с. 59.] По мнению Б.Д. Козенко, советские историки прошли долгий путь в изучении Первой мировой войны. Период 1930-х гг. был отмечен «культом личности» и тенденциозностью исследовательских работ. Боевые действия на восточном фронте сводились к сплошной череде поражений. После Великой Отечественной войны акценты в историографии сместились в сторону противопоставления Восточного и Западного фронтов, преувеличения успехов Русской армии и критики германских вооружённых сил. Такая позиция была сформирована под влиянием ресталинизации и «Холодной войны». Особенностью советской историографии Первой мировой войны была «обезличенность», отсутствие внимания к судьбе человека на войне. А.П. Косов отмечает рост политико-идеологического влияния на исследователей 1970–1980-х гг. Кроме того, с 1960-х гг. историки начинают отказываться от концепций о полуколониальном состоянии России [Косов 2008, с. 16-19].

А.В. Золов указывал на то, что с 1950-х гг. тематика Первой мировой войны утратила свою злободневность, благодаря чему начала приобретать академический характер. К 1980-м гг. большинство сюжетов, связанных с событиями 1914–1918 гг. были так или иначе исследованы [Золов 2016, с. 303–316]. Стоит также

обратить внимание на тот факт, что в рамках советской историографии чаще всего непосредственно военные действия и социально экономические процессы изучались отдельно друг от друга.

В целом советская оценка Первой мировой войны в современной науке характеризуется как цельная, но не лишённая тенденциозности. Задачей историков было показать империалистический, несправедливый характер войны, виноватыми в разжигании конфликта так или иначе объявлялись обе воевавшие стороны. Историки сходятся на том, что политическая обстановка оказывала существенное влияние на формирование образа Первой мировой войны. При этом интерес к данной проблематике не угасал, советские учёные тщательно подходили к фактической стороне вопроса.

Несмотря на то, что события 1914–1918 гг. часто оставались в тени последующих конфликтов, их значение для отечественной военной истории не стоит недооценивать. Большинство представителей высшего командного состава РККА начали свой боевой путь в Русской императорской армии. В 1920–1930-е гг. именно эти люди, начинавшие с нижних чинов, прошедшие две войны, считались костяком стремительно развивающейся Красной армии [Берхин 1958, с. 38]. Военно-политическое руководство СССР по достоинству оценило профессиональные качества молодого поколения командиров. К началу Великой Отечественной войны многие из них занимали высокие командные должности, а к концу стали генералами и маршалами [Домнин 2021]. После выхода на заслуженную пенсию они, как и полагается отставным военным, приступили к написанию мемуаров.

В послевоенных воспоминаниях советских генералов и маршалов событиям Первой мировой войны уделялось не очень много внимания. Издавать их начали в 1960-е гг. К тому времени событиям 1914–1918 гг. было более 45 лет. К тому же, с точки зрения официальной позиции, война была захватнической. Как справедливо отмечал А.В. Золов, события Первой мировой войны в воспоминаниях советских военачальников играли роль пролога к дальнейшим свершениям [Золов 2016, с. 303–316]. По такому шаблону построено повествование в воспоминаниях С.М.

Будённого¹, Г.К. Жукова² или А.М. Василевского³. Наиболее значимым событием для высшего командного состава Красной армии стала Великая Отечественная война. Несмотря на тяжёлые поражения и ошибки начального периода войны, победа в 1945 г. стала триумфом не только для военнослужащих, но и для всей страны. Тем не менее авторы считали должным уделить внимание началу своего боевого пути.

Воспоминания в большинстве случаев носят тенденциозный характер. Чаще всего автор мемуаров стремится выставить себя в лучшем свете, оправдать неудачи, снять с себя ответственность за поражения. В условиях государственного контроля мемуаристика выполняет ещё одну функцию – воспитательно-идеологическую. В данном случае воспоминания следует рассматривать не столько как набор сведений об описываемых событиях, сколько как историографический источник. Воспоминания создавались в соответствии с тем образом прошлого, который транслировала историческая наука. И тем не менее в рамках заданного руководством страны фрейма могли существовать различные взгляды на события прошлого.

Автор «Пробуждения» (так озаглавлены мемуары) М.Н. Герасимов родился 27 февраля 1894 г. в Москве в семье рабочего. Окончил 3 класса начального городского училища в 1905 г., а затем, 4-х классное коммерческое училище в 1909 г. В армию был призван в начале 1915 г. и зачислен в артиллерию. Исправно вёл дневники, которые в последствие позволили подробно воспроизвести события в период службы. Название воспоминаний М.Н. Герасимова выбрано не случайно. Его следует трактовать как пробуждение классового сознания простого народа: рабочих и крестьян. Ф. Энгельс писал о насилии как о повивальной бабке старого общества, беременного революцией. Первая мировая война «пробудила» М.Н. Герасимова и многих его соотечественников. Такой образ отлично вписывался в советскую трактовку событий 1914–1918 гг.

¹ Будённый С.М. Пройдённый путь. Книга первая: М., 1958.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.

³ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1978.

Воспоминания Михаила Никаноровича Герасимова выделяются на фоне прочих тем, что полностью посвящены событиям Первой мировой войны до Октябрьской революции. В них через призму личного восприятия описан путь общества и государства от воодушевления и патриотизма первых месяцев войны до разочарования и разложения в 1917 г. Это роднит «Пробуждение» с произведениями Р.Я. Малиновского, однако последние написаны в русле художественной литературы и представляют собой автобиографические романы романы⁴.

Благодаря большому объёму текста, который посвящён событиям Первой мировой войны, меняется как его структура, так и содержание. «Прологом» в данном случае является не вся война, а период от начала войны до отправки Герасимова в школу прапорщиков. С точки зрения содержания увеличенный объём позволяет более детально описать сюжеты, которые в противном случае были бы обделены авторским вниманием. Значительная часть текста практически не несёт острой политической нагрузки и представляет собой описание армейского быта и межличностных отношений. Поначалу лишь изредка встречаются явно политизированные высказывания, например, противопоставление ивановских рабочих сибирским кулакам⁵.

Стоит отметить, что описываемые события 1915–1916 гг., когда М.Н. Герасимов находился в рядах действующей армии, создают скорее ощущение рутины, нежели напряжённости. Причин такого настроения повествования может быть несколько. Во-первых, плотность войск и интенсивность боёв на Восточном фронте была ниже, чем на Западном, который чаще всего ассоциируется у обывателя с Первой мировой войной. Во-вторых, Первая мировая война не должна была становиться Отечественной войной. Как следствие, необходимо было создавать скорее образ монотонности, однообразия и общей бессмысленности, нежели напряжения всех возможных сил и единения народа перед внешней угрозой. Отсутствие единства подчёркивается через описание деятельности Земгора. Несмотря на положительную оценку помощи, которую Союз городов и Земгорсоюз оказывают фронту

⁴ Малиновский Р.Я. Солдаты России. М., 1969.

⁵ Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 70–71.

и тылу, М.Н. Герасимов указывает на обилие «любителей погреть руки». Также он отмечает, что освобождение от военной службы привлекало в эти организации «бездельников из аристократии и и толстосумов»⁶. В-третьих, младший офицер не всегда способен понять в силу, как минимум, нехватки информации всю тяжесть положения, особенно если сам не находится на наиболее опасном участке фронта.

Помимо безусловно положительного отношения к большевикам, критики царизма и Временного правительства, М.Н. Герасимов подмечает важные детали. Например, он пишет о том, что ни в 1915 г., ни в 1916 г. страна не испытывала существенных проблем с продовольствием⁷. Кроме того, в отношениях между кадровыми офицерами, офицерами военного времени и солдатами до 1917 г. нет социального конфликта. Даже после оглашения приказа № 1 Петроградского совета, несмотря на изменения в уставных отношениях, солдаты в первую очередь ценили человеческое отношение. Однако после Февральской революции социально-политические разногласия заметно обострились. М.Н. Герасимов писал, что солдаты отказывались от старых обращений и начали откликаться только на «товарищей»⁸. В некоторых подразделениях, конфликты не удавалось решить мирным путём. Например, С.М. Будённый описывал, как солдаты буквально требовали у офицеров приказа об отмене титулов. Дело дошло до драки, а затем и до стрельбы⁹.

Крайне негативно М.Н. Герасимов оценивал процессы разложения, начавшиеся в армии после Февральской революции. Солдаты, устраивающие бесчинства в отношении офицеров, называются им уголовным элементом. По его словам, дисциплина в армии оставляла желать лучшего, комитеты не решали никаких вопросов, а только устраивали споры между представителями разных партий. М.Н. Герасимов совершенно справедливо расценил Приказ № 1 как главный удар по дисциплине в армии, хотя к тому времени он уже сочувствовал большевикам. Но в отличие от

⁶ Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 73–74.

⁷ Там же. С. 61–62.

⁸ Там же. С. 235–237.

⁹ Будённый С.М. Пройдённый путь. Книга первая: М., 1958. С. 29–30.

офицеров и генералов, его беспокоили не перспективы провала наступательных операций, а обороноспособность страны. Потакание разложению армии М.Н. Герасимов называет просчётом большевиков. В этом его воспоминания выделяются из ряда других. Гораздо более распространённым был взгляд на демократизацию армии как на предвестник долгожданных политических изменений и окончания войны.

Ещё одной составной частью критики «царизма» является подчёркивание непонимания целей Российской империи в Первой мировой войне, причем не только солдатами, но и представителями офицерского корпуса. Кроме того, затрагивается национальный вопрос, который проявляется как в форме отсутствия чувства общности между представителями различных народов, так и в виде национальной неприязни к этническим немцам¹⁰. В частности, по отношению к представителям высшего командного состава, и в особенности к супруге Николая II, царице Александре Федоровне. Однако при этом идеи поражения отнюдь не приветствуются.

Проводится граница между захватнической войной, бессмысленной для массы солдат на фронте, а также рабочих и крестьян в тылу, и защитой страны от захватчиков. Так, победа в данном конфликте означала бы выполнение целей лишь небольшой политической группы. Но победа противника также неприемлема, так как страны союза Центральных держав преследовали точно такие же империалистические цели. М.Н. Герасимов придерживается скорее позиции оборончества. Патриотизм же определяется им как стремление защищать интересы всего трудового народа, а не политических и экономических элит.

Не только идеологическая работа с населением во время Первой мировой войны требовала нового подхода. Возросла роль материального оснащения армии. Обозначается неспособность экономики Российской империи обеспечить потребности вооружённых сил, превосходство германской армии в вооружении. Несмотря на безусловную важность морального состояния солдат,

¹⁰ Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 134–135.

М.Н. Герасимов указывает на несостоятельность идеи превосходства духа над техникой¹¹.

Также подчёркивался и низкий уровень стратегического и оперативного мастерства высшего командного состава. Проявлялся контраст между безуспешными попытками наступать, которые наблюдал сам М.Н. Герасимов, и блестяще организованным прорывом А.А. Брусилова.

Примечательна роль большевиков в формировании взглядов М.Н. Герасимова. До 1916 г. влияние агитаторов в армии было крайне низким. «Пищу для размышлений», по выражению автора, дали ему не политические прокламации, а личные разговоры. За время службы он встретил нескольких революционеров, чьи идеи оказали на него определённое влияние. О большевиках и меньшевиках, а также об идее классовой борьбы он узнал на собраниях полкового комитета, но, по его же словам, не смог сразу всё это «переварить». Впрочем, сам он революционером не стал и вплоть до окончания боевых действий оставался лишь сочувствующим¹². Далеко не во всех частях большевистская агитация имела абсолютный успех. М.Н. Герасимов указывает на то, что в их полковом комитете большевиков было всего трое, ещё несколько эсеров и меньшевиков, а остальные – беспартийные. Основным их занятием было ведение споров, которые, как отмечал автор воспоминаний, были для него бесполезными, так как всё, о чём говорили спорщики, он и так знал из листовок и брошюр¹³.

Революционные события 1917 г. произвели на М.Н. Герасимова смешанное впечатление. С одной стороны, политические и социальные перемены, ожидание скорого окончания войны действовали на большинство военнослужащих воодушевляюще. С другой стороны, развал армии и разруха в тылу не внушали оптимизма. Тем не менее, долгожданное возвращение домой, к мирной жизни смягчало тревогу, вызванную разложением старого общества¹⁴.

¹¹ Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 1351–36.

¹² Там же. С. 219–220.

¹³ Там же. С. 242–243.

¹⁴ Там же. С. 267–278.

Все вышеуказанные факторы неизбежно оказывали влияние на участников боевых действий, в том числе на М.Н. Герасимова, который после Октябрьской революции принял решение вступить в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. В его мемуарах Первая мировая война предстаёт явлением, вскрывшим «язвы» старого общества. В 1922 г. М.Н. Герасимов окончил Военно-академические курсы при Военной академии РККА, в 1928 г. – курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Великую Отечественную войну он встретил в звании генерал-лейтенанта. Командовал корпусом, затем армией, участвовал в операциях Северного, Ленинградского, Калининского и 2-го Прибалтийского фронтов. С 1944 г. – главный инспектор пехоты РККА, с 1946 г. – заместитель генерал-инспектора, а с 1948 г. – генерал-инспектор Инспекции стрелковых войск Главной инспекции Вооружённых Сил СССР. В 1953 г. вышел в отставку. Умер в 1962 г., его воспоминания будут изданы посмертно – в 1965 г. [Дайнес 2017, с. 62].

Таким образом, мемуары М.Н. Герасимова написаны в русле официальной советской историографии. Критика направлена на систему политических и социально-экономических отношений, сложившихся в Российской империи в целом: неспособность экономики удовлетворить потребности армии, формальность религиозных обрядов и, как следствие, слабое идеологическое влияние на солдат. Первая мировая война продемонстрировала неспособность сначала царской власти, а затем и Временного правительства решать свои задачи в условиях боевых действий. В конце концов это, а также усталость от конфликта, цели которого были мало кому понятны, привели страну и общество к революции. М.Н. Герасимов делает вывод, что в России война разрушила веру людей в справедливость существующего государственного и общественного порядка.

С воспитательно-идеологической точки зрения подобная мемуарная литература показывала судьбу человека на войне, влияние обстоятельств на выбор и дальнейшую судьбу военнослужащих. «Пробуждение» М.Н. Герасимова было призвано показать, как далёкий от политики выходец из так называемой

«мелкобуржуазной среды» под влиянием обстоятельств сформировал свои политические взгляды.

ЛИТЕРАТУРА

- Берхин 1958 – *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925). М.: Воениздат, 1958. 460 с.
- Дайнес 2017 – *Дайнес В.* Всегда быть впереди! // Ориентир: журнал. 2017. № 2. С. 62–64.
- Домнин 2021 – *Домнин А.И.* Военная кадровая политика И. В. Сталина 1930-х – начала 1940-х гг.: с кем и как встретил СССР Великую Отечественную войну // Вестник адъюнкта. 2021. № 2. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. Режим доступа: <https://vestnik-adyunkta.ru/8-vestnik/286-voennaya-kadrovaya-politika-i-v-stalina-1930-kh-nachala-1940-kh-gg-s-kem-i-kak-vstretil-sssr-velikuyu-otechestvennuyu-voynu> (дата обращения: 25.03.2025).
- Золов 2016 – *Золов А.В.* Незабываемая война: к вопросу об освещении истории Первой мировой войны в СССР // HONORIS CAUSA сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 303–316.
- Косов 2008 – *Косов А.П.* Российская историография Первой мировой войны // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений). Материалы международной научной конференции. Витебск: Изд-во Витебского государственного университета, 2008. С. 16–19.
- Миллер 1998 – *Миллер В.И.* Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации // Первая мировая война: Пролог XX века. Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1999. С. 59–61.

REFERENCES

- Berkhin, I.B. (1958), *Voennaya reforma v SSSR (1924–1925)* [Military reform in the USSR (1924–1925)], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Daines, V. (2017), “To be always ahead!”, *Landmark: Journal*, no. 2, pp. 62–64.
- Domnin, A.I. (2021), “Stalin's military personnel policy of the 1930s - early 1940s: with whom and how the USSR met the Great Patriotic War”, *Bulletin of the Adjunct*, no. 2, available at: <https://vestnik-adyunkta.ru/8-vestnik/286-voennaya-kadrovaya-politika-i-v-stalina-1930-kh-nachala-1940-kh-gg-s-kem-i-kak-vstretil-sssr-velikuyu-otechestvennuyu-voynu> (Accessed 25 Mar 2025).
- Zolov, A.V. (2016), “The Forgotten War: on the issue of covering the history of the First World War in the USSR”, in *HONORIS CAUSA sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva* [HONORIS CAUSA collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Viktor Vladimirovich Sergeev], Nestor-Istorian Saint-Petersburg, Russia, pp. 303–316.
- Kosov, A.P. (2008), “Russian historiography of the First World War”, in *Pervaya mirovaya voina: istoriya, geopolitika, uroki istorii i sovremennost' (k 90-letiyu okonchaniya Pervoi mirovoi voiny i nachalu formirovaniya Versal'sko-Vashingtonskoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proceedings of the international scientific conference The First World War: history, geopolitics, lessons of history and modernity (on the 90th anniversary of the end of the First World War and the beginning of the formation of the Versailles-Washington system of international relations)], Izd-vo Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta, Vitebsk, Russia, pp. 16–19.
- Miller, V.I. (1999), “The First World War: an analysis of the modern historiographical situation”, in Malkov, V.L. (ed.), *Pervaya mirovaya voina: Prolog XX veka* [The First World War: Prologue of the XX century], Nauka, Moscow, Russia, pp. 59–61.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофей В. Картавых, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; tkartavykh1238@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timofey V. Kartavykh, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 125993, Russia, Moscow, Miusskaya pl., 6; tkartavykh1238@mail.ru

Конец и вновь начало?
Российская история и политика
в позднем научном творчестве Ричарда Пайпса

Даниил А. Бакланов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, bdaniil.01@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена заключительному периоду научной деятельности известного американского историка-русиста Ричарда Пайпса (1923–2018). Автор проводит комплексный анализ различных выступлений историка – интервью, докладов на конференциях, открытых лекций, статей и монографий. Сквозным для Пайпса на этом хронологическом отрезке неизменно оставался вопрос – сможет ли Россия встать на западноевропейские рельсы развития после распада Советского Союза. Оценки ученого относительно перспектив демократизации российского общества находились в прямой зависимости от места и времени его высказываний и, порой, могли содержать в себе определенные противоречия. Интеллектуальная деятельность Пайпса в обозначенный период была насыщена различными сюжетами из русской истории, начиная с эпохи Древней Руси и заканчивая вступлением страны в новое тысячелетие. Пайпс, оставаясь чрезвычайно плодовитым автором вплоть до последних лет жизни, в период со второй половины 2000-х по середину 2010-х гг. успел охватить целый ряд проблем и вопросов. Так или иначе, поздний период его научного творчества стал закономерным развитием предшествующих историко-политических построений, которые Пайпс начал разрабатывать еще в 1990-е гг.

Ключевые слова: Ричард Пайпс, американская русистика, история современной России, демократия, частная собственность

Для цитирования: Бакланов Д.А. Конец и вновь начало? Российская история и политика в позднем научном творчестве Ричарда Пайпса // Молодой историк. 2025. № 1. С. 129-142.

The end and the beginning again? Russian history and politics
in Richard Pipes' late scholarly activities

Daniil A. Baklanov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, bdaniil.01@mail.ru*

Abstract. The paper investigates the final period of scholarly activity of the famous American-Russian historian Richard Pipes (1923–2018) and undertakes a comprehensive analysis of his speeches – interviews, conference papers, open lectures, articles, and monographs. Pipes' main concern during this chronological period was whether Russia would be able to embark on a Western European development path after the collapse of the Soviet Union. The scholar's assessments of the prospects for the democratization of Russian society were directly dependent on the place and time of his statements and at times could contain certain contradictions. Pipes' intellectual activity during this period was addressed to various subjects from Russian history, starting from the era of Ancient Russia and ending with the country's entry into the new millennium. Being an extremely prolific author until the last years of his life, Pipes managed to cover a number of problems and issues between the second half of the 2000s and the middle of the 2010s. Anyway, the late period of his scholarly activity became a logical continuation of the previous historical and political constructions, which Pipes began to develop back in the 1990s.

Keywords: Richard Pipes, American-Russian studies, History of Modern Russia, Democracy, Private Property.

For citation: Baklanov, D.A. (2025), “The end and the beginning again? Russian history and politics in Richard Pipes' late scholarly activities”, *Young Historian*, no. 1, pp. 129-142.

На время второй половины 2000-х – середины 2010-х гг. пришелся заключительный этап интеллектуальной активности Ричарда Пайпса (1923–2018). Ему предшествовал продуктивный период научного творчества, который продолжался с момента распада Советского Союза по середину 2000-х гг. В это время, отмеченное приливами и отливами популярности русского и советского прошлого на Западе и вместе с тем востребованности самого Пайпса, он завершает трехтомный цикл о Русской революции [Pipes 1991; Pipes 1993], создает масштабные труды о частной собственности [Pipes 2000] и русском консерватизме [Pipes 2006]. Последние две книги станут для Пайпса чрезвычайно важными на обозначенном хронологическом промежутке [Бакланов 2023].

В целом поздний период творчества представляется наиболее трудным с точки зрения его историографического осмысления. Во-первых, это время по историческим меркам имело место совсем недавно, а его отголоски окружают нас по сей день, во-вторых, направленность работ ученого – выступлений в прессе в особенности, приобрели яркий публицистический тон, ориентированный скорее на актуальную политическую действительность, нежели имели сугубо историческое, научное содержание. Именно поэтому профессиональную принадлежность Пайпса в работах последних лет ошибочно определяют как сугубо политологическую.

Сам Пайпс неоднократно подчеркивал, что является прежде всего историком: «Не забывайте, что я историк. Я, конечно, появляюсь в СМИ в качестве комментатора текущих событий, но в первую очередь считаю себя исследователем прошлого» [Пайпс 2015, с. 40]. При этом отечественные работы, посвященные Ричарду Пайпсу, в подавляющем большинстве сосредотачиваются как раз-таки на позднем этапе его интеллектуальной деятельности.

Наиболее значимые устные (и отчасти письменные) высказывания Пайпса в период 2006–2015 гг. представлены в сборнике «Два пути России». Там сосредоточены его статьи в газетах и журналах, интервью, выступления на конференциях, круглых столах, включая дискуссии. Чрезвычайно важен тот факт, что все эти формы интеллектуальной активности историка были

запечатлены в изданиях различной политической и идеологической направленности в разных странах мира (главным образом в России, Польше и США). Этот аспект самым прямым образом будет отражаться на характере и содержании выступлений Пайпса.

Целесообразным будет разделить выступления ученого на два смысловых блока. Каждый из этих блоков находится в тесной взаимосвязи друг с другом в попытке Пайпса ответить на главный для него вопрос: способна ли Россия примкнуть к альянсу западных держав, или же ей суждено навечно оставаться в плену «особого пути»? Первый смысловой блок составляет проблема стратегий поведения Запада по отношению к России. Второй – то, какие социально-политические и экономические особенности должна перенять Россия для перехода на западные демократические рельсы развития.

Так, по убеждению Пайпса, одним из важнейших факторов, мешающих России стать по-настоящему европейской страной, является ее необъятная протяженность. Ученый считает, что управлять столь огромной территорией демократическим способом невозможно. Пайпс прямо говорит о том, что России следовало бы отсоединить от себя Сибирь [Пайпс 2015, с. 19]. Кроме того, он добавляет, что «американцам выгодна маленькая Россия» [Пайпс 2015, с. 24]. Именно территориальный аспект позволяет русским мыслить свою страну как «великую державу». Таковой она, по мнению Пайпса, однако, не была и не является сейчас: «Эта навязчивая идея компенсирует тот комплекс неполноценности, от которого страдает большинство россиян, когда они сравнивают себя с настоящими великими державами» [Пайпс 2015, с. 11]. Данную мысль Пайпс озвучил в 2009 г. в англоязычном журнале, посвященном актуальным проблемам российской политики. В том же году на круглом столе в Москве Пайпс заявил, что Россия не принадлежит к узкому кругу великих держав, но позже скорректировал собственное утверждение следующим образом: «Россия – великая страна, но не великая держава» [Пайпс 2015, с. 15].

Сами же россияне, по словам Пайпса, находятся в растерянности, к кому они принадлежат – Востоку или Западу, или

же они должны проводить собственную независимую политику [Пайпс 2015, с. 64]. При этом ученый добавляет, что русский народ лишен исторической памяти – в том смысле, что для него важна не свобода, а порядок и статус «великой державы» [Пайпс 2015, с. 68]. Это было озвучено ученым в 2007 г. в Польше.

Другим значимым аспектом является геополитический расклад сил. Историк в одном из своих интервью в России заявил, что русским не следует бояться расширения влияния НАТО, и что Запад тем самым заботится исключительно о своей безопасности [Пайпс 2015, с. 12]. В то же время в 2010 г. в российском издании он отметил: «Я принадлежу к тому меньшинству, которое считает, что их опасения о продвижении НАТО к их границам оправданы. Их аргументы: НАТО было создано как военное сообщество против Советского Союза. СССР больше не существует, Варшавский договор распался. Зачем продвигать НАТО в Грузию, на Украину? Я симпатизирую в этом России» [Пайпс 2015, с. 28]. Пайпс подчеркивает, что размещать натовские войска в граничащих с Россией государствах нужно крайне осторожно, так как российские власти «вторгнутся в них и сделают из них государства-сателлиты» [Пайпс 2015, с. 28].

Ричард Пайпс обрушивался с критикой и на американских государственных деятелей за слишком резкие выпады против России. По его убеждению, следует говорить России то, что она хочет услышать. «Мы должны понимать чувствительность россиян и не раздражать их без нужды своими словами и поступками», – писал ученый в англоязычном издании [Пайпс 2015, с. 13].

Обозначает Пайпс и основную цель своих визитов в Россию – популяризация западных ценностей, что, однако, требует постоянного «вдалбливания»: «Когда я езжу в Россию, когда провожу лекции, я все время говорю им: “Вы – западники, вы западные люди, вы принадлежите Западу, у вас нет другого выбора! Вы не уникальны, вы не азиаты. Вы западные люди”» [Пайпс 2015, с. 29–30].

На рубеже десятилетий высказывания Пайпса относительно состояния перехода России в стан европейских держав становятся все более пессимистичными. Ученый отмечает изоляционизм России, ее агрессию по отношению к Западу и возвращение

дискурса Холодной войны, а также подавление прав личности и частной собственности [Пайпс 2015, с. 56]. Наступление демократии в России отодвигается до ста лет, хотя до этого Пайпс указывал диапазон в четверть века [Пайпс 2015, с. 128]. Историк неоднократно высказывался об уподоблении русскими демократии с анархией и преступностью [Пайпс 2015, с. 36].

Параллельно с творчеством публицистического характера Ричард Пайпс продолжал заниматься деятельностью научной. После небольшого затишья в 2006–2008 гг. он написал статью, посвященную политической истории Гражданской войны [Пайпс 2009]. В первой половине 2010-х гг. Пайпс ежегодно выпускал по одной небольшой монографии или эссе. При этом тематика исследований была крайне широкой: по хронологическому принципу работы Пайпса расстилаются от XIII в. до последнего десятилетия XX в. Попутно ученый регулярно читал открытые лекции в университетах Москвы и Санкт-Петербурга (МГИМО, ВШЭ, СПбГУ и др.), участвовал в политических форумах (Валдай), выступал на радио и телевидении.

В 2010 г. вышла небольшая монография, посвященная Вере Засулич и судебному процессу, связанному с покушением на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова [Pipes 2010]. Тогда же свет увидела объемная статья о Л.А. Тихомирове – бывшем народнике, который претерпел резкие трансформации в своих политических взглядах, примкнув к охранителям-консерваторам [Пайпс 2010b]. В совокупности данные работы наряду с монографией о Сергее Дегаеве завершили триаду о народниках на позднем этапе творчества историка [Pipes 2003].

В попытке научно обосновать свое представление о специфике цивилизационного пути развития России и подкрепить тем самым выступления в прессе на политическую тематику, Пайпс обращается к поворотным сюжетам из истории нашей страны. Так, например, в 2010 г. вышло эссе под названием «Истоки гражданских прав в России. Год 1785» [Пайпс 2010a]. Пайпс подчеркнул, что в России, с одной стороны, имели место зачатки гражданских прав в европейском смысле на примере расширения свобод дворянства и городов при Екатерине II, но с другой – благородные начинания императрицы были преждевременны для России того времени, не

поняты и быстро свернуты, а после 1917 г. и вовсе безвозвратно исчезли.

В 2012 г. Пайпс обратил внимание на «монгольский вопрос». Он отметил, что при доказательстве отсутствия или же ничтожного влияния золотоордынского владычества на последующие периоды русской истории правомерно «нынешнюю Россию можно рассматривать в качестве европейской державы» [Пайпс 2011]. В конце статьи Пайпс тем не менее пришел к выводу, что ордынский фактор в конструировании российской политической культуры достаточно велик [Пайпс 2011, с. 255].

В эту же категорию поздних научных изысканий Пайпса можно отнести эссе 2014 г., где историк (по всей видимости, опираясь на известный труд В.О. Ключевского [Ключевский 1991]) проанализировал широкий пласт сочинений иностранцев о России, начиная с XV в. и заканчивая воспоминаниями Р.М. Рильке, творчество которого высоко ценил в молодости [Пайпс 2014].

Другую группу составляют биографические исследования Ричарда Пайпса. В 2013 г. в промонархическом издательстве «Посев» вышла небольшая монография ученого о С.С. Уварове [Пайпс 2013], а в 2015 г. увидела свет последняя крупная работа историка, посвященная на этот раз «архитектору» Перестройки – А.Н. Яковлеву [Pipes 2015].

Эти монографии ознаменовали процесс переосмысления ученым роли знаковых для российской истории личностей. Например, графа Уварова Пайпс еще в молодости видел злодеем и реакционером, однако скорректировал свои взгляды. Монография о А.Н. Яковлеве, в свою очередь, подводит итог пересмотру ученым исторической роли Перестройки в целом. В период правления М.С. Горбачева Пайпс негативно отзывался о его политике, отмечая половинчатый и фиктивный характер реформ [Pipes 1990], но позднее изменил собственные взгляды. Кроме того, с генсеком Пайпс встречался лично – как в период существования Советского Союза, так и после его распада.

Ситуация с ближайшим сподвижником Горбачева – А.Н. Яковлевым – куда более занимательная. Известно, что в 1991 г. в Москве должна была состояться историческая дискуссия между

советскими и американскими историками во главе с Яковлевым и Пайпсом соответственно. Однако первый на нее не явился, подставив под удар остальную группу: «Конечно, на том симпозиуме в “Президент-отеле”, весной 1991 года, дискуссию с Р. Пайпсом должен был вести не Лельчук или кто-либо еще из нашей группы. В соответствующей “весовой категории” противостоять ему мог, пожалуй, наш шеф Яковлев. Мы ждали его. Он не пришел», – вспоминает Г.З. Иоффе [Иоффе, с. 294]. Пайпс встречался с Яковлевым позднее, уже после падения СССР. Его фигура, по собственному признанию ученого, оказала значительное влияние на позднем этапе его интеллектуальной активности.

Переосмыслению подверглись не только отдельные личности или события российской истории, но и более глобальные процессы, ее «движущие силы», которые Пайпс выделял еще на ранних этапах своего научного творчества. Например, в лекции 2012 г. он указал на то, что творцом истории становится уже не узкий круг интеллектуалов, а российский народ: «В конечном счете судьба России зависит от масс <...> На примере Русской революции мы видим, что к власти пришел народ и установил режим, который был совершенно неприемлем для интеллигенции».

В это время выходили отдельные работы Пайпса, которые сложно объяснить иначе, как простым исследовательским и человеческим интересом. Таким примером является книга Пайпса про передвигников, выпедшая на польском языке в 2011 г. [Pipes 2011]. Все эти небольшие монографии, каждая из которых не превышала полутора сотни страниц по форме брали свое начало с книги о Сергее Дегаеве 2003 г. (в широком же смысле подобный формат написания исторических текстов проистекал из книги о Н.М. Карамзине 1959 г., однако это был единичный случай, и вплоть до начала 2000-х гг. Пайпс к подобному варианту не обращался). Сами книги носили преимущественно описательный характер с явной акцентуацией либо на биографиях известных личностей, либо на вопросах политической истории.

Несколько хаотический характер выбора тематики исследований в сравнении с периодом 1996–2005 гг. можно объяснить потерей интереса к ученому со стороны американских

властей после непродолжительной вспышки в начале 2000-х гг. Тогда Пайпс смог сфокусироваться на давно интересующих его сюжетах из истории России.

Известно, что Пайпс продолжал заниматься научной деятельностью вплоть до своей смерти в 2018 г. По свидетельствам Д. Дэйли из личной переписки с ним, Пайпс готовил к переводу книгу В.О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве», и, по всей видимости, в преддверии ее выхода как раз-таки написал эссе «Быть русским», а также изучал эволюцию взглядов П.Н. Милюкова [Daly 2018, p. 562–563]. Интерес к фигуре лидера кадетской партии был продиктован тем, как он «из ярого сторонника вмешательства в Гражданскую войну <...> превратился в поклонника Сталина и пакта Сталина-Гитлера» [Daly 2018, p. 562–563]. Однако данным работам так и не суждено было выйти по причине смерти Пайпса в 2018 г.

Таким образом, Ричард Пайпс оставался чрезвычайно продуктивным и плодотворным автором вплоть до последних лет жизни. В период со второй половины 2000-х по середину 2010-х гг. в своем научном и публицистическом творчестве он успел охватить целый ряд проблем. Историк почти ежегодно приезжал в Россию, был частым гостем российских университетов, неоднократно выступал с публичными лекциями, на конференциях и круглых столах, а также в СМИ.

Несмотря на это, данный период по-прежнему был ознаменован распутием и потерей интереса со стороны американских властей к фигуре некогда одного из помощников Р. Рейгана. Этим обуславливается и переориентация ученого в сторону российского читателя. Хотя Пайпс регулярно представлял новые тексты, с научной точки зрения он не привнес практически ничего содержательно нового в осмысление российской истории, его работы представляли собой хрестоматийный и описательный взгляд на крайне широкий диапазон проблем – начиная с эпохи Древней Руси и заканчивая вступлением страны в XXI век.

Сквозным для Пайпса на этом хронологическом отрезке неизменно оставался вопрос: сможет ли Россия встать на западноевропейские рельсы развития? В выступлениях перед российской аудиторией вердикт Пайпса практически всегда был

положительный – сможет, но с неизбежной оговоркой о необходимости поощрения и развития института частной собственности. Для этого, по мысли историка, требуется либерализация политической системы, уход от авторитаризма. В этом отношении книга «Русский консерватизм и его критики» имела скорее надстроечный характер, а «Собственность и свобода» выступала в качестве базиса в исторической концепции Пайпса в поздний период научного творчества. Об этом красноречиво свидетельствует следующее его высказывание: «В основе понятия гражданской свободы лежит институт частной собственности. Как только оно формируется в государстве, появляется идея соответствующего законодательства, а это, в свою очередь, ведет к возникновению идеи свободы» [Пайпс 2015, с. 31]. Лейтмотивами этих двух книг будут пропитаны выступления историка на различных круглых столах, форумах, научных конференциях, интервью. Тем не менее скелетом его концепции неизменно оставалась «вотчинная теория», которую он сформулировал в книге 1974 г. «Россия при старом режиме». Этот труд, пускай и не без шероховатостей, подводил к главной виновнице всей советской системы – Русской революции. Таким схематичным образом можно обрисовать общую структуру исторической концепции Ричарда Пайпса. Как видно, позднее научное творчество ученого начала XXI в. органически вписывается в систему его предшествующих интеллектуальных построений.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was carried out within the RSUH project “Intellectual history as a tool of historical expertise” (“Student project research teams of RSUH” competition).

ЛИТЕРАТУРА

- Бакланов 2023 – *Бакланов Д.А.* История России в интеллектуальных построениях Ричарда Пайпса 1996–2005 гг. // Историческая наука завтрашнего дня: VI Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 10 апреля 2023 г.: Сб. ст. М.: РГТУ, 2023. С. 103–111.
- Иоффе 2015 – *Иоффе Г.З.* Иные времена. Воспоминания. Иерусалим: Филобиблон, 2015. 325 с.
- Ключевский 1991 – *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. 334 с.
- Пайпс 2005 – *Пайпс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 406 с.
- Пайпс 2009 – *Пайпс Р.* Московские центры. Политический фронт в гражданской войне в России // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 51–67.
- Пайпс 2010а – *Пайпс Р.* Истоки гражданских прав в России – год 1785. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 46 с.
- Пайпс 2010б – *Пайпс Р.* Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. С. 145–166.
- Пайпс 2011 – *Пайпс Р.* Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование // Неприкосновенный запас. 2011. № 5. С. 234–256.
- Пайпс 2013 – *Пайпс Р.* Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013. 84 с.
- Пайпс 2014 – *Пайпс Р.* Быть русским. Заметки иностранных путешественников о русском национальном характере. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. 60 с.
- Пайпс 2015 – *Пайпс Р.* Два пути России. М.: Алгоритм, 2015. 224 с.
- Сергеенкова 2017 – *Сергеенкова И.Ф.* Ричард Пайпс о политической культуре и перспективах развития России // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 1. Вып. 4: Социология. Политология. Международные отношения. С. 475–483.

- Daly 2018 – *Daly J. A Scholar with a Sense of Mission // Cahiers du Monde Russe*. 2018. Vol. 59. № 4. P. 553–566.
- Pipes 1990 – *Pipes R. Gorbachev's Russia: Breakdown or Crackdown? // Commentary*. 1990. Vol. 89. № 3. P. 13–25.
- Pipes 1991 – *Pipes R. Russian Revolution*. New York: Vintage Books, 1991. 976 p.
- Pipes 1993 – *Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime*. New York: Vintage Books, 1993. xviii + 587 p.
- Pipes 2000 – *Pipes R. Property and Freedom*. New York: Vintage Books, 2000. 352 p.
- Pipes 2003 – *Pipes R. The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia*. New Haven: Yale University Press, 2003. 168 p.
- Pipes 2006 – *Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture*. New Haven: Yale University Press, 2006. xv + 216 p.
- Pipes 2010 – *Pipes R. The Trial of Vera Z // Russian History*. 2010. Vol. 37, № 1. P. 1–82.
- Pipes 2011 – *Pipes R. Russia's Itinerant Painters // Russian History*. 2011. Vol. 38, № 3. P. 315–427.
- Pipes 2015 – *Pipes R. Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015. 168 p.

REFERENCES

-
- Baklanov, D.A. (2023), “Russian history in the intellectual constructions of Richard Pipes in 1996–2005” in *Istoricheskaya nauka zavtrashnego dnya: VI Vserossiyskaya nauchnaya konferenciya studentov, aspirantov i molodykh uchennykh* [Historical science of tomorrow: VI All-Russian scientific conference of students, postgraduates and young scholars], RSUH, Moscow, Russia.
- Daly, J. (2018), “A scholar with a sense of mission”, *Cahiers du Monde Russe*, vol. 59, no. 4, pp. 553–566.
- Ioffe, G.Z. (2015), *Inye vremena. Vospominaniya* [Other Times. Memories], Philobiblon, Herusalem, Israel.

- Klyuchevsky, V.O. (1991), *Skazaniya inostrancev o Moskovskom gosudarstve* [Legends of foreigners about the Moscow state], Prometheus, Moscow, Russia.
- Pipes, R. (1990), "Gorbachev's Russia: Breakdown or Crackdown?", *Commentary*. vol. 89, no. 3, pp. 13–25.
- Pipes, R. (1991), *Russian Revolution*, Vintage Books, New York, USA.
- Pipes, R. (1993), *Russia under the Bolshevik Regime*, Vintage Books, New York, USA.
- Pipes, R. (2000), *Property and Freedom*, Vintage Books, New York, USA.
- Pipes, R. (2003), *The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Pipes, R. (2005), *Ya zhil. Memuary neprimknushego* [Vixi: Memoirs of a Non-Belonger], Moscow School of Political Studies, Moscow, Russia.
- Pipes, R. (2006), *Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Pipes, R. (2009), "Moscow centers. A political front in the Russian Civil War", *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 51–67.
- Pipes, R. (2010), "The Trial of Vera Z", *Russian History*, vol. 37, no. 1, pp. 1–82.
- Pipes, R. (2010), "Lev Tikhomirov: a reluctant revolutionary", *Neprikosnovennyi zapas*. no. 4, pp. 145–166.
- Pipes, R. (2010), *Istoki grazhdanskikh prav v Rossii – god 1785* [The origins of civil rights in Russia – the year 1785], Moscow School of Political Studies, Moscow, Russia.
- Pipes, R. (2011), "Mongol influence on Russia: pros and cons. Historiographical research", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 5, pp. 234–256.
- Pipes, R. (2011), "Russia's Itinerant Painters", *Russian History*, vol. 38, no. 3, pp. 315–427.
- Pipes, R. (2013), *Sergej Semenovich Uvarov: zhizneopisanie* [Sergej Semenovich Uvarov: biography], Posev, Moscow, Russia.
- Pipes, R. (2014), *Byt' russkim. Zametki inostrannykh puteshestvennikov o russkom nacional'nom haraktere* [Be Russian. Notes of foreign travelers about the Russian national character], Moscow School of Civic Education, Moscow, Russia.

- Pipes, R. (2015), *Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*, Northern Illinois University Press, DeKalb, USA.
- Pipes, R. (2015), *Dva puti Rossii* [Two ways of Russia], Algorithm, Moscow, Russia.
- Sergeenkova, I.F. (2017), "Richard Pipes about the political culture and prospects of the development of Russia", *Bulletin of Udmurt University. "Sociology. Political science. International relations"*, vol. 1, no. 4, pp. 475–483.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил А. Бакланов, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bdaniil.01@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil A. Bakalnov, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bdaniil.01@mail.ru

УДК 930

«Будущее нашего прошлого – 10: интеллектуальная история
(идеи, люди, контекст)»: взгляд молодых ученых

Даниил А. Бакланов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, bdaniil.01@mail.ru*

Для цитирования: Бакланов Д.А. Будущее нашего
прошлого – 10: интеллектуальная история (идеи, люди, контекст):
взгляд молодых ученых // Молодой историк. 2025. № 1. С. 143-146.

“The Future of Our Past – 10: An Intellectual History
(ideas, people, context)”: The view of young scholars

Daniil A. Baklanov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, bdaniil.01@mail.ru*

For citation: Baklanov, D.A. (2025), ““The Future of Our
Past – 10: An Intellectual History (ideas, people, context)”: The view of
young scholars”, *Young Historian*, no. 1, pp. 143-146.

Интеллектуальная история завоевала себе место одного из ведущих направлений исследований в современной российской и мировой гуманитаристике. С момента своего появления в методологическом арсенале ученых в конце XX века, оно убедительно продемонстрировало свой эвристический потенциал на междисциплинарном и трансдисциплинарном уровнях, поспособствовав кооперации специалистов самого широкого профиля [Решина 1999; Уотмор 2023].

Интеллектуальная история в отечественной науке нашла и свое практическое оформление: на сегодняшний день активно издаются специализированные научные журналы; выходят серии

монографий; проводятся круглые столы и научные конференции и т.д.

Одним из последних крупных исторических форумов стала юбилейная Всероссийская научная конференция «Будущее нашего прошлого – 10: интеллектуальная история (идеи, люди, контекст)», состоявшаяся 20 марта 2025 года. По традиции организатором выступила кафедра истории и теории исторической науки Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Стоит отметить, что и некоторые из предшествующих конференций серии «Будущее нашего прошлого» находились в тесной взаимосвязи с проблемами интеллектуальной истории [Будущее 2022; Будущее 2024].

Насыщенная программа мероприятия включала в себя работу пленарного и шести секционных заседаний. Представительной оказалась и секция молодых ученых, в рамках которой свои доклады представили студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры в общей сложности 8 российских вузов (РГГУ, ЕУСПб, НИУ ВШЭ, САФУ, ЧелГУ, УРФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, МПГУ, КГУ).

Тематика исследований охватила широкий пласт актуальных научных проблем, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. и заканчивая современным периодом российской и зарубежной истории. В фокус внимания молодых исследователей попали вопросы истории военной мысли раннего Советского Союза, интеллектуальные проекты видных государственных и общественных деятелей (С.С. Уваров), в том числе представителей русского зарубежья (А.Ф. Керенского и т.н. «пореволюционеров»), репрезентации образа русских нигилистов конца XIX столетия в британской периодической публицистике, западных экономических теорий, оказавших реальное воздействие на денежные преобразования в Мексике, а также других латиноамериканских странах второй половины XIX – начала XX вв.

Прозвучали доклады, выполненные в русле интеллектуальной биографии: европейский период эмиграции А.Ф. Керенского (1920–1940 гг.), раннее научное творчество одного из наиболее авторитетных американских русистов XX в. –

Н.В. Рязановского, жизненные траектории ленинградских профессоров в контексте их научных экспедиций 1930–1940-х гг. Была проанализирована проблема эволюции взглядов первого и последнего Президента СССР М.С. Горбачёва в современной историографии. Особое внимание было уделено истории науки и историографии как составной части интеллектуальной истории. Были рассмотрены институциональные и интеллектуальные аспекты развития науки в сложных идеологически заостренных условиях холодной войны (формирование исторической науки в ГДР).

Таким образом, конференция «Будущее нашего прошлого – 10: интеллектуальная история (идеи, люди, контекст)» продемонстрировала большой интерес молодых исследователей к проблемам интеллектуальной истории, наметив широкие и разноплановые перспективы развития данного направления в современном гуманитарном знании – от проблем исторической биографики, историографии, рецепции тех или иных идей до изучения институциональных, экономических, социальных и политических интеллектуальных проектов прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Будущее 2022 – Будущее нашего прошлого – 7: историческая память и коммеморативные практики: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26-27 ноября 2021 г. / Отв. редактор Е.В. Барышева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. 438 с.
- Будущее 2024 – Будущее нашего прошлого – 9: жизнь науки и жизнь в науке: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 16 февраля 2024 г. / Отв. редактор Е.В. Барышева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. 161 с.
- Репина 1999 – Репина А.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Вып. 1. 1999. С. 5–12.
- Уотмор 2023 – Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2023. 200 с.

REFERENCES

- Barysheva, E.V., ed. (2022), *Budushchee nashogo proshlogo – 7: istoricheskaya pamyat' i kommemorativnye praktiki: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26–27 noyabrya 2021 g.* [Future of our past – 7: historical memory and commemorative practices: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Moscow, November 26-27, 2021], RGGU, Moscow, Russia, 438 p.
- Barysheva, E.V., ed. (2024), *Budushchee nashego proshlogo – 9: zhizn' nauki i zhizn' v nauke: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 16 fevralya 2024 g.* [Future of our past – 9: the life of science and life in science: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Moscow, February 16, 2024], RGGU, Moscow, Russia, 161 p.
- Repina, L.P. (1999), “What is intellectual history?”, *Dialog so vremenem*, iss. 1, pp. 5–12.
- Whatmore R. (2023), *Chto takoe intellektual'naya istoriya?* [What is intellectual history?], New Literary Observer, Moscow, Russia, 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил А. Бакланов, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bdaniil.01@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil A. Bakalnov, master's student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bdaniil.01@mail.ru

Главный редактор

Барышева Елена Владимировна

Выпускающий редактор английского текста

Антонова Ирина Борисовна

Научный редактор и корректор

Бакланов Даниил Антонович

Дизайн и вёрстка

Тагильцева Софья Александровна

МОСКВА 2025

A low-angle, upward-looking photograph of a classical building's facade, featuring ornate columns and a pediment. The image is overlaid with a solid blue color. The text 'molodoi.istorik@rggu.ru' is centered in white, underlined font.

molodoi.istorik@rggu.ru